

Владимир Долинский

Записки непутевого актера

В книге использованы фотографии из личного архива автора

© Долинский В., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Удивительный человек, удивительная книга

Удивительный человек Владимир Долинский! Смелый до безрассудства, добрый до противного, яркий до гениальности, талантливый до белой зависти. Друг преданный, семьянин поискать. В общем, человек на все времена. А ещё книги пишет. Причём остроумные, умные и честные. Это уже too much! Попросил новую рукопись почитать. Засиделся до полуночи. Правда. Здорово написано.

Но нашёл всё-таки у супермена слабое звено. Любит Володя антрепризный театр – театр беспризорный, охаянный аутсайдер нашего художественного пространства. А любить-то как раз полагается полупустые залы репертуарных мемориалов.

Так вот, в новой книге Долинского столько доброго, интересного и очень уважительного рассказывается о бродячем племени артистов российской антрепризы, с трудом выживающих в джунглях «рыночной экономики», что сразу понимаешь – это всё и про автора. Про честь и достоинство художника. Про любовь и ненависть. Про дружбу и предательство. В общем, про жизнь...

Ладно. Прочтите лучше книгу. Честное пионерское, не пожалеете.

Юлий Гусман

В джунглях антрепризы

Несколько лет назад меня позвали в один славный московский театр. Приглашали в труппу, но я, хлебнувший к тому времени воздуха свободы, колебался, принять лестное предложение или повременить. Сошлись на том, что я начну репетировать на договорных началах одну из главных ролей в новом спектакле, а там поглядим. Пьеса вполне приличная, моя роль тоже, замечательные

партнеры, все шло тип-топ и продолжалось месяца полтора, пока две ведущие актрисы не начали выяснять между собой свои непростые отношения. Началось с малого, потом все больше и больше, крики, истерики. Режиссер долго терпел, но в конце концов, устав дипломатично примирять двух разгневанных тигриц, послал всю эту затею, извините, на хрен.

Работа была интересная, враждовавшие дамы вскоре спохватились, стали просить режиссера, который к тому же был худруком театра, вернуться, но он держал форс и отвечал им отказом. Я, будучи с ним сызмальства в приятельских отношениях, заглянул к нему, чтобы понять, на каком свете я сам: репетируем, разбегаемся? За годы, проведенные вне государственного репертуарного театра, я стал сам себе и директором и бухгалтером – в общем, администратором своих успехов и неудач, был, что называется, в свободном плавании. Мне нужна была определенность. И вот что я услышал от старинного приятеля: «Вова, если бы ты знал, как мне все это надоело, но я не могу с ними совладать». Он был на перепутье: закрывать проект или сделать еще одну попытку продолжить работу. Но вот что меня потрясло больше всего: директор уговаривает его не заморачиваться, плюнуть на спектакль, а потраченные копейки он запросто спишет.

«Копейки» же складывались из затрат на пьесу (приобретение прав), гонораров переводчика и композитора, зарплаты актеров, расходов на декорации и прочая, и прочая. Директор государственного, даже муниципального театра все спишет, ведь не его же деньги. Но какой антрепризный продюсер может себе позволить такой «купеческий жест»?

Слава богу, злосчастный спектакль все-таки состоялся, и «копейки» списывать не пришлось. Но меня, к тому времени уже много лет отработавшего в антрепризе и как актера, и как продюсера, просто убило отношение директора театра к выброшенным на ветер деньгам. У меня уже в крови было, что продюсер антрепризы, подобно саперу, лишен права на ошибку: совершил просчет – пошел по миру. Можно сменить режиссера, расстаться с гениальной, но строптивой актрисой, которая мутит воду, создает в труппе разлад, можно долго возиться с музыкой, которая тебя не устраивает, колдовать с художником над декорациями, но довести проект до конца, выпустить спектакль, показать его людям ты обязан. Иначе тебя ждет не только творческий, но и финансовый крах, иначе грош тебе цена.

Боже мой, сколько помоев вылило последние годы на антрепризу! Это тебе и прямая халтура, и погоня за длинным рублем, и дискредитация святыни – театрального искусства, и апология пошлости, а то и безнравственности, и потакание дурным вкусам невзыскательной публики, и безжалостная эксплуатация актеров, которая приводит к деградации их талантов, если таковые вообще у них были... Уф! Кажется, ничего не забыл.

Что ж, и впрямь далеко не все антрепризные спектакли гениальны, а то и просто удачны. Верно, и откровенной халтуры – режиссерской и актерской – тоже хватает. И глубоко правы театральные критики, которые в пух и прах разносят наши неудачи и просчеты. Справедливости ради заметим, что они не щадят и постановки государственных, так называемых репертуарных, театров, коли они того заслуживают. Перед критикой мы все равны, как перед Богом. Но вот что интересно: самые острые и самые ядовитые стрелы летят в антрепризу со стороны тех худруков, чьи огромные труппы едва выживают на госдотациях, чьи высокохудожественные спектакли идут при полупустых залах, чьи актеры годами сидят без ролей, утрачивая мастерство и профессиональные навыки.

У меня есть друг-литератор. Когда при нем речь заходит о недугах, что среди немолодых людей нередко, и к нему обращаются за советом, он отвечает: «Извините, я неважный кардиолог (уролог, травматолог, невропатолог), ничем помочь не могу». Так вот, я тот еще историк и теоретик театра. Но мне досконально известно, что антреприза вовсе не изобретение, не дурная новация нашего безнравственного и меркантильного времени. Театр-то вообще начинался с антрепризы.

Что, как не антреприза, древнегреческий театр, восходящий к действиям в честь бога Дионисия, давший потом мировой культуре имена Эсхила, Софокла, Аристофана, Еврипида? Что, как не антреприза, шекспировский «Глобус», театр отнюдь не государственный, не королевский, а частный, владельцами, акционерами которого были братья Бербеджей, сам Шекспир, актеры его труппы? Что, как не антреприза, скоморошьи балаганные представления на Руси, ставшие одной из основ отечественного театра? Что, как не антреприза, крепостные театры, где, пожалуй, все-таки было больше творческой свободы, нежели в советских академических? Вспомним, наконец, нашу новую театральную историю: императорские театры в Санкт-Петербурге и Москве, с их чиновничьим произволом – цензурой и репертуарными предписаниями-ограничениями. Именно в противовес императорским театрам рождались в России частные театры в столицах, например, созданный как антреприза на деньги меценатов и самого Станиславского наш великий Художественный, бесчисленные провинциальные антрепризы, давшие нашей театральной культуре замечательных трагиков и комиков, не говоря уже о Счастливецеве с Несчастливецевым.

Впрочем, пока не поздно, выныриваю из океанских глубин театральной истории. Историк ведь я неважный, равно как и кардиолог. Лишь напомним напоследок о начатом при Луначарском полнейшем огосударствлении и оцензурировании театральной сцены, о судьбах Мейерхольда, Таирова, Михоэлса... Каждую рукопись пьесы, каждый спектакль, каждую роль, каждую сцену, каждое произнесенное даже шепотом слово в репертуарном государственном (а другого просто не стало) театре сквозь лупу просматривало всевидящее око цензуры, прослушивало ее же всеслышающее ухо. Какая уж там антреприза! Разве за ней уследишь? Вне ведения государственного театрального монстра остались разве что школьные любительские постановки, да и те цензурировались учителями и завучами...

Теперь все можно. При условии, что на все хватит сил, таланта, денег, причем не государственных, не бюджетных, а своих или самим добытых. Так как же создается антрепризный спектакль?

Перво-наперво тот, кому это надо, антрепренер, он же продюсер, ищет пьесу. Если речь идет не о классике, права на нее надо купить, потом выбрать и пригласить режиссера, художника, композитора. Сказать легко – не просто сделать. На хорошую драматургию голод нынче невероятный. Чаще всего легче найти пьесу зарубежного автора, перевести ее и адаптировать к нашим реалиям, значит, не избежать сложнейших переговоров с автором или правообладателем, с переводчиком. Теперь режиссер – если он с именем, востребован, наверняка заломит столько, что не отобьешь за год жизни будущего спектакля. С молодыми, не раскрученными постановщиками свой риск, и он не всегда оправдан. А что, если придется менять режиссера уже в процессе работы?

Мало-мальски уважающий себя художник хочет творить. И ему в общем до лампочки, влезет ли его творение – декорация в «Газель», во сколько обойдется перевес груза при доставке его самолетом на другой конец России-матушки.

Да, а где репетировать? Слава богу, если есть отношения с директором какого-нибудь ДК. А если нет, приходится со всем постановочным скарбом прыгать с одной площадки на другую, по пути теряя детали костюмов и реквизит. И здоровье тоже. А на новом месте надо заново выставлять декорации – часто без рабочих сцены, своими руками, чтобы, упаси бог, ничего не попортить. Декорации ведь не дядины, твои, на собственные денежки изготовленные.

Но это все цветочки, ягодки – сами мы, актеры. Понятное дело, для успеха проекта продюсер просто обязан приглашать в свой спектакль раскрученных, узнаваемых, любимых зрителем актеров, чьи имена на афишах – залог будущих аншлагов что на столичных площадках, что в глубокой провинции, залог хороших сборов, а значит, и окупаемости вложенных средств. И вся беда в том, что мы, раскрученные, узнаваемые, любимые, весьма капризны. Ведь у каждого из нас есть реальная или мнимая возможность выбирать, какой спектакль осчастливить своей персоной. И от этого мы часто во

всех смыслах завышаем себе цену. А с другой стороны, когда аж две недели мы не получаем заманчивых предложений, нас, узнаваемых, охватывает паника, мы готовы согласиться на все, лишь бы выходить на сцену, оставаться в обойме. Ох как трудно с нами продюсерам, не позавидуешь...

Но вот все срослось: пьеса и роль понравились, партнеры и режиссер устраивают, в цене сошлись, график репетиций и спектаклей согласован – и вперед. Тут-то и начинается это «счастье и несчастье пополам». Партнеры становятся тебе родными людьми, ведь мы зависимы друг от друга, нам вместе творить, радоваться удачам, расстраиваться из-за ошибок и просчетов, плакать, смеяться, удивлять столицу, летать через полстраны, в трясках автобусах мотаться по провинциальным городишкам, отсыпаться в гостиницах, порой колесить по зарубежью. Если и впрямь все срослось, если спектакль оказался удачным, если его принимает зритель, мы вместе на годы, мы становимся близкими, мы становимся семьей. А в крепкой семье не должно быть скрытых обид, зависти, недомолвок и пуще всего – предательства.

Как-то года три назад я надумал сам продюсировать спектакль. Нашел очень приличную пьесу американского автора, адаптировал ее с режиссером спектакля Петей Бельшковым на наш сегодняшний день, перенес действие в Россию. Не подумайте, упаси бог, о пиратстве. Права на использование пьесы были куплены у правообладателя, изменения согласованы. Получилась очень симпатичная история о двух людях, проживших вместе 20 лет, любящих друг друга, но, увы, как это нередко бывает, утративших взаимное сексуальное влечение.

Пьеса получилась и смешная, и трогательная, и в чем-то поучительная. Роль супруга я оставил за собой, а вот с поиском героини начались сложности. Кто-то из актрис, кого бы я хотел увидеть в этой роли, был занят, и их надо было ждать, кто-то не видел себя в этой роли... Короче – тупик. И тут мой дружок Петя, он же режиссер спектакля, человек сердобольный, предложил взять на эту роль некую актрису Аллу Довлатову, которая работала в спектаклях со Стасом Сададьским и была изгнана им из проектов за непрофессионализм. Она подрабатывала в это время на радио ведущей. Петя убеждал меня, что Алла жаждет работать в театре и, хотя она с неба звезд не хватает, он добьется от нее толка.

Моя жена Наташа, человек, который очень хорошо разбирается в театре, умоляла меня не делать глупости, а дождаться на эту непростую роль профессиональную актрису. Но мне не терпелось приступить к работе, к тому же я очень доверял Пете. Я сломался, и мы начали репетировать с Довлатовой. Это пухлогубое создание репетировало слабо, но Петька так бился с ней, столько сил и души вкладывал, что со временем что-то стало получаться. Были очень удачные репетиции, а были просто провальные, сказывалось отсутствие профессионализма и опыта. Но она была «подперта» хорошими партнерами, и мы худо-важно добрались до премьеры. Спектакль начал жить.

Надо отдать Довлатовой (ее настоящее имя Марина Евстрахина) должное – она сумела собраться. Мы периодически играли спектакль, и зал принимал ее очень неплохо. Но случилась беда: ее пригласили на канал «Россия» в передачу «Девчата». Передача, прямо скажем, так себе, но шла регулярно. Ее физиономия засветилась на экране. И все! Изменилось отношение к партнерам, к самому спектаклю. Летаю только бизнес-классом, в гостинице только «люкс». Короче, зазвездилась.

Полгода назад наш спектакль был запланирован в довольно крупном городе. Прошла реклама, продавались билеты, на следующий день вылет, ей куплен билет в бизнес-класс. И вдруг звонок:

– А почему мне сначала был куплен билет в эконом-класс?

– Принимающая сторона не знала о твоих амбициях, но я объяснил им, Алла, что ты стоишь этих затрат, и они исправились, – сдержанно объясняю я.

– Да, но у меня уже нет настроения...

– Не капризничай. У твоих партнеров нет ни богатых родителей, ни крутого мужа, они живут на то, что зарабатывают. Они ждут завтрашнего спектакля. Не говорю уже о зрителях...

– Ну не знаю, и муж мне не советует.

– Алла, мне жена тоже не советовала брать тебя в эту работу. Но я решил по-своему. Не поступай непорядочно. Ты дала согласие на этот спектакль, значит, должна лететь.

– Ах, оказывается, я непорядочная! Я никуда не лечу.

– Алла! – не выдержал я. – Забудь про этот спектакль навсегда. И поверь, я сделаю все, чтобы актеры и продюсеры в других проектах узнали про этот случай.

Что я сейчас и делаю...

Прекрасно понимаю, что ей тогда предложили корпоратив за большие деньги, и она сломалась.

А что же гастроли? Спектакль был сорван.

Вскоре я ввел на эту роль Веру Сотникову, настоящую актрису, которая влилась в нашу антрепризную семью.

Да, мы одна семья, но случается, что семья не без...

Вот в самом общем виде что такое антреприза. А теперь от общего к частному – к наиболее памятным для меня эпизодам моей антрепризной биографии, к встречам и расставаниям со своими соантрепризниками – продюсерами, актерами, режиссерами. Не удивляйтесь, когда среди повествования о сыгранных спектаклях попадутся вкрапления о чей-то личной жизни. Это тоже важно. Не сценой единой жива театральная антрепризная семья.

Еще в середине девяностых, когда я работал в театре «У Никитских ворот» Марка Розовского, меня пригласили принять участие в новой антрепризной постановке чеховского «Вишневого сада». Молодой, тогда еще никому не известный режиссер Леня Трушкин предложил мне роль Симеонова-Пищика. Партнеры были потрясающие: Таня Васильева, Коля Волков, Евгений Евстигнеев... Ну уж куда круче? Я загорелся, но как дисциплинированный театральный человек пошел к Марку Григорьевичу отпрашиваться. Он ответил недвусмысленно: «Володя, я никогда в жизни ни с кем не делюсь своими любимыми женщинами и актерами». Точка.

Мне пришлось отказаться от участия в заманчивом проекте, о чем, честно говоря, до сих пор жалею. Спектакль получился просто замечательным и стал московским театральным событием. Увы, этот кусочек актерского счастья я пронес мимо рта.

Но вот спустя несколько лет, в 2001 году все тот же, но уже другой, набравшийся режиссерского опыта, добившийся известности и уважения в театральных кругах, Леонид Трушкин вновь искушает меня – приглашает на роль Соломона в спектакле по пьесе Григория Горина «Шалопай, или Кин IV». Роль очень колоритная, по своему рисунку в чем-то схожая с тем, что мне доводилось играть прежде, например в «Цене» Артура Миллера, причем в присутствии знаменитого автора этой пьесы. Я просто счастлив и, не задумываясь, принимаю предложение.

Чудная пьеса. А какие партнеры! Виталий Соломин, Валерий Золотухин, Верочка Глаголева, Лев Дуров, Александр Константинович Граве – компания просто роскошная. И роль Соломона уж точно моя: старый, мудрый, трогательный еврей, слуга и друг великого актера Кина.

Начинаем репетировать. Две главные мужские роли – король (Соломин) и Кин (Золотухин). Остальные пять мужских ролей достаточно большие, хотя и второстепенные, эпизодические. Но как ярко вылепил их Григорий Горин, какие они живые, разные по характеру!

На первую репетицию, читку пьесы, не пришел один из актеров – исполнитель роли датского посла, и я читал за себя (Соломона) и «за того парня». Чтобы не было скучно, я не стал просто бубнить, а выбрал для посла яркую гротесковую характеристику – а-ля Боря Моисеев. Все смеялись.

Дальше события развивались так, словно кто-то их заранее спланировал. Только не я, честное слово, не я.

На следующую репетицию не пришел Лев Дуров, захворал. Я «подчитал» за него роль министра, взяв такую демоническую тональность. Опять всем понравилось. И когда на очередной репетиции обнаружилась очередная актерская недостача, я прочитал роль врача, сделав его сухим скандинавом с заметным прибалтийским акцентом.

После репетиции Валера Золотухин сказал:

– Слушайте, а зачем нам нужны лишние исполнители? Здесь пять эпизодических персонажей, пусть Долинский всех их один и сыграет.

Трушкин почесал затылок: ему, мол, нужно переспать с этой мыслью. Переспав с ней, он на следующий день заявил, что эти пять персонажей на сцене друг с другом не встречаются, а в некоторых сценах лишь, что называется, сталкиваются в дверях – один уходит, другой заходит, – так что идея вовсе не дикая, к тому же позволит серьезно сэкономить, что для антрепризы дело не последнее. Сказано – сделано. Отыграв сцену слуги, я вылетал за кулисы, за несколько секунд буквально на ходу переоблачался в костюм лорда и степенно выходил на сцену. Таким же образом я переодевался в датского посланника, врача и еще в кого-то. Трудность заключалась даже не в необходимой скорости переодевания – тут мне помогали. Но за те же секунды надо было перепрыгнуть не только из костюма в костюм, но и из характера в характер, то есть перевоплотиться, полностью изменить манеру двигаться и произносить текст, иначе лорд мог заговорить у меня с выраженным еврейским акцентом. Но вроде бы получалось, нравилось и режиссеру, и моим партнерам.

Работали каждый день, была зима, помещение, где мы репетировали, очень плохо отапливалось, мы часто не снимали пальто и шапки. Но работа кипела. Ко времени были готовы сложнейшие декорации, костюмы.

Премьера состоялась на сцене театра имени Вахтангова и прошла блестяще. Соломин и Золотухин просто плели кружева, заставляя зрителей смеяться и плакать. Чудесно были исполнены женские роли. Постановка яркая, смелая. Зал в конце спектакля буквально скандировал. И критика тоже приняла «Шалопаев» на ура. Не хочу показаться нескромным, но все же не удержусь и приведу мнение замечательного театрального критика Бориса Юрьевича Поюровского, который сравнил мои прыжки из роли в роль с виртуозными перевоплощениями великого Аркадия Райкина.

С Виталием Соломиным, удивительным актером и прекрасным человеком, я познакомился в восьмидесятые годы – вместе снимались в фильме «Зимняя вишня – 2», где он играл главного героя, а я его друга ловкача и плута Бруевича. Снимал фильм Игорь Федорович Масленников, талантливый режиссер и очень добрый, компанейский мужик. (Перечитал последние фразы и смутился: сколько в ней хвалебных эпитетов. Но ведь все правда!)

Снимались мы в Питере, в Париже и еще в каком-то малюсеньком французском городке, забыл его название. Времена были голодные, и Игорю Федоровичу его друзья позволили жить и снимать в своем доме, находившемся в этом чудном «кукольном» городке. По фабуле фильма дом получает в наследство герой Соломина. В общем, двойная экономия: на гостинице и на съемочной площадке.

Когда уже заканчивали снимать, настоящие хозяева дома устроили застолье во французском стиле. Мы-то привыкли к картошечке, селедочке, ухе, жаркому и чтобы водочки было вволю. А

гостеприимные хозяева выставили несколько бутылей вина в плетеных корзинах да десяток сортов сыра на огромной деревянной доске. Еще были гроздья винограда, грецкие орехи. Потрясающий натюрморт, но, увы, не для меня. Я чистосердечно признался Виталику, что вина, к сожалению, не пью, сейчас бы водчонки...

– Ладно тебе, – говорит Соломин. – Не подали водку, так попей винца...

– Да не могу, у меня на вино и на все, что связано с перебродившим виноградом, жуткая аллергия.

– А ты попробуй! Чует мое сердце, что на это никакой аллергии у тебя не будет.

Я попробовал. Выпил стаканчик, другой, третий, плеснул из другой бутылки – никакой аллергии!

Потом мудрый Виталик Соломин сделал квалифицированное медицинское заключение:

– Знаешь, почему обошлось без аллергии? Потому что раньше ты пил не сухое вино, а мочу. А теперь пьешь настоящее. Запомни, на хорошее настоящее сухое вино никакой аллергии нет и быть не может.

Не скажу, что после этого у меня пропал вкус к водочке и селедке с картошкой. Отнюдь. Но и вино, разумеется настоящее, меня больше не пугает. Спасибо тебе, Виталик...

О работе с Виталиком в «Шалопаях, или Кине IV» я уже рассказал. Так вот, проходит какое-то время после премьеры, и у меня раздается звонок из некой продюсерской компании. Дама-продюсер предлагает мне роль в знаменитой «Мышеловке» по Агате Кристи. Ставит спектакль Виталий Соломин. Я, естественно, интересуюсь: какую роль?

– Владимир, если вы свободны, приходите завтра на репетицию, там обо всем и поговорим, – уклончиво отвечает дама.

На следующий день ровно в два я был на репетиционной площадке. Виталий встретил меня очень приветливо:

– Привет! Как жизнь? Пьесу прочел? Правда, грандиозно? Кого бы хотел сыграть?

Я состроил «умняк» – будто обдумываю, какую роль выбрать, – и только открыл рот, как он с хитрой улыбкой прервал меня:

– Не мучайся! Все равно не догонишь. Я хочу, чтобы ты сыграл миссис Бойл. Ну как?

Я был ошарашен. Серьезный психологический детектив, годами игравшийся на десятках сцен мира, и вдруг в драматической женской роли – толстый мордастый мужик! Ведь это не водевиль, не комедь.

– В том-то и вся фишка, – окончательно развеял мои сомнения Виталий. – Никаких кривляний: тетка с абсолютно мужским характером. Баба-мужик.

Мне ничего не оставалось, как согласиться. Конечно, после первых же слов, прочитанных мной на репетиции: «Я Бойл. Я миссис Бойл!..» – все партнеры полегли со смеху, но постепенно привыкли. Естественно, что в роли, несмотря на всю драматичность детективного сюжета, появился определенный комизм. Да и весь спектакль во многом решался гротескно. В общем, играя эту даму, я получал огромное удовольствие, а по реакции зрителей чувствовал, что они тоже приняли нашу игру.

Потом я спросил у Виталика, как ему пришла в голову светлая мысль пригласить меня на эту роль. И узнал, что до моего приглашения в «Мышеловку» миссис Бойл репетировала блистательная Инна Ульянова, но у нее некстати возникли проблемы, мягко скажем, со здоровьем. Режиссеру надо было как-то выходить из положения, иначе выпуск спектакля откладывался на неопределенное время. И

вот ночью в постели его жена Маша сказала: «Да чего ты мучаешься? Сам же после репетиций «Шалопаяев» заявил, что Долинский может сыграть все. Вот и пригласи его». Виталий последовал Машиному совету. Режиссеры, слушайте своих жен!

На четвертом-пятом спектакле, когда мне пришлось уехать на гастроли, на роль миссис Бойл ввели яркую характерную актрису Марину Голуб...

Написал это имя и вновь, который уже раз, испытал щемящее чувство утраты. Мы, моя тогда еще будущая жена Наташа и я, познакомились с Мариной в театре «Шолом», где какое-то время играли вместе. И потом не теряли друг друга из виду. Я снимался с ней в сериалах, дружески общался на «Кинотаврах», внимательно следил за ее актерским взлетом вплоть до достигнутых ею вершин в чеховском Художественном: Васса Железнова, королева-мать в Гамлете. Это были бы не последние ее вершины, знаю. Но ее сбили на взлете.

После трагедии о Марине Голуб, кажется, сказано все. Добавлю, что я всегда восхищался ее могучей энергетикой: человек-электростанция ярких эмоций, молний любви к жизни, неумеренного актерского тщеславия, без которого актер не актер. А как эта добрая, славная еврейская женщина сумела воплотить истинно русский характер в «Семеновне»! А какой искрометно веселой она была в «Девчатах»!

Сбили на взлете...

«Мышеловка» свела меня с двумя людьми, которые плотно вошли в мою жизнь. Это Лариса Гузеева и Петр Бельшков.

Ларисой я был очарован еще с ее кинодебюта в «Жестоким романсе». Когда мы познакомились и коротко «обнюхались», то сразу поняли: в чем-то мы очень родственные души. Пожалуй, за всю свою театральную жизнь я не встретил человека, более трепетно относящегося к сцене, чем Лариса. Большого театрального опыта у нее не было, но это компенсировалось неподдельной и полной душевной отдачей в исполнении любой роли.

В «Мышеловке» у нее роль сложная, по-настоящему драматическая, да нет, просто трагическая. Лара натурально бледнела и краснела на сцене. Плакала живыми слезами и чуть не теряла сознание от подлинности переживаний. Если кто-то стоял за кулисами и отвлекал ее, она обижалась и делала замечания. Часто они относились ко мне. В конце первого акта миссис Бойл убивают, и я оставшуюся часть спектакля и до поклонов маялся скукой, бродил по закулисью, подсматривал за происходящим на сцене, не без юмора «оценивая» игру своих коллег. После одной моей репризы Лара подошла ко мне, отвела в сторону и сказала: «Вован, если не хочешь поссориться, не мешай мне! Очень тебя прошу». Я клятвенно пообещал, что во время своих сцен она меня за кулисами не увидит.

Несколько спектаклей спустя я, уже убитый, блуждая за кулисами Театра-студии киноактера, наткнулся на инвалидную коляску, уселся в нее и, сняв парик миссис Бойл, обнажив свою лысину, тихонько стал кататься за сценой. Тем временем Лариса так драматично искренне произносила монолог над телом убитого брата, что я невольно заслушался, подкатил на коляске к первой кулисе и стал внимательно слушать. Она меня заметила, полоснула, как ножом, взглядом и покрылась ярким румянцем. Я ретировался. Когда после спектакля я подошел к ней, она резко сказала, что я не умею держать слово и сегодня убил ее роль. Я попытался оправдаться, но тщетно – она даже не стала слушать. Мы долго не разговаривали. Но в конце концов где-то на ужине после очередного спектакля помирились. Я объяснил ей, что подкатил к сцене без всяких задних мыслей, без злого умысла, что было абсолютной правдой. «Но и ты пойми меня, – отвечала она, – я вся из себя страдаю над братским телом, и вдруг из кулисы почти на сцену в инвалидной коляске выезжает Берия в женском платье, я чуть со страха не уделалась!» В общем, простила. Потом были еще поездки, мы очень подружились, поддерживали друг друга, когда бывали нелегкие минуты, а они бывали. Однажды на

Дальнем Востоке чуть не с боем вырвались из резиденции местного блатного авторитета, куда ненароком попали. И вместе бродили по старому городу в Риге, попивая пунш и выискивая подарки своим близким. Ой, да чего только не бывало! Лариса для меня навсегда останется близким по духу человеком, я ее люблю.

Вообще, поездки с гастрольями по стране – это отдельный разговор. Нигде так не узнаешь человека, его отношение к жизни, к людям, к профессии. Мне не много было отмерено общаться с Виталиком Соломиным, но несколько гастрольных поездок – в одном купе, под рюмочку «беленькой» – помогли мне узнать этого, в общем, очень закрытого человека. Основываясь на наших совместных работах, на том, что видел в спектаклях Малого театра, могу сказать смело: Виталий Мефодьевич Соломин не просто хороший, а по-настоящему большой актер. Он был потрясающе правдив на сцене и требовал правды от партнеров. Я никогда не забуду, как уже после выпуска «Мышеловки» он, режиссер, предпочитал не смотреть, а слушать нас из-за кулис. Я увидел его сидящим во время спектакля за сценой, сосредоточенного, с закрытыми глазами. «Тебе что, плохо?» – спросил я. «Нет, нет, не мешай. Я слушаю!» Потом он объяснил мне, что правду и фальшь лучше воспринимает на слух. И сам никогда не фальшивил.

В ночном купе с удивительным трепетом рассказывал о своих студентах. Любил их, как собственных дочерей, переживал за них. Гордился каким-то пареньком, который, по его мнению, был похож на него. Говорил мне, что одними из лучших минут своей жизни считает время, когда выдавалось побыть одному на даче, посидеть за полночь у костра и, прихлебывая чай, думать, фантазировать, мечтать, строить планы. Сколько же у него было их, планов!

Больно, когда уходят друзья. Двадцатого апреля шумно и весело отмечали мой день рождения. Виталик прекрасно выглядел, был, как всегда, остроумен, говорил хорошие, теплые слова. А спустя несколько дней позвонила Маша: увезли в больницу... Скоро Виталика не стало. Какая потеря для нашего театра, для Щепкинского училища, где он блестяще преподавал, и для меня...

Как жаль, что он уже никогда не пригласит меня в свой спектакль, что не выпьем под стук колес водчонки, не похвастаемся друг перед другом своими дочурками. Светлая тебе память, Виталик!

Не буду предаваться воспоминаниям в хронологической последовательности. Вчера вот сидели на солнечной террасе в доме Вали Смирнитского и Лиды в Испании. Ели какие-то варенные в специальном соусе вкуснящие ракушки, по эксклюзивному рецепту приготовленные Лидасей. Вот уж хозяйка, вот умелица! Но об этом так называемом испанском периоде нашей жизни после, а сейчас написал это к тому, что вспомнил наш с Валею совместный период работы в антрепризе «Ля Театр» Вадима Дубровицкого.

Так здорово все начиналось. Меня пригласили в спектакль «Слухи», когда его уже вовсю репетировали. Привлекли меня не столько пьеса и режиссер, сколько состав участников: Валя Смирнитский, Володя Стеклов, Марина Могилевская, Лена Сафонова, Ольга Волкова, Андрей Ильин, Фима Шифрин и очень симпатичная Инночка Милорадова – жена продюсера. Что ни имя, то подарок и для работы, и для общения. До сих пор не могу понять, как этому жучиле Дубровицкому удалось склонить к творческой связи таких потрясных актеров. И что самое интересное, ему удалось поставить очень симпатичный, смешной и красивый спектакль, проживший долгую сценическую жизнь. Но, как мне кажется, самым дорогим в этот период нашей жизни был не сам спектакль, который, несмотря на изредка возникавшие катаклизмы (все бывало: и срочные замены, и излишние возлияния, и безумные расколы на сцене – жизнь есть жизнь), а царившая атмосфера товарищества, взаимовыручки, огромной взаимной симпатии.

Надо отдать должное Дубровицкому, он умеет обаять людей, увлечь их своей идеей, произвести впечатление одержимого и притом немного беззащитного, бескорыстного художника. Он,

безусловно, одаренный человек. Но его авантюризм, часто даже нечистоплотность во взаимоотношениях с близкими людьми в конечном счете отталкивает от него даже очень преданных ему и верящих в него. Ну как можно было подставить всех нас, актеров, которые безоговорочно доверяли ему, дав нам подписать только первую и последнюю страницы письма, отправленного им в надзорные органы и правительство Москвы, с просьбой передать ему помещение Театра киноактера, скрыв от нас остальной текст, где он смешивал с грязью и обвинял во всех мыслимых и немыслимых грехах и преступлениях руководство этого театра?

Мне позвонил тогдашний его директор и попросил зайти к нему. Я, ничего не подозревая, пришел и услышал: «За что вы меня так?» Директор протянул мне письмо, под которым стояли все наши подписи. Прочитав, я был ошарашен, заверил директора, что мы и предположить не могли о грязи, которой напичкано письмо, и тут же письменно отказался от своей подписи. Я рассказал о встрече с директором ребятам, все были возмущены, и, насколько помню, Смирнитский и Стеклов тоже отозвали свои подписи. После этой истории я уже не мог работать с Дубровицким и ушел из его проектов.

Но все это будет позже, через пару лет, а пока мы с блеском сыграли премьеру «Слухов». После спектакля Вадим каждый раз накрывал стол с непременно водочкой, и винцом, и чудесной закуской. Это было так к месту после спектакля – просто не хотелось расставаться: хохмили, подтрунивали друг над другом и, счастливые, разъезжались по домам. Не пьяные, конечно, но слегка подшофе, благо в те годы сие не то чтобы не возбранялось, но особо не преследовалось.

Потом был еще один проект Дубровицкого – «Человек и джентльмен». В нем были в основном заняты те же актеры, но работа шла уже не так гладко, и я только позже понял почему. Эту пьесу Эдуардо де Филиппо наш режиссер ставил раньше на периферии. Видимо, постановка оказалась или показалась удачной, и он вольно или невольно пытался втиснуть нас в тот сценический рисунок. А это всегда дело неблагодарное. Тем не менее спектакль случился и какое-то время просуществовал. Потом мы играли «Любовь-кровь» по пьесе Ксении Драгунской, но работа с Вадимом становилась для нас все скучнее и скучнее.

Тогда же Дубровицкий загорелся подсказанной ему Володей Стекловым идеей – снять телефильм по трилогии Сухова-Кобылина. Вадим с присущей ему энергией даже «выкрутил» деньги на этот проект. Приглашал и нас, но мы с Валею Смирнитским отказались, уж больно «нагибал» он нас по части денег. «Нагибал» ниже некуда. Да и в наших театральных финансовых расчетах он был более чем прижимист. А потом случилась история с письмом, и я ушел из «Ля Театра».

Ушел и унес с собой бесценное – дружеские отношения с прекрасными людьми, о которых писал. А еще в нашей долгой антрепризе были Леня Якубович, Саша Семчев, Сережа Виноградов, Светлана Тома, Ирочка Лачина, Женя Стычкин, Катя Стриженова. И со всеми складывались добрейшие приятельские и необходимые для сцены творческие отношения. Они длятся по сей день.

Ну где, в каком стационарном театре я мог бы обрести столько мощных талантливых партнеров? За годы работы в государственном, репертуарном театре ты так сживаешься со своими коллегами, что предугадываешь каждый их взгляд, каждый шаг, каждый жест на сцене. Какими бы чудесными, одаренными, многоплановыми актерами они ни были, за долгие годы совместной работы ты привыкаешь к ним настолько, что их игра уже не способна поразить тебя, вызвать яркие ответные эмоции. Так бывает в крепком долгом супружестве. Хорошо, надежно, но порой скучновато.

В антрепризе не заскучаешь. Она каждый раз преподносит новых достойных партнеров, которые заражают тебя новыми эмоциями. Здесь не обойдешься прошлым багажом, каким бы богатым он ни был. Здесь добытые победы надо подтверждать и преумножать, здесь, как в большом спорте,

требуется играть на результат. Если хотите, здесь необходимо постоянно доказывать, что ты по праву принадлежишь к избранному кругу уникальных артистов, на которых зиждется антрепризный театр.

А разве можно в репертуарном театре переиграть столько разного, сколько за сравнительно короткий срок переиграешь в антрепризе? «Человек и джентльмен» Эдуардо де Филиппо, «Слухи» Нила Саймона, «Любовь-кровь» Ксении Драгунской, «Второе дыхание» братьев Пресняковых, «Не плюй против ветра» («Не играйте с архангелами») Дарио Фо, «Ханума» А. Цагарели, «Театр» Н. Коляды, «Секрет семейного счастья» А. Чехова, «Мышеловка» А. Кристи, «Адам и Ева» А. Миллера... Перечень далеко не полон. В каждой из этих пьес судьба, повторяю, сводила меня с людьми, которых воистину поцеловал Бог, с партнерами, перед которыми всякий раз надо доказывать, что ты вправе быть рядом с ними на сцене.

С Таней Васильевой мы проработали бок о бок всего-то года три, не больше, а кажется, что прожито полжизни. Притом не было никаких жизненных и творческих катаклизмов, грандиозных событий, неожиданных судьбоносных поворотов-переворотов. Но, видно, от Бога дано этой женщине занимать огромное пространство в жизни людей, с которыми сводит ее судьба. И следит она там крупно, серьезно и очень по-всякому. Более противоречивых отзывов от людей, с ней работавших, я не слышал ни о ком. Но все сходятся в одном: талантливейший, ярчайший человек, актриса-трудяга. Я сам имел счастье убедиться в этом.

Первая наша короткая встреча в ранней молодости, в Театре сатиры. Таня мне, театральному повесе, нравилась. Было дело, провели с ней целую ночь у меня в квартире на Дегтярном. Водочку пили, я ее убалтывал, в чем был большой мастак, слезливые стихи читал, но тщетно, не сдалась подружка. А уж потом встретились через десятилетия в театральном проекте Андрея Бутина «Место, похожее на рай».

За Таниной судьбой я особо не следил, но, конечно, слышал об основных перипетиях ее жизни. Как рассталась она с первым своим мужем, замечательным актером Толей Васильевым. Разное говорили о причинах их развода, но меня они не интересовали. От Толи у нее родился сын Филиппок. Потом она влюбилась в Гошу Мартиросяна – рослого красавца с львиной головой и грудным рыкающим голосом, всегда модно, с иголки одетого. Мы с Гошей одно время приятельствовали, гулеванили, выпивали не на шутку. Как-то раз он, я и Саня Абдулов попали в переделку с какими-то кавказцами. Дело дошло до драки. Их было больше, но Санька, по натуре боец, причем вооруженный железной расческой, пошел «пахать» ею. Я тоже был драчун хоть куда. Через несколько минут мы обратили врага в бегство и, вытирая побитые морды, заметили стоящего в созерцательной позе Гошку. Он наблюдал за баталией со стороны. Я накинулся на него: «Ты чего не помог, бздун?» Гоша смущенно забасил: «Ну ты че, Вовуль? Я видел, вы без меня управляетесь. И потом, глянь, – он показал на облегающий его большое мускулистое тело белый плащ, – новый, бундесовый. Я за него три косаря отдал, он мне маловат, если размахнусь, по шву пойдет. Хорошая вещь, жалко». Мы с Санькой дружно заржали.

Никогда не забуду, как на следующий день после смерти только что родившегося моего сына (жена была еще в роддоме) Гошка единственный, кто без звонка приехал ко мне с целой авоськой четвертинок водки, и мы сутки просидели с ним на моей кухне, заливая постигшее меня горе. Как же мне тогда помог его приезд...

Так вот, Таня влюбилась в Гошку, а так как Плучек, главреж Театра сатиры, где тогда блистала Татьяна, наотрез отказался брать этого самца в труппу, она в знак протеста из театра ушла, и ее вместе с Гошей пригласили в Театр Маяковского. Они прожили довольно долго, родили замечательную дочурку Лизу. Когда мы с Таней стали вместе работать, она порой рассказывала о том, как нелегко складывалась их жизнь, как они бедствовали без своего жилья, ютились по квартирам друзей, влезали в долги, но главное, как она безумно его любила. А разошлись в основном

из-за нетерпимых отношений, которые сложились у Гоши с Филиппом, Таниным сыном от ее первого брака.

Вернемся, однако, к «Месту, похожему на рай» – спектаклю по пьесе Артура Миллера, в который пригласил меня Андрей Бутин, продюсер антрепризы и очень неплохой актер. Для меня эта работа в известном смысле была вторичной. За несколько лет до того мы с режиссером Алексеем Кирющенко поставили эту пьесу в другой антрепризе и под другим названием – «Адам и Ева». Еву очень здорово сыграла Вера Сотникова, Адама – Дима Марьянов, мне досталась роль Творца. По разным причинам спектакль просуществовал очень недолго, и вот Андрей Бутин решил его реанимировать.

Сам Андрей репетировал Адама, я, понятное дело, Творца, а на роль Евы пригласили Таню. Иногда я не мог репетировать – засматривался на ее работу. Она находила юмор там, где его, казалось, и быть не может, а уж драматизма, как говорила моя мама, «полон лифчик». Благодаря виртуозной игре Тани у нас получился совсем другой спектакль, где безусловной героиней стала она.

Потом поставили «Второе дыхание». После то ли третьей, то ли четвертой репетиции мы остались без режиссера и, по существу, сделали спектакль сами: Андрей Бутин, Таня Васильева, Таня Кравченко, Даша Повереннова, Наташа Щукина и ваш покорный слуга. Пьеса так себе, прямо скажем, дурацкая, взяли, что называется, на безрыбье, но общими усилиями накрутили-навертели очень смешную комедь. Зрителю нравилось. Объехали с ней полстраны.

В поездках мы очень тесно общались с Таней, кажется, сблизились так, что только смерть разлучит. Я очень привязался к ней и к Филиппку. Он тоже играл во «Втором дыхании» и таскался по гастролям вместе с нами. Парень хороший, но не без... И надо отдать должное Тане – матери: она боролась за него, буквально вытаскивала с того света. Вытаскивала вместе с его подругой Яной Кремер, у них был бурный, довольно продолжительный роман. Филипп выправился, всерьез увлекся театром (до этого был и ВГИК, и юрфак МГУ, который он бросил). Таня купила ему квартиру, а Яна (она художник) сделала из обычной двушки настоящее произведение. Но прожили они с Яной в ней недолго. В наш спектакль пришла новая молодая актриса Настя и быстренько прибрала Филиппа к рукам. Женщина сильная, волевая, чего не скажешь о Филе, такая, должно быть, ему и нужна. Сейчас у них уже двое детей. Таня, говорят, не нарадуется. Она отдала им свою большую трешку на Таганке, а сама перебралась в квартиру Филиппа в Нагатино, хотя, знаю, ее хрустальной мечтой всегда была своя квартира в самом центре.

Таня тяжело переживала проблемы, возникавшие в жизни своих детей. Я пытался по-товарищески помогать ей, быть нужным. Помню, узнал от Тани, что Лиза встречается с каким-то «мутным» восточным человеком. Тревога матери за дочь была мне понятной.

Как раз в это время мы с Наташей пригласили Таню и Филю встретить Новый год по-семейному, у нас дома. Когда появились гости, мы оцепенели. Вместе с приглашенными явились Лиза со своим «восточным человеком», а также его брат и мама, вся в черном, в трауре, только что потерявшая в каких-то разборках то ли мужа, то ли брата. Полночи просидели молча, выпивали, не чокаясь, стеснялись закусывать – у людей-то горе... Таня чувствовала себя передо мной особенно неловко: «Прости, их просто некуда было деть». Шепотом отвечаю: «Да что ты! Все нормально. Даже здорово для разнообразия. Всегда только хохмим, а так хоть ночь помолчали, родственничка помянули...» Веселенький Новый год, ничего не скажешь.

В то время я еще работал в проекте с Таниным первым мужем Толей Васильевым, отцом Филиппа. Знал от нее, как Филипп переживает, что отец с ним не общается. И я взял на себя тяжелую миссию посредника в чужих семейных неурядицах. Заговорил с Толей в гастрольной поездке: в поезде, под стук колес, под рюмку водки, легче решаются самые деликатные вопросы. Поначалу Толя и слышать не хотел имени своей бывшей. Но я оказался достойным переговорщиком-угovorщиком. И Толю как

прорвало, видно, много у мужика накопело. Со слезами на глазах он поведал мне о накопившейся после расставания с Таней горечи, и я почувствовал свою миссию невыполнимой, такой узел с плеча не разрубить. Но, к счастью, ошибся. Видимо, в Толе где-то глубоко жило желание сблизиться с Филиппом, кровь – не вода. Я сумел убедить его, что обиду на бывшую жену никак нельзя переносить на общего сына, это просто несправедливо. Сейчас я горжусь тем, что сумел сломать лед, что мне удалось сблизить родных людей, отца с сыном. Насколько я знаю, и отношение Толи к своей бывшей тоже слегка оттаяло – они с Таней и Филиппом даже участвовали после этого в каком-то театральном проекте.

Пишу о Танином бывшем муже и вспоминаю, как мне случилось самому выступить в роли ее благоверного. Нет, не подумайте чего! Просто как-то раз Татьяна не могла выбить причитающиеся ей деньги в каком-то автосалоне и попросила меня помочь. Как постороннего человека меня бы туда и близко не подпустили, но в качестве «мужа» я так рьяно защищал наши «семейные интересы», что деньги Тане вернули на следующий день.

Как видите, антрепризная жизнь складывается не только из репетиций, спектаклей и гастрольных разъездов, но и из чисто человеческих переживаний и коллизий, порой драматических. На эту тему еще один сюжет.

По жизни у Татьяны два главных приоритета: сумасшедшая, иначе не скажешь, любовь к своим детям, а теперь уже и к внукам, и страсть, тоже иначе не назовешь, к своей профессии. К сему лукаво добавлю два характерных для нее пристрастия: она всю жизнь влюблялась в импозантных красавцев и обожала шмотки. Причем не просто шмотки, а очень дорогие, качественные.

Все свое свободное время на гастролях она может провести в походах по бутикам, по часу вылезая из примерочной кабинки и скупая все, что ей глянулось и подошло на ее рослую нестандартную фигуру. Должно быть, так она компенсирует совковые годы, когда все мы сидели в нищете и с восторгом пялились на любую привезенную из-за бугра тряпку. Вернувшись с ворохом купленных нарядов домой, Татьяна, по свидетельству Филиппа, через какое-то время добрую половину вещей с еще не оторванными бирками раздаривает подругам и знакомым.

В свои походы по магазинам Татьяна частенько брала меня с собой. Я сам, грешный, любитель шопинга и не раз прибегал к ее компетентным советам, покупая подарки своим девочкам – Наташе и Поле, но при этом мы с Таней никогда не упускали возможности пойти в храм, если таковой был в городе. Мы очень сблизились с ней за годы совместной работы, и, казалось, ничто не может поколебать нашей дружбы. Увы, прочность ее не прошла серьезного испытания.

Я вводил Татьяну в свой круг, она, естественно, знакомила меня со своими друзьями и подругами. Очень милые, достойные люди. Среди них была хорошенькая, известная больше как вдова Евгения Александровича Евстигнеева, чем актриса, Ирина Цивина. Таня рассказала мне о ее непростой судьбе. Как она своей заботой и вниманием скрасила последние годы жизни великого актера. Как после его смерти, отдав должное скорби, вышла замуж за иностранца и родила ему двоих детей – мальчика и девочку. Как он подло ее бросил и выкрал из России ее дочку при посредничестве (ох как тесен мир!) Гоши Мартиросяна, который их когда-то и познакомил. Как Ира встретила со своим теперешним мужем и из беззубого полубомжа вылепила преуспевающего бизнесмена.

Ира преданно, по-собачьи смотрела Татьяне в глаза, стараясь предвосхитить любое ее желание, и еще она очень хотела работать вместе с Таней. А кто, скажите, не мечтал оказаться с Васильевой на одной сцене? Ира сделала все возможное и невозможное, и наконец Таня взяла ее сначала в один, а потом и в другой спектакль. Он назывался «Вид на море со шкафа». Мы были заняты там вчетвером – Татьяна с Филиппом, Цивина и я.

Надо отдать должное Ирине, она оказалась вполне профессиональной актрисой, слепила в нашем спектакле довольно симпатичный образ. Я познакомился с ее мужем Сашей. Приятный, очень хорошо относящийся к ней и к ее сыну мужик. Иногда проводили вместе время. Все вроде бы ничего. Неприятности начались, когда мы со своим спектаклем стали колесить по стране. Волей-неволей после выпитого стаканчика сухого мне нередко приходилось выслушивать ее откровения, главным образом о ее собственных амурных похождениях. Неприятно было слушать сравнительные характеристики, которые она давала своим мужикам, тем более что кого-то из них я знал, не говоря уже о моем знакомстве с ее мужем Сашей. А уж знакомиться с интимными подробностями ее отношений было совсем не интересно.

И еще. Я не терплю, когда люди заискивают перед теми, кто сильнее их, от кого зависят, и похамски, по-барски относятся к слабым и зависимым. Ирина оказалась из этого числа. Проводница в поезде, горничная в гостинице, шофер встречающей нас машины – все становились объектами ее придирок и издевок. Я не раз говорил ей, что не могу терпеть такого отношения к людям, рассказал, что из-за этого расстался с одним из своих ближайших друзей. Она же в ответ на мои увещевания лишь хлопала большими красивыми глазами. И когда где-то на Урале зимой она заставила пожилую горничную тащиться по морозу из одного гостиничного корпуса в другой, чтобы перестелить постель, на которой изволила почивать актриса Цивина, мое терпение лопнуло, и в доступнейшей форме я поведал Ирине, что о ней думаю.

Стало ясно, что существовать в одном проекте мы больше не сможем. А Татьяна, когда пришло время выбирать, кто останется с ней работать – я или Цивина, – выбрала свою давнюю подругу. Честь ей и хвала. И мы с Татьяной пошли дальше разными путями.

Еще один небольшой эпизод, чтобы закончить с этим сюжетом. Недавно случайно встретил Сашу. Его чаша терпения, как и у меня, переполнилась, и он тоже расстался с Ириной. Очень сочувствую умному, достойному человеку, которому долго пришлось терпеть своеобразную супругу. И одобряю его решение.

Расставшись с Татьяной, я лишился сразу трех спектаклей, которые в основном кормили меня и мою семью. Не скрою, я был выбит из седла и морально и материально. Но правильно говорят: «Не бойся, если перед тобой закрылась дверь, надо очень захотеть, и откроются две другие». Так и случилось.

Я уже упоминал Петю Бельшкова, с которым работал в «Мышеловке» Виталия Соломина. Там Петя прекрасно сыграл одну из ролей и часто помогал режиссеру на репетициях, что называется, ассистировал. А после ухода Виталия сам поддерживал спектакль как режиссер, сделав множество вводов. Было видно, что его тянет к режиссерской работе.

Мы не общались с Петром несколько лет, но иногда мне кто-то передавал от него приветы, да я и сам вспоминал его с большой теплотой. Так вот, однажды он мне звонит и предлагает встретиться. Привозит пьесу, сопроводив ее примерно такой характеристикой: «Когда прочтешь, не пугайся! Конечно, полное говно, но мне кажется, если, взяв это за основу, основательно переписать, усмешнить, внести тему и интонацию Счастливецва и Несчастливецва, может получиться что-то интересное». Прочитал. Насчет говна согласился сразу, но вот как из него сделать конфетку, не понял. Но у Петьки так горели глаза, он так был заведен на эту работу, что я сказал ему: «Дерзай! Перепишешь, дай почитать». Честно скажу, в успех этой переделки я не верил абсолютно, но меня грела надежда сыграть экстравагантную роль, которую предложил мне Петя, – роль актера-плута, переодевающегося в силу обстоятельств в женщину, периодически снова перескакивающего в мужское обличье, вытворяющего при этих сумасшедших перескоках всевозможные уморительные глупости.

Через несколько дней Петька приносит совсем другую пьесу, еще очень сырую, но совсем не безнадежную. Почти нелепая авантюризм осталась, но появилась вполне осязаемая глубина. «Актеров обижать нельзя, они те же дети, а детей не обижают! И кто забыл это святое правило, будет мною жестоко наказан!..» – говорит мой герой. Петя вогнал еще несколько цитат из «Леса» Островского. Тут уже было о чем говорить. Мы еще поработали над пьесой и очертя голову кинулись в репетиции.

(Продюсером спектакля была Нина Литвинова, бывшая балерина кордебалета, мало смысловая в театре, но нюхом чувствующая финансовый успех. А основным ее достоинством было то, что в творческий процесс она не лезла. Тетка неплохая, но не шибко умная, зато амбициозная. Да бог с ней...)

Почти с самого начала у нас сложился отличный актерский и человеческий ансамбль. Мою напарницу, артистку-выпивоху, репетировала Анечка Терехова. Условно говоря, главную героиню (в этом спектакле все героини оказались главными) репетировала Людочка Светлова, ее жениха – сам Петя Бельшков, а ее маму – Наташа Хорохорина. Все суперпрофессионалы, кто больше раскручен, кто меньше, но все замечательные актеры, на удивление трогательно относящиеся к работе, к своему тяжелому ремеслу и к своим партнерам. Неудивительно, что у нас сложились просто потрясающие человеческие отношения.

Был, правда, небольшой просчет при распределении ролей. На роль отца героини пригласили приснопамятного Леню Голубкова, то бишь актера Владимира Пермякова. Увы, вскоре выяснилось, что он к нашей профессии имеет, мягко говоря, косвенное отношение. Надо отдать ему должное, он отчаянно старался, пытался репетировать с голоса, просто повторяя интонацию режиссера. Господи, как это было беспомощно и смешно! Смешон был не персонаж, а сам исполнитель, который абсолютно ничего не понимал в нашем ремесле. Мы покусывали губы, уходили со сцены, чтобы не обидеть его своим смехом, и в результате все-таки вынуждены были с ним расстаться. Прости, Володя, не обижайся, но каждый должен заниматься своим делом. На эту роль пришел Вадим Андреев, актер-подарок. Репетиции превратились для нас в праздник. Мы по ходу дописывали диалоги, вставляли гэки, импровизировали. Петька проявил себя как замечательный придумщик. Он точно выстраивал ситуации, привносил в них присущий ему юмор. Получалось безумно смешно, а актеры просто блистали в своих ролях. И при этом спектакль становился не только все смешнее, но и умнее, трогательнее, что ли. В нем все глубже раскрывалась тема человеческих отношений. Да, там были шутки, что называется, и «ниже пояса», но они шли не от актеров, а от персонажей спектакля, от их характеров. Для меня и моих партнеров лучшей оценкой нашей работы стала реакция моего товарища, замечательного режиссера, старейшего и самого мощного кавээнщика страны Юлика Гусмана. Он от смеха чуть не падал со стула, а после спектакля мы слышали от него слова, о которых может только мечтать каждый актер.

Спектаклю выпала счастливая судьба. Мы сыграли его несчетное число раз. Были, естественно, и вводы, и замены актеров, через наш спектакль прошли Таня Кравченко, Юля Захарова, Наташа Громушкина, Коля Бандурин, Олеся Железняк. И все же позволю себе, отбросив остатки скромности, сказать: в основном спектакль держался на моей роли, самой выигрышной. Мужчина, играющий женщину, как и актер в роли пьяного или иностранца с забавным акцентом, что называется, уже на старте получает дополнительные очки. Так получилось и с моей ролью в этом спектакле, который мы называли «Здравствуйте, я ваша теща!».

«Теща» исколесила всю Россию, да и не только, и везде ее принимали на ура. Но все проходит, прошла и долгая успешная жизнь классически антрепризного спектакля. А так, кто знает, может, наша «Теща» еще возродится из пепла, как одна известная птичка?!

Вот на днях получил приглашение из Новокузнецкого государственного драматического театра сыграть эту женскую роль в их постановке. В Новокузнецке спектакль идет уже пару лет, и они решили сделать рекламный ход с помощью приглашенного актера. Поеду с огромной радостью!

Не могу и не стану останавливаться так подробно на каждой из своих работ, хотя к некоторым из них еще вернусь. Все они мне очень дороги, потому что в каждую, даже самую маленькую роль я всегда вкладывал всю душу, старался сделать своего персонажа ярким и запоминающимся. Иногда это удается, иногда нет, но меня неизменно радует, когда зрители узнают меня, а значит, моих персонажей на улице, в магазине, на пляже. Я счастлив, когда люди улыбаются, встречая меня как старого, доброго знакомого. Хочется верить, что они вспоминают, узнают меня не по одной-двум удавшимся актерским ролям, а по многим, некоторые из которых уже напрочь вылетели из моей, мягко скажем, немолодой головы. Тешу себя мыслью, что узнаваемость и признание зрителей – это награда по совокупности сыгранных ролей, то бишь награда за творчество. Как хочется, чтобы это было так!

Простите автору некоторую хаотичность рассказа об антрепризе. Все-таки сам автобиографический жанр диктует определенную последовательность изложения. Так что дальше основные этапы своей непутевой, что нашло отражение в названии книги, жизни я постараюсь изложить в хронологическом порядке.

Театральная прописка

Родился я действительно в сорок четвертом году, когда еще шла война, но ее никак не ощутил и не запомнил. Помню другое: в детстве я очень любил компот. Мог, не отрываясь от кастрюли, выпить в один присест всю жидкость компотную.

У нас была почти что полнометражная семья: папа, мама, я и бабушка. Дедушки не было. К обеду полагались закусочка, салатик, потом первое, второе и чашка компота. Иногда можно было выклянчить добавочку. Но, даже получив ее, я частенько не мог совладать с собой – крался к холодильнику и, прильнув губами к кастрюле, втягивал в себя эту божественную влагу, этот нектар моего детства.

Следовало скрыть следы преступления. Я набирал воды из-под крана и шкодливо доливал в кастрюлю. Родители быстро разгадали этот прием. Однажды – дело было на даче – мама в ожидании папы, который должен был приехать из города, спрятала только что сваренный компот с моих жадных глаз. Я приступил к поиску. В столовой компота не было, в родительской комнате под кроватью не было, на кухне тоже. Я выбежал в сад, обошел его и, вконец отчаявшись найти вожаемый нектар, заглянул за дом, где стоял американский джип «виллис», который Константин Михайлович Симонов привез с войны и подарил папе. Я часто забирался в боевую машину, крутил баранку, отстреливался от наступающих фашистов. Но сейчас мне было не до игр: внимательно осмотрев местность, я увидел лежащую на земле крышку, поднял ее и замер. Под крышкой оказалась неглубоко вкопанная в землю кастрюля, почти до краев наполненная компотом. Такого от мамы я не ждал!

Я, как разведчик, распластался на земле, опустил губы в компот и лакал, пока не раздулся живот. Напившись, я уже без алчности заглянул в кастрюлю, оценил уровень компота в ней и понял, что переборщил. Я пошел на кухню, взял литровую банку с водой, долил в этот компот. Попробовал. Дикая безвкусная жижа. За такое мне голову могут оторвать. Пока не оторвали, она продолжала лихорадочно работать. Решение пришло через минуту. Я сбегал к муравейнику, набрал в спичечный коробок его обитателей и запустил их в кастрюлю.

Вечером всей семьей сели обедать. Когда пришло время компота, мама принесла кастрюлю, подняла крышку и всплеснула руками. Я очень боялся, что она выловит муравьев, разольет компот по стаканам и мое преступление станет для всех очевидным. Сколько веревочке ни виться... Обошлось.

Мама просто вылила содержимое кастрюли в ведро, и мы остались без компота. Я, конечно, испытывал легкие угрызения совести, но радовался, что пронесло.

Вспоминая историю более чем полувековой давности, я прихожу к выводу, что это была моя первая кулинарная хитрость.

Другая история из далекого детства, несомненно повлиявшая на становление моей личности. Мы с папой, мамой и друзьями семьи – генералом армии Корневым и его супругой, едем на роскошном генеральском ЗИСе в подмосковную Малаховку снимать на лето дачу.

На обратном пути я все время зудел, что очень хочу пить. Воды в машине не было, и мама сказала: «Мы сейчас расположимся в лесу, перекусим и попьем чаю. Ты мальчик взрослый – потерпи». А я, пятилетний, продолжал нудить: «Пить хочу. Пить...»

Наконец расположились в лесочке, постелили скатерку, вытащили закуску – зелень, помидоры, колбаску, сырок. Генеральский шофер разлил водку, этак по половине граненого стакана. Пока кто-то из взрослых предлагал выпить за то и за это, я схватил ближайший стакан с прозрачной жидкостью и хлобыстнул добрую его половину – уж больно хотелось пить. Увидев, как меня перекосило, мама закричала так, словно я хватанул цианистого калия, вырвала из моих рук стакан, прижала меня, отчаянно ревущего, к себе. Папа же сохранил хладнокровие: со словами «Ничего страшного» взял меня на руки, налил полный стакан воды, заставил выпить. Все с ужасом смотрели: что будет с ребенком? А ребенок через несколько минут «поплыл», слезы высохли, рот растянулся в бессмысленной улыбке. Еще минут через пять я заснул и проспал часа четыре.

Давно знаю, что ничего случайного в жизни не бывает. Ведь не зря же моя тетушка Мария Ивановна служила секретарем дирекции именно Вахтанговского театра, студию которого я много позже закончил. В театре она была всеобщей любимицей и опорой: опохмеляла после запоя ставших позже знаменитыми актеров, одалживала деньги, восстанавливала пошатнувшиеся браки, спасала от увольнения... Надо сказать, что родители широко пользовались близким родством с Марьеванной и частенько ходили на спектакли, прихватив с собой меня, грудного. Тетушка клала меня на директорский кожаный диван, который я благополучно весь прописал. Это и была моя первая «прописка» в театре.

Однако, чтобы прописаться в театре по-настоящему, необходимо капитально погрызть всяческие науки. А я в школе учился ужасно, особенно люто ненавидел науки точные, из химии сумел запомнить только слово «валентность», да и то потому, что оно казалось мне неприличным. Зато очень любил учить и читать наизусть, несмотря на сильную шепелявость, стихи и прозу. Когда к нам приходили гости, я с большим удовольствием декламировал и не понимал, почему же они так смеются.

Надо сказать, был я толстеньким мальчишкой с большими щеками. Меня во дворе прозвали Пончиком. Самое интересное, что много лет спустя уже в зоне – о чем я еще расскажу – я страшно похудел, но щеки по-прежнему оставались, как у хомячка. Вообще же эта часть лица приносила мне в жизни определенные неудобства, особенно когда у друзей пошли дети. Куда ни приду, молодые отцы с подозрением косятся на меня: их младенцы – такие же щекастые и голубоглазые. «Гляди-ка, что-то наш на Долинского похож...» – озадаченно чесал затылок новоиспеченный папаша. Впрочем, подозрения были напрасны – я твердо усвоил завет отца: «Запомни, жена друга для тебя не женщина! Но если она тебе очень нравится, он тебе не друг».

В школе я не только неважно учился, но был еще отпетым*~~sensored~~*ганом и отчаянным вралем. До сих пор помню, в каких муках подтирал в дневнике очередную двойку. Тут были и муки совести, и мучительное преодоление чисто технических проблем – я расчленял бумагу по волокнам, часами орудуя ластиком и бритвой. Когда разгневанные учителя звонили родителям, я хватал трубку и,

меня голос, отвечал басом: «Хозяев нету дома», – прикидывался то ли водопроводчиком, то ли управдомом. Меня неоднократно выгоняли из школы за драки. Когда я приходил в новую, за моей спиной слышался уважительный шепот «малявок»: «Тот самый Долинский...» Странно все-таки: вроде бы из интеллигентной семьи – папа главный инженер Литфонда, мама первая пионерка Москвы, – а такой у них уродился драчун и забияка. Может, во мне разыгрались родительские мамины гены азартных преферансистов?

Маму, Зинаиду Ивановну Ефимову, до встречи с папой жену расстрелянного наркома связи, сжигала одна, но пламенная страсть – картишки. Кстати, именно за карточным столом в доме генерала Корнева она и встретила ненадолго приехавшего с фронта капитана Долинского. Мой батюшка за три дня охмурил столичную даму, сделал меня и, как порядочный человек, сразу же женился. А может, своей драчливостью я обязан отцу. Однажды я пожаловался ему на дворовых мальчишек, которые дали мне обидное прозвище, а он посоветовал: «Бей, не бойся! Главное – до носа дотянуться. Бей в глаз, как в бубен!» Всю свою жизнь я следовал отцовскому совету и вдоволь нахлебался неприятностей. Чуть что – я бил первым, следуя поговорке: «В мире нет бойца смелей, чем напуганный еврей!»

Родители так со мной намучились, что решили отправить меня на перевоспитание в Питер, понятное дело, тогда – Ленинград, где в Высшем артиллерийском училище овладевал военной наукой мой родной, по маме, брат. Игорь твердо обещал сделать из меня человека. Произошел обмен детьми: моего племянника Женьку забрали жить на подмосковную дачу, а меня в надежде на перековку сдали в военные руки Игоря.

Далеко забегая вперед, скажу несколько слов об этих столь близких мне людях – Игоре, его жене Лизе, их сыне Жене. Когда меня посадили, брат уже работал в Министерстве обороны, и близкое родство со мной, проходившим по делу, которое вел КГБ, просто не могло не повредить его военной карьере. Я ясно понимал это и страшно переживал, что невольно навлек на Игоря серьезные неприятности. Ни секунды не сомневаясь в его родственных чувствах и глубокой, абсолютной человеческой порядочности, я не мог даже предположить, что мой брат рискнет прийти ко мне на свидание в тюрьму. Мама умоляла его не делать этого. А он знал, что, появившись в тюрьме в своем полковничьем мундире, он хотя бы немного изменит отношение ко мне тюремщиков, облегчит мою жизнь в изоляторе. Свидание с Игорем вдохнуло в меня силы, а вот он поплатился за свой поступок. Его, отличного офицера, знающего специалиста, действительно убрали из Министерства обороны, и его блестяще начавшаяся карьера притормозилась. Он продолжал работать по военному ведомству, всегда был на хорошем счету, но на пенсию ушел, не дослужившись до генеральских погон, на что вполне мог рассчитывать, если бы не беспутный брат.

Впрочем, не открою Америки, если замечу, что отнюдь не погоны делают человека человеком. Игорь, надежный, верный, теплый, по сию пору один из самых близких мне людей. И Лиза тоже – сколько доброго сделала она для меня в самые трудные дни моей жизни, сколько тепла и внимания дарит она по сей день... И Женька тоже, хотя какой он теперь Женька – Евгений Игоревич, уважаемый, преуспевающий предприниматель, у него четверо детей, замечательная жена. Как хорошо все-таки, когда у тебя есть близкие люди – и по духу, и по крови...

А тогда я был крайне недоволен своей питерской ссылкой, но вскоре смирился, тем более что рядышком с коммуналкой. На Литейном, где жила семья Игоря, размещалась драматическая студия Дома офицеров, куда я поспешил записаться. А еще определился в секцию вольной борьбы: закаленному в дворовых драках бойцу явно не хватало техники.

Я старательно делал вид, что меняюсь к лучшему. Увы, мои старания были тщетны, и в Ленинграде меня чуть не выгнали из школы. За месяц до получения аттестата надо мной сгустились тучи. И дело было совсем не в бесконечных тройках. На свою беду, я неосмотрительно треснул половой тряпкой

молодого и, как мне казалось, наглого учителя физкультуры, который – надо же! – попытался заставить меня сделать кувырок на матах. Ну не любил я на матах кувыркаться! На следующий день перед уроками наш классный руководитель отвел меня в сторону: «Вова, тебя выгнали из школы. – И, скорбно помолчав, добавил: – Если хочешь, пойдём на допризывную медкомиссию». Я сразу смекнул, что это мой последний шанс получить аттестат! И там, в военкомате, я сыграл свой первый и удачный этюд.

В кабинете сидела пожилая еврейская женщина, которая задавала допризывникам стереотипные вопросы: «Так, Иванов, по ночам сикаешься? Нет? Маму с папой не путаешь? Жопа через “о” пишется? Молодец! Годен к строевой. Следующий». Когда подошла моя очередь, я уже понимал, что врачу нужно чем-то поразить, и как только она задала первый вопрос, сикаюсь я или нет, из моих больших голубых глаз, как у клоуна в цирке, хлынули слезы. Я схватил ее руку и принялся целовать, причитая: «Вы так похожи на мою бабушку Рахиль! Я не могу жить! Вы добрая, как моя бабушка, вы мне подскажите, чем мне отравиться? А-а-а!» Врачиха перепугалась, выгнала всех из кабинета и закрыла дверь. «Мальчик, что с тобой?» – заботливо спросила она и усадила меня на клеенчатую кушетку. А я погнался такую пургу, что у нее глаза на лоб полезли. Всхлипывая и глотая шипящие, я жаловался на жестокосердных родственников – бьют меня смертным боем за мокрую постель, поэтому я не успеваю делать уроки и отстаю, а теперь меня уже из школы гонят... Мой монолог длился около часа, затем срочно был созван консилиум из хирурга и окулиста. Через час после экстренного совещания в кабинете директора школы раздался телефонный звонок: «Если вы не хотите суицида, немедленно восстановите мальчика!»

Я вернулся в школу победителем и окончательно обнаглел. Когда математик Яков Моисеевич ставил мне в журнале двойку, я подходил к нему, надкусывал губу, чтобы выступила капелька крови, и ехидно спрашивал: «Хотите, чтоб я покончил с собой?» Он смотрел мне в глаза, качал головой и говорил: «Ты тот еще симулянт, Долинский, но артист из тебя получится. Так и быть, ставлю тебе тройку».

Все шло отлично. Я получил-таки аттестат зрелости, причем без выпускных экзаменов, от которых меня, понятное дело, освободили по состоянию здоровья, и неплохо выступил на чемпионате Ленинграда по вольной борьбе среди юниоров. Занял второе место. Впрочем, ниже, даже до третьего места, я опуститься не мог: в тяжелом (юниорском) весе было заявлено только двое, и я, заранее довольный результатом, в первые же секунды схватки лег под здорового малого, будущего чемпиона. Однако из вольной борьбы я все-таки кое-что вынес. Через годы, на съемках «Трех мушкетеров», я здорово злил Мишу Боярского, укладывая его на лопатки своей коронной «вертушкой».

Когда закончил школу, вернее сказать – вымучил среднее образование, на гастроли в Ленинград приехал Театр Вахтангова, и моя тетушка попросила Владимира Абрамовича Этуша глянуть на подающего надежды племянника. Комиссия из трех прекрасных актеров и педагогов – Этуша, Шлезингера и Львовой – собралась на прослушивание в номере гостиницы. Знаменитые вахтанговцы сидели рядом на диване, а я, сильно пришепывая, читал им стихи. Потом меня выгнали за дверь, а присутствовавшему на прослушивании папе сказали: «В мальчике что-то есть, но ему нужно выправить речь».

И вот я с выстраданным аттестатом в руках отправился в Москву поступать в Щукинское училище. Чувствовал я себя вполне уверенно, поскольку выучил трогавшее меня до слез стихотворение Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». Как я был не прав! Это пафосное произведение до предела напичкано шипящими и свистящими согласными, что было смертельно для моего «фефекта фикции». Я еще читал, а приемная комиссия уже покатывалась со смеху. Утерев выступившие от смеха слезы, вахтанговские мэтры вынесли приговор: меня принимают, но условно. Только когда я принес справку от логопеда, что дефект речи исправим, меня зачислили в «Щуку».

В театральном училище все поначалу шло нормально, но к концу первого курса дал о себе знать рецидив моей «старой болезни». Случилась большая драка с моим участием. В той серьезной потасовке я сыграл, могу сейчас признаться, роль Яго. Предъявив двум влюбленным в одну девушку однокурсникам «платок», я спровоцировал нечто вроде дуэли. Почему я это сделал? Наверное, потому, что и сам был равнодушен к ней. Мы заперлись в пустой аудитории, и грянул бой... Я стоял на стреме. У одного из дуэлянтов в руках оказалась плеть, потом в ход пошел и нож. Один из соперников получил легкое ранение. История, разумеется, получила огласку, и всех троих с треском выгнали с первого курса: «Станете людьми – возвращайтесь!»

Как раз в это время меня только что утвердили на роль генерала Кутайцева, завитого молоденького царедворца, в фильме «Война и мир». «Поснимаюсь, – думал я, – годик, потом Бондарчук подмахнет справку, что я хорошо работал, и вернусь в училище». Но не тут-то было.

Обожавший сына отец не меньше педагогов «Щуки» хотел сделать из меня человека, поэтому не пустил сниматься, а устроил буровым рабочим шестого разряда в геолого-геодезическую партию – прокладывать дорогу Саратов – Балашов. Ох, как я там слезами обливался! Меня одного забрасывали в выжженную степь в шесть утра с бутылкой воды и банкой тушенки. Представьте – мухи, лопата и я. Это тебе не на киношном балу кудряшками трясти, это прямо-таки «Как закалялась сталь»...

Долго ли, коротко ли – срок моей перековки подошел к концу, и я, заматеревший и прожженный, вернулся домой. Впереди лето, до занятий еще оставалось время, и, чтобы я не болтался без дела, папа трудоустроил меня в электроцех Московской консерватории. Работа непыльная, в основном лампочки менять. А при столовой был кондитерский цех, где пекли чудесные пирожные. Мы с напарником повадились вырубать электропечи аккурат ко времени, когда подходила опара для булочек. В столовой возникала паника: «Мальчики, быстрее почините у нас печь!» Мы приходили, степенно осматривали ее, цокали языком, озадаченно качали головой – словом, всем своим видом демонстрировали серьезность аварии. Несчастные кондитеры были готовы на все: широким жестом нам указывалось на мешки, набитые изюмом, маком, цукатами и орехами. Отправляя в рот жменю за жменей орехов, запивая цукаты услужливо протянутым в кружке коньяком или ромом, мы великодушно врубали электричество. В знак благодарности нам разрешалось набить необъятные карманы сладкой добычей. Так продолжалось добрых три месяца.

Должен признаться, что с той благословенной поры я так больше и не переступил порога консерватории. Юноши, обдумывающие житье, не берите в этом с меня пример.

Юношеские шалости

Я принес справку о своем трудовом перевоспитании, и меня восстановили в училище, снова взяли на первый курс к Анатолию Ивановичу Борисову. Пора браться за ум, решил я, и стал усердно заниматься. Первый в жизни творческий подъем сопровождался первым романом – серьезным, настоящим.

Ее звали Земфира Цахилова (корреспондентка в фильме «Два билета на дневной сеанс», жена капитана Немо в картине с Дворжецким). Талантливая, темпераментная, потрясающе красивая. «Я спустилась с гор, чтобы отдать тебе свое сердце и...» – написала она на подаренной мне фотографии.

Мы вместе ездили на практику, и этот заполненный любовью месяц я до сих пор считаю одним из самых счастливых в своей жизни. Но мы очень быстро расстались. Помню, как страдал... Затуманенными от слез глазами огляделся вокруг и увидел не менее красивую и обольстительную девушку – Валю Шендрикову. Вначале я за ней ухаживал демонстративно, чтобы показать всем, что свет вовсе не сошелся клином на Земфире, а потом увлекся и влюбился. Вскоре мы поженились. Свадьбу справляли дважды – в Ленинграде, а потом в Москве. В снятой для торжественного случая столовке нам сыпали пшеницу под ноги. Как сейчас помню, я чуть не растянулся на полу, едва не

повалив невесту. Папа сидел молча в стороне и смотрел на гульбище грустными-грустными, как у мудрой черепахи Тортилы, глазами. Он видел на три метра вглубь и прекрасно понимал, что это у меня ненадолго...

Если бы папа был здоров, он бы ни за что не допустил моего раннего брака! Но в период моего женихания он лежал в больнице, у него не было сил противостоять мне. И врачи отпустили его только на полдня ко мне на свадьбу. А вскоре его состояние ухудшилось, и я провел у его постели три месяца. Научился делать массаж сердца, снимать кардиограмму, ночью мы с ним спали на соседних койках, привязанные друг к другу за руки бинтом – чтобы я проснулся, если ему вдруг станет худо. В то время в той же больнице лежал тогда мало кому известный актер Евгений Леонов. Много-много лет спустя, когда в Киевском народном суде Москвы с меня снимали судимость, туда приехал в качестве общественного защитника Евгений Павлович – мы оба тогда работали в «Ленкоме». Он сказал судье: «Я знал Володю совсем молодым человеком, когда он ухаживал за отцом в больнице. Я тогда подумал: «Вот бы дожить, чтоб мой Андрюшка подрос и стал таким же». Судимость сняли мгновенно.

Поселились мы с Валею у меня дома и все время дрались, причем Валя умудрилась перебить весь старинный мамочкин хрусталь. Чуть что – бах! – об пол бьется тяжеленная ваза. Мама ее умоляла: «Валечка, не бей, пожалуйста, дорогую посуду. Ты лучше его голову разбей!» Но мы продолжали страстно ссориться, били друг другу морду из-за любой ерунды, а потом столь же страстно мирились. Прожили мы недолго, чуть больше года, и по обоюдному согласию тихо и мирно разошлись, но остались в нормальных отношениях и дружим по сию пору. Думаю, наш скоротечный буйный брак помог Вале впоследствии успешно справиться с ролью страстной и непокорной дочери короля Лира Корделии.

Но довольно о делах семейных. Я учился в театральном училище имени Щукина и был счастлив. Не только я, все вокруг были молодые, счастливые, влюбленные или готовые немедленно влюбиться, и все считали себя замечательными актерами.

Как-то раз мы – Саша Калягин, Валя Смирнитский, ваш покорный слуга и другие ребята-девчата с курса – собрались на пикничок. Скинулись, но собранных денег было кот наплакал. Нам с Валею Смирнитским поручили выпивку и закуску. Выпивку купили, а на закуску, бюджет которой, естественно, формировался по остаточному принципу, были выделены копейки – хватало на кильки в томате да плавленые сырки. Однако, как известно, голь на выдумку хитра. И мы решили с Валькой сделать всем сюрприз – приготовить изысканное блюдо из дичи: наловить голубей, ощипать и запечь их в глине.

Валька жил в трех минутах ходьбы от нашей «Щуки». Подоконник его комнаты на втором этаже давно облюбовали сизари, которых в то время на Арбате было видимо-невидимо. Для них мы изготовили силки – нитяные петли и насыпали на подоконник крошек. Голуби не заставили себя ждать, слетелись к нам за считанные секунды. Но у горе-охотников дело почему-то не заладилось. Мы осторожно дергали за нитки, но хитрые птицы никак не хотели попадать в силки, а потом, видимо, смекнули, что бесплатные крошки бывают только в птицеловке, и разлетелись. Вот тебе и глупые голуби! И все же мы со Смирнитским оказались хитрее: взяли небольшой чемоданчик, вставили в него палочку-распорку, чтобы крышка оставалась гостеприимно приоткрытой, и насыпали в ловушку пшена. Прилетели голуби, покрутились, повертелись, и один из них, должно быть не самый умный, взял и зашел туда, в чемодан. Мы тут же дернули за нитку, крышка захлопнулась, и голубок оказался в ловушке. Мы занесли чемодан в комнату, открыли его – голубь выскочил и начал как сумасшедший летать от стены к стене, сея пух и перья. А мы принялись гоняться за ним и в конце концов изловили. Мне было жалко голубя, страшно было взять в руки живое трепещущее существо. Но у Вальки, кажется, был опыт дворового голубятника, он взял птичку в руки, погладил, поцеловал в клювик.

Потом мы провели с Валькой общее собрание нашего охотничьего общества и решили, что убивать и есть прекрасное живое существо негоже. В общем, отпустили неосторожную птицу.

Что же до пикника, то мы прекрасно обошлись сырками «Дружба».

По окончании «Щуки» я показался Валентину Плучеку. «Я вас беру, – сказал он мне, – но что вы играть будете, не представляю. Если я завтра начну ставить «Ревизора», а Толя Папанов играть городничего, то вы даже не «фитюлька», как сказано у Гоголя, а просто мальчишка. Ну ладно, ближайшие годы побегаєте в массовках, а там посмотрим». Однако, на мое счастье, к 50-летию советской власти ставили «Интервенцию» Льва Славина, и мне дали роль Жени Ксидиаса – экзальтированного типа, который обожает придуриваться и изображает кого угодно: от карточного шулера до большевика. Мне выпал поистине счастливый лотерейный билет, в этой роли я чувствовал себя в своей стихии. А мои партнеры! Папанов, Миронов, Менглет, Пельтцер – господа, мог ли я о таком мечтать? Эта первая роль не только дала мне известность, но и открыла «зеленую улицу» в театре, на телевидении. Она же повлекла за собой мой первый конфликт с властями.

Премьера прошла на ура. До сих пор перед моими глазами фонтанирующий талантом Андрюша Миронов в роли французского моряка, переметнувшегося на сторону революции, а еще в том же спектакле Миронов потрясающе сыграл еврея-куплетиста и шансонье в одесском ресторане.

После одного из премьерных спектаклей в гримерку зашла молодая женщина, звали ее Ларисой, фамилию упоминать не стану. В театре она работала инженером по эксплуатации, но, как говорится, славилась совсем другим: все мы знали, что она немножечко, ну самую малость связана с Комитетом госбезопасности – информирует о настроениях в театре. С ней держались настороженно и в то же время подчеркнута уважительно.

– Ой, Володенька! Я только сейчас была у Андрюши. Знаете, тут пришли две замечательные молодые девушки, одну зовут Дженни Томсон, а другую...

Вот сейчас я уже действительно не помню, как звали другую, дочь югославского посла. А Дженни была дочкой американского.

– Они хотят после спектакля увидеться с вами.

– А они ничего? – поинтересовался я.

– Ничего, вполне достойные внимания.

И вот после спектакля мы встретились с двумя очаровательными девушками. Помню, закатились к Андрюше домой в Волков переулок и всю ночь пили вино, немного водочки, даже виски – у Андрюши было. Мы, известные русские актеры, читали стихи, показывали какие-то этюды, иностранки восторгались, хихикали над нашими шуточками, которые вряд ли понимали. Под утро я проводил Дженни домой, в известный всей Москве особняк в Спасопесковском переулке, там и сейчас резиденция американского посла.

Мы с Дженни стали встречаться. Она приходила на мои спектакли, потом – сидели в кафе. Когда об этом узнала мама, ее испугу не было предела. Она умоляла меня забыть об американской девочке: если не посадят, то жизнь уж точно испортят. Я обещал маме завязать с чужеземкой, но наши встречи продолжались. Да и как я мог бросить Дженни, когда у нее была своя машина, да еще с дипломатическим номером! И мы катались на ней по Москве, иногда за рулем сидел я. Водил я тогда уже неплохо, но собственной машины еще не было. Да и у кого в то время были машины?

Как-то собрались мы с Дженни в очень популярное тогда кафе «Синяя птица». От его дверей на десятки метров тянулась очередь. Я подошел к дружинникам, которые стояли у входа, и попросил

пропустить нас без очереди – как-никак не простую московскую деву привел, а дочь самого американского посла. Дружинники, или кто там они были, засуетились, и через минуту нас провели к лучшему столику, а еще через несколько минут к нам, вежливо попросив разрешения, подсел молодой человек в сером. Весь вечер он просидел с нами, как будто без особого интереса прислушиваясь к воркованию парочки. Вот тут-то я впервые осознал правоту мамы.

Дженни была мне очень симпатична, но не скажу, что я был влюблен. А время мы проводили славно: таскались по моим друзьям, ужинали в ресторане ВТО на Пушкинской, а когда мама уходила к подругам расписать «пулечку», естественно, проводили время у меня дома. Так продолжалось около месяца. А потом в один прекрасный день Дженни пригласила меня к себе домой на фильм «Корабль дураков», о котором я что-то слышал и который не прочь был посмотреть.

В тот день у меня была съемка. Отснявшись, я, как был, в ковбойке, потертых джинсах и стоптанных кедах (о кроссовках мы тогда и не мечтали, точнее, не ведали об их существовании), без малейшего трепета приперся в резиденцию посла. И никак не мог понять, почему охрана смотрит на меня как на полного идиота. Когда я сказал, что пришел в гости, brave ребята из охраны не могли поверить, что человек в такой одежде может быть в числе приглашенных. Кого-то позвали, этот кто-то сбегал еще за кем-то, тот, в свою очередь, вызвал еще одного... В конце концов меня хотя и с опаской, но все-таки впустили.

Войдя в гостиную, я тотчас понял отношение ко мне охраны. Гостей было человек тридцать. Вечерние платья, черные костюмы, смокинги. На этом фоне я выглядел дворнягой на параде элитных псов. Дженни, однако, нисколько не смутилась и подвела меня к своей матушке – милой даме лет сорока пяти, которая говорила по-русски. По-моему, я произвел на нее неплохое впечатление. А вот с батюшкой познакомиться не пришлось: посол был в отъезде. Зато мелькали знакомые лица: наш сосед по даче художник Орест Георгиевич Верецкий, Марис Лиела, множество других знаменитостей из мира искусства. Но больше всего мое внимание привлекли не гости, а невиданной роскоши ковер с огромным ворсом.

Чтобы по неведению не попасть впросак, я попросил знакомое – водочки. Дженни это быстро организовала, и пара рюмочек окончательно избавили меня от следов смущения. Стали рассаживаться – меня определили за столик с Дженни, ее мамашей, сестрой и еще каким-то родственником. Ловя на себе любопытные взгляды гостей, я вдруг понял, что весь вечер затеян, собственно, для того, чтобы познакомить меня с родителями, чуть позже и Дженни мне намекнула на это.

Обслуживал нас за столом старик японец. Дженни сказала: сколько себя помнит – этот человек был в их доме. Подавал он нам суши, сашими. Это сейчас рисовые котлетки с кусочками сырой рыбы под коричневым солоноватым соусом стали чуть ли не русским национальным блюдом. А тогда-то мы и слов таких не знали – суши и сашими. Потом пошли омары и креветки. Последних я знал в лицо, но не таких же гигантских размеров! А там подоспело горячее: осетринка, семга запеченная, экзотические овощи и фрукты – тоже экзотические.

Я только осмысливал съеденное и выпитое, а меня уже попросили пройти в кинозал, где каждому зрителю было предоставлено свое кресло, возле которого уютно расположились бутылочка кока-колы и пачка «Мальборо» с зажигалочкой, причем последнюю, не поверите, можно было взять с собой навсегда... Со всем этим московскому парню трудно было справиться. Я вдруг почувствовал, как дорога стала для меня Дженни. Я никогда не был расчетливым в отношениях с девушками, но не мог не задуматься о том, что высокопоставленная семья отнеслась ко мне вполне серьезно, так сказать, со всеми вытекающими последствиями. Я поделился своими мыслями с близким другом, одноклассником Чапой, Сашей Чапковским. Выслушав меня, он изрек: «Представь журнал

«Америка»: русский актер женится на дочери американского посла. И на всю обложку – твоя фотка в обнимку с Дженни!»

Мы долго ржали, обсуждая такую перспективу, и я пообещал присылать Чапе из Америки фирменные джинсы. Однако этим планам сбыться было не суждено.

Где-то через неделю меня вызвали в кабинет директора театра Левинского. Я поднялся на четвертый этаж, постучал и вошел. Таким Александра Петровича я прежде не видел: скромный, даже немного застенчивый человек (в театре его называли Мона Лиза), он был возбужден до крайности, лицо покрыто красными пятнами.

Рядом с директором на диванчике сидел седовласый мужчина в простеньких синих брюках, в голубой шелковой рубашечке с короткими рукавами. Глаза у незнакомца тоже были голубые и очень добрые, даже какие-то слишком добрые.

– Александр Петрович, – мягко сказал седовласый, – а не оставил бы ты нас с Володей наедине?

Директор театра выскочил из кабинета.

Мы остались вдвоем. Седовласый посмотрел на меня по-отцовски, предложил сесть рядом, назвался... не помню, скажем, Иваном Ивановичем.

– Ну что, Вова? Каково без папки-то? Был бы жив, таких бы тебе пилюль навешал! Тебе русских баб мало? На хрена тебе эта американская штучка? Ты хоть понимаешь, Вова, что это дочь шпиона номер один? Ты ведь, Вовка, талантище, тебя и в «Кабачке» любят, и в этих спектаклях хорошо играешь, мы ж все знаем, мы в курсе. Тебе еще расти и расти. За границу на гастроли хочешь? А кто не хочет? Звание тебе давать пора. Хочешь звание-то? Хочешь, по глазам вижу, хочешь. Так что бросай ты эту... На фиг она тебе сдалась!

– Ну как так можно... Да я же просто... Мы с ней просто встречаемся, она моя подруга...

– Знаю, Вовка, как встречаетесь, знаю, какая она твоя подруга. В общем, бросай ты это дело, пока не поздно. Был бы папка, он бы тебе... Впрочем, как знаешь. Не маленький. Думай.

Не попрощавшись, он вышел из кабинета, и появился Александр Петрович. Он в жесткой форме недвусмысленно дал мне понять: если я хочу остаться в театре, то должен немедленно послать Дженни Томсон к такой-то матери.

Тут я, пожалуй, первый раз в жизни смалодушничал – попросил маму не подзывать меня к телефону, если позвонит Дженни. А она звонила, звонила несколько дней подряд, пока – девчонка была неглупая – не сообразила, что произошло. После этого ее звонки прекратились. Мне же просто не хватило мужества объяснить ей, как я боюсь потерять театр, в котором была вся моя жизнь.

С Театром сатиры у меня связано множество воспоминаний – смешных, трогательных и тяжелых.

Как-то в шестьдесят девятом году мы всем театром отправились на вечер Романа Ткачука, пана Владека из «Кабачка», в Дом журналиста. После банкета битком набили «маленький зелененький нахальный «запорожец» – так окрестил только что появившуюся у меня первую машину Миша Державин – и отправились на съемки фильма «В тринадцатом часу ночи», где все снимались: Мишулин, Ткачук, Папанов и я. Изрядно поддавший Анатолий Дмитриевич сидел рядом со мной и неподражаемым голосом Волка из «Ну, погоди!» басил: «Вова, ты самый мой дорогой и любимый артист. Доленька, вырастет моя дочь, женись на ней. Будь, Доленька, моим зятем!» При этом он крепко обнимает меня, пытаюсь поцеловать. Я не удерживаю руль и сильно колочу бортом «нахального» по чугунной изгороди Тверского бульвара. «Доленька, не расстраивайся, буду тестем – куплю тебе новую машину!» – успокаивает меня веселый Анатолий Дмитриевич.

Элем Климов, который снимал картину, сразу же учуял, что Папанов выпивши, и решил учинить в назидание молодым публичную казнь маститого актера. При всей съемочной группе он вдруг изрекает: «Актер Папанов не в форме. Съемка отменяется. Вся неустойка за счет Папанова». На обратном пути уже совсем не веселый, а ужасно расстроенный Анатолий Дмитриевич снова рядом со мной: «Доленька, у меня нет таких денег, меня посадят».

Подъехали к его дому, я собираюсь уезжать, но Анатолий Дмитриевич не отпускает, буквально цепляется за меня: «Доленька, проводи меня, я Надю боюсь». (И не без оснований: Надежда Юрьевна настоящая казачка – статная, строгая, решительная.) Дома он ни в какую не хотел укладываться в постель. «Наденька, дай мне выпить, меня скоро посадят», – чуть не плача, умоляет Папанов. После долгих препирательств строгая жена со злости наливает в пивную кружку полную бутылку рома. Анатолий Дмитриевич отпивает несколько глотков и успокаивается до утра.

Я очень любил Анатолия Дмитриевича и боготворил его как актера. Он был человеком с очень сильным мужским началом и потрясающим чувством юмора. И я, не опасаясь обид, с удовольствием его пародировал. Иногда он сам просил меня: «Ну, Доля, ну покажи, покажи, как я говорю. А вот и нет. Неужели я такой, так по-дурацки говорю, как ты показываешь?»

Однажды я записывался на радио в детской передаче, кажется, она называлась «Звездочка». Играл я очень серьезную роль: не то Лужи, не то Лепестка, – и вполне был в образе. Режиссер передачи Анна Александровна Кржаневская попросила меня сыграть еще и Солнышко – исполнитель этой роли запаздывал: «Запиши несколько фраз, но только другим голосом».

И черт меня дернул произнести в микрофон голосом Анатолия Дмитриевича: «Мальчик! Я протягиваю свои руки-лучики к тебе. Я грею тебя, глажу тебя по головке. Взгляни наверх, это я, Солнышко».

Дня через три Театр сатиры едет на гастроли в Ленинград. Умывшись, с полотенцем на шее, я иду по вагону к себе, прохожу мимо соседнего купе и слышу голос Надежды Юрьевны. «Только-то мой совсем сдурел, – кому-то рассказывает она. – Вчера включила радио, а он Солнышко играет. Совсем обалдел! Трехминутная роль в детской передаче. И это народный СССР!» «Боже, – подумал я, – что бы она сделала со мной, знай, кто на самом деле говорил за это самое Солнышко».

А несколько раз я ее нарочно разыгрывал. Подхожу к Надежде Юрьевне в очереди театрального буфета и говорю ей в спину:

– Надя, возьми мне две порции сосисок.

– Толя, какие тебе еще сосиски, ты же только что ел... Тьфу ты! Опять ты меня, Володька... Ну сколько можно?

Анатолий Дмитриевич любил и умел выпить. Если пил, то всерьез – как настоящий русский мужик, и остановить его в такие периоды было невероятно трудно. Но случалось, Папанов завязывал: пить понемножку, как разрешали врачи, не умел и не хотел. Однако не отказывал себе в удовольствии посмотреть, как выпиваем мы, его молодые партнеры. Саша Пороховщиков, Боря Кумаритов, царство им небесное, и я брали бутылочку и после спектакля грамм по сто пятьдесят выпивали. Вот он и спрашивал:

– Вовка, сегодня будете пить после спектакля?

– Да, Анатолий Дмитриевич, взяли бутылку.

– Без меня не пейте!!

– А вы будете?

– Не твое дело. Я не буду, но без меня не пейте.

И вот, значит, мы ждем его. Он приходил к нам, приносил с собой прикрытую тарелочку... оказывается, в антракте брал в буфете винегретик какой-нибудь, капусточку.

– Это чтоб вы без закуски не надрались. Ну, давай разливай, наливай! – руководил он. – Ну, неровно, ты же переливаешь. Вот так, смотри, теперь на троих ровненько. Вот так вот. Ах! Достало тебя? Ох, хорошо! А теперь закуси. – Потом вздыхал и говорил: – Ну ничего, ничего, ребятки, и мой час придет, и я свое возьму.

Дорогой Анатолий Дмитриевич, царство тебе небесное!

Я уже упоминал, что моими партнерами в этом замечательном театре были и Андрей Миронов, с которым мы вместе росли в подмосковном писательском поселке Красная Пахра, и Татьяна Ивановна Пельтцер, удивительная актриса и яркий человек. Она дружила с моей матерью и Валентиной Георгиевной Токарской – известной актрисой, которая много лет просидела в лагерях из-за романа с известным кинорежиссером Алексеем Каплером. Частенько они собирались вечером у одной из них расписать «пулечку». Заядлые преферансистки, предварительно оговорив место «сражения», загодя готовили салатики с бутербродами, выпроваживали домочадцев и под коньячок или водочку во всеоружии сходились за карточным столом.

Это были настоящие сражения! Они беспрерывно курили и отчаянно орали друг на друга: «Зинка, куда ты, дура, с червей ходишь!» – «Таня, еще одно слово, и я все брошу к чертовой матери!» – «Это ты, идиотка, с пик пошла!» – «Я?! Сама с ума сошла!» – «Девочки! Прекратите!» И в семьдесят они оставались девочками. После игры долго не могли прийти в себя и на следующий день перезванивались: «Нет, Валя, ты видела, как Танька на мизере, дура, чуть семь взяток не схлопотала?!» – «Ну а Ольга, мать ее, вышла с пик вместо червей!» Ну чем не праздник души! Праздник четырех ярких душ.

Запомнился рассказ мамы. Когда я сидел в лагере, она приезжала меня проведать. Это были желанные, но очень трудные свидания. Мама ехала через всю Россию, несмотря на больное сердце, тащила полный чемодан яств для своего непутевого сына. Так вот, возвращается она, счастливая после свидания со мной, в Москву и рассказывает Татьяне Пельтцер: «Вовка-то каким красавцем стал: похудел, ему так идет лысая голова, оказывается, у него идеальной формы череп! Идет, плечи расправил, бушлат расстегнут, грудь колесом, глаза горят...» Пельтцер слушает-слушает восторги матери ссыльнокаторжного и, усмехаясь, замечает: «Ну ты, Зинка, совсем уж... Тоже мне декабрист. Прямо Бестужев-Рюмин!»

Татьяна Ивановна за словом в карман не лезла, и в театре ее побаивались – могла отбрить будь здоров! Ее опасался даже сам Валентин Плучек. А командовала всем его жена Зина, у нее, иначе не скажешь, руки были по локоть в актерских слезах... В театре ей нужны были покорные, сломавшиеся люди. Я же дружил с ее врагом – Аросевой, что было равносильно самоубийству. Ольгу Александровну из-за бешеной популярности ее пани Моники из «Кабачка», из-за всесоюзной славы тронуть не смели, хотя Плучек острил на нее зубы, не давал ролей, и она годами сидела в простое. А вот от меня избавились запросто. У нашего главного администратора умерла жена, естественно, я вместе со всеми был на похоронах и опоздал на спектакль. Меня тут же выгнали.

Сниматься в знаменитом «Кабачке “Тринадцать стульев”» меня пригласили вскоре после поступления в Театр сатиры. Приглашение было большой удачей для меня. «Кабачок» пользовался огромной популярностью, далеко превосходящей рейтинги гремящих ныне сериалов вроде той же «Бригады». Оно конечно, в те времена телезрителям вообще смотреть было нечего, так что на безрыбье... И все же «Кабачок» был явлением, по сути дела первым сериалом на советском телевидении – когда до «мыльных опер» начала девяностых оставались десятилетия. В часы, когда

шел «Кабачок», резко падало число преступлений, сокращалось потребление воды: людям было не до грабежей, готовки на кухне, мытья. Понятно, что герои нашего нехитрого сериала становились всенародными любимцами.

В «Кабачке» я играл пана Пепичека – эдакого молодого дурашливого красавчика. Популярность мне чрезвычайно льстила. Автографы раздавал на улице сотнями, с приглянувшимися девушками знакомился в доли секунды. В общем, почувствовал вкус славы.

Помимо славы, участие в «Кабачке» давало нам и другие преференции. Вот пример. С описываемых мной перемен по сию пору очень популярна другая телепередача, я имею в виду КВН, в которой, как всем известно, есть конкурс «Домашнее задание». И вот как-то раз Юлий Гусман – ныне всем известный деятель театра и кино, а тогда капитан бакинской команды КВН – пригласил «Кабачок» принять участие в их домашнем задании.

Гусман со своей командой, вернее, их спонсоры (такого слова, правда, мы тогда не знали) арендовали банкетный зал ресторана «Баку», что на улице Горького, ныне Тверской. И вот мы – пан Вотруба, пан Профессор, пани Моника, пани Катаринка, пан Ведущий и пан Пепичек, ваш покорный слуга – по мягкому ковру шествуем к низким столикам, ломящимся от красных помидоров и яркой зелени – и это в разгар московской зимы, когда в овощных магазинах только гнилая картошка да грязная морковь! – к столикам, заставленным баклажанчиками с орехами, аджабсандалом, кюфтой, говурмой и еще какими-то азербайджанскими закусками, названия которых лучше не вспоминать, чтобы не истечь слюной. А потом – суп пити, а потом миниатюрные шашлычки, шашлыки из осетрины с гранатовым соусом наршараб... И все это называлось «Чайхана «Тринадцать стульев». Просто гениальная режиссерская находка Юлия Соломоновича Гусмана, тогда просто Юлика...

Во время застолья мы и отсняли несколько кабачковских миниатюр на кавээновскую тему и с домашним заданием справились. Еду хорошо помню, содержание миниатюр забыл напрочь. Выходит, из всех искусств самым важным для нас является вовсе не кино, а кулинария...

С той поры дружу с Юлием Соломоновичем, а несколько лет назад снялся у него в фильмах «Парк советского периода» и «Не бойся, я с тобой – 2». Жаль только, что сценарист с режиссером не придумали ни одной сцены в ресторане «Баку»...

Не знаю, как в других городах Союза, но мы по рассказам выезжавших за рубеж счастливых знали о существовании валюты и ее короля – доллара. Известно было, что при официальном курсе приблизительно 66 копеек за доллар он на черном рынке стоит от трех до пяти рублей. И еще все прекрасно знали, что интерес к валюте чреват статьей Уголовного кодекса и приличным сроком. От одного слова «валюта» люди вздрагивали, но кое-кто ею все-таки занимался. Что же касается меня, об опасности я был наслышан, но знал и о выгодах. И не более того.

После изгнания из Сатиры я работал в Театре миниатюр. По сравнению с другими театрами там был вполне приличный заработок – нам платили по концертным ставкам, по семь-восемь рублей за спектакль, которых у меня набиралось свыше двадцати в месяц. А оклад в той же Сатире при той же занятости не превышал сотни.

Получив в кассе довольно-таки серьезную – месяц выдался удачным – зарплату, я возвращался домой и по пути заглянул в магазин «Грузия» на Горького. Купил на ужин колбаски, хлебца, бутылочку винца и шел, беззаботно помахивая авоськой, к себе на Дегтярный. Возле гостиницы «Минск» мое внимание привлекла любопытная сцена: швейцар отпихивал грудью хорошо одетого мужчину, который пытался протиснуться к гостиничной двери.

– Я хочу кушать! У меня есть деньги, – горячился мужчина. Он говорил на почти правильном русском, но с сильным акцентом. – Я готов платить деньги!

– Валютой у нас не платят. Мы валюту эту, разные ваши доллары, не принимаем, – сердито твердил швейцар. – Тут вам не банк, у нас тут кушают. Не пуцу!

– Но как же? Я очень хочу кушать! Это настоящие деньги. Это не может быть, не должен быть! Пустите меня! Где директор?

– Какой тебе директор?! Я вот сейчас милицию вызову, тебе дадут валюту. Ишь ты!

Иностранец постоял минуту, осознал, что здесь не банк, а кушают, и, чертыхаясь на английском, пошел в сторону площади Пушкина. И вдруг до меня доперло, что передо мной открылся легкий и безопасный шанс купить валюту. Я подошел к ее владельцу сзади и, почему-то стараясь говорить на ломаном русском языке, спросил у него:

– Простите, пожалуйста! Вы хотели поменять валюту?

– Да, я хотел, но нигде не есть поменять.

По моему предложению мы отошли в сторонку, и я спросил, почему он меняет.

– Я не знаю, – ответил голодный иностранец.

– Ну, вообще это стоит шестьдесят шесть копеек за доллар, – сказал я, – но могу дать даже рубль.

– Очень хорошо, – обрадовался он, видимо довольный предложенным мной обменным курсом, – у меня есть сто, нет, двести долларов, вы мне даете двести рублей.

Путем несложной арифметики я прикинул, что, заплатив сейчас двести рублей, а потом сдав доллары пока неизвестным мне барыгам, допустим, по четыре рубля за штуку, получу без вычетов за бездетность аж шестьсот рублей – моя зарплата в театре за три-четыре месяца. От такой перспективы закружилась голова. Трясущимися руками я отсчитал ему две сотни рублей, принял двести живых долларов, и мы расстались.

Я шел по родному Дегтярному переулку. Спина намокла, мелко стучали зубы. Мне казалось, что за мной уже идут топтуны, стукачи, менты, кагэбэшники. Я непрерывно оборачивался – сзади никого не было, значит, маскируются, прячутся в парадных и подворотнях. Выбросить доллары в канализационную решетку? Нет, отказаться от добычи я не мог. Впрочем, преследователей я так и не обнаружил.

Я пришел домой, достал две сотенные долларовые бумажки, посмотрел, пощупал, понюхал. Что с ними делать? Оставлять дома никак нельзя – не дай бог, придут с обыском. А откуда им знать мой адрес? Проследили все-таки, когда я возвращался домой? А может, задержали моего иностранца, и он на допросе сказал им, где я живу. Но я ему своего адреса не называл.

Голова шла кругом, я ничего не соображал. Но ясно понимал: улику, свидетельство моего валютного преступления надо спрятать, спрятать, спрятать... Я завернул преступные деньги в несколько целлофановых пакетов, сверху перевязал изолентой и, сунув сверток в бачок коммунального туалета, пошел спать. Не спалось. Сейчас придут с обыском, в комнате ничего не обнаружат, естественно, станут искать в сортире и тут же найдут. Скажу – не мое. А отпечатки пальцев?..

Я вскочил, схватил пакет, оделся – дело было зимой – и выбежал на улицу. Второй час ночи, ни живой души.

Окно моей комнаты на первом этаже выходило во двор. Рядом с окошком свисала с крыши жестяная водосточная труба, обрывавшаяся в полуметре от запорошенной снегом земли. Воровато оглянувшись, я сунул в трубу сверток и замаскировал его пригоршней снега. Вроде бы надежно.

Вернулся домой, разделся, лег, попытался уснуть. Тщетно. Повертевшись минут сорок, я понял, что отпечатки моих пальцев просто ждут милицию, которой лень приходить с обыском ночью. Снова оделся и вышел на улицу. Забрал сверток из трубы, понес его в соседний двор, проходной, где под качающимся на ветру фонарем стояли соседские гаражи. Место просто идеальное, ничего не скажешь. Кто станет искать мою валюту в чужом дворе? Я обогнул один из гаражей, руками выкопал ямку в снегу, закопал в ней сверток и сверху положил кусок кирпича. Вот теперь я был спокоен. Вернулся к себе и тут же заснул. А когда утром проснулся, твердо знал, кто поможет мне с выгодой распорядиться свалившимися на мою голову долларами.

В нашем дворе жил друг моего детства, замечательный человек Иосиф Глоцер, или, как мы его звали, просто Еник. Талантливый, искрометный, чрезвычайно неординарный во всем. Жесткий и требовательный в деловых отношениях, отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь, безотказный, добрый с близкими и друзьями. Судьба его сложилась трагически. В конце девяностых он погиб от пули наемного убийцы. Уйдя из жизни, он оставил мне светлую о себе память и младшего брата Юру, с которым мы уже много лет идем по жизни рядом.

О Юре Глоцере я еще расскажу. А в то утро, едва продрал глаза, я позвонил Енику:

– Еник, дорогой, у меня есть двести долларов!

– Замечательно! Рад за тебя.

– Помоги обменять их на рубли. У тебя есть связи?

– О чем ты говоришь, Володя!

Я чувствовал, как он радуется, что может помочь мне.

– Какие проблемы? Давай тащи свои бабки.

– Сейчас буду, – весело сказал я и побежал за надежно спрятанными долларами.

Подбежал к гаражу, обошел его и... И увидел, что мой тайник разрушен – снег раскопан, кирпича на месте нет. Может, я ошибся, перепутал место? Я бросился к соседнему гаражу. Нет, явно не здесь. Вернулся на прежнее место. Коченеющими руками метр за метром перерыл, перековырял землю вокруг обоих гаражей – никаких денег не было. Оглянувшись по сторонам, я увидел скамейку и все понял. Наверняка ночью здесь была влюбленная парочка. Они все видели и раскопали мой тайник. Я бросился к Енику.

– Ерунда, – спокойно сказал Еник, выслушав мой сбивчивый рассказ. – Успокойся. Сейчас найдем твой клад. Для Дендика это что два пальца... Дендик, ко мне!

Дендиком звали любимого добермана Еника. Этот симпатичнейший и добрейший пес ни особым нюхом, ни особым умом не отличался. Но своя собака всегда лучше всех и всех умнее. В общем, Еник в Дендика верил. И, увы, переоценил его возможности.

Мы подошли к гаражам. Дендик покружился на месте происшествия, обильно пометил гаражи и полез лизаться ко мне и к Енику. Впрочем, предъявлять претензии собаке мы не имели ни малейшего права – ни один в мире пес не найдет того, чего уже нет. Ясно было, что до нас здесь кто-то уже побывал.

Чтобы утешить незадачливого валютчика, Еник повел меня в шашлычную, напоил, накормил и успокоил: плюнь, не последние. И был абсолютно прав – пропавшие доллары были отнюдь не последней в моей жизни валютой. Из-за нее я в конце концов и сел. За валютные операции.

В моем характере всегда проглядывала этакая жилка предприимчивости. Родись я на три десятилетия позже, может быть, стал бы не актером, а бизнесменом. Сейчас-то бизнес в почете, а тогда карался по закону. Как бы то ни было, первая неудачная валютная операция меня здорово раззадорила. И мы с моим новым дружкой Ленькой Лазаревым, которого я приобрел в Театре миниатюр, пустились во все тяжкие. У него было прозвище Слон, которое категорически противоречило его житейскому и деловому темпераменту. Вот уж кто был бизнесменом по призванию! Он прекрасно разбирался в живописи, в архитектуре и привил мне любовь к искусству. И к деньгам, кстати, тоже.

Ох как весело жили мы с моим дружкой Ленькой в начале семидесятых! Как лихо крутились! Молодые, веселые, здоровые. Успех в театре сам собой переливался в успехи на других жизненных пространствах. Что-что, а прикидываться, дурачиться, устраивать розыгрыши мы, актеры Театра миниатюр, умели. Вся наша жизнь, жизнь столичных гуляк, была веселой игрой, которая, между прочим, требовала денег.

В театре, как я уже говорил, заработок у нас был вполне приличный. Однако на веселую жизнь этого не хватало. Пару раз гульнем с девчонками в ресторане – и пустые, как турецкий барабан. Соси лапу до следующей полочки. Так и жили. Где-то могли словчить, но в конфликт с УК не вступали.

Слон был питерский и часто навещал свою матушку в Ленинграде, а я с ним за компанию. С поезда сразу направляемся к Лене домой, тетя Ася заждалась сына – стол уже накрыт: любимая Ленкина фаршированная рыбка, пышный омлет, штрудель с маком. Плотно закусываем и – в люди, на Невский. Я стеснялся подойти к девушке на улице, а Слон не мог пропустить ни одной юбки.

«Ради бога, извините, девушка. Это не вас я вчера видел на премьере в Доме кино? Нет? Странно. Ну просто одно лицо! Ой, совсем забыл, хотите, я вас с живым паном Пепичеком из «Кабачка» познакомлю? Вова, иди сюда, что же ты такой стеснительный? Это же подружка моей сестры от второго брака Людочка. Как вас зовут? Аня? А это Вова. Он у нас артист популярный, мы теперь все вместе дружить будем. Ой, я совсем забыл спросить, Анечка, как вашу подругу-то зовут, ту красивую, которой мы сейчас звонить будем, на вечер договариваться?»

Под таким натиском девчужка, естественно, теряется, смущенно хихикает, пялится на мою телевизионную рожу. Дамами на вечер мы обеспечены. Пора решать финансовые проблемы.

Перед отъездом в Питер всю свою наличность мы обратили в товар – японские часы «Сейко» с красивыми броскими циферблатами. Тогда они только появились и были большим дефицитом. Брали мы их у московских спекулянтов оптом, штук по десять, продавали поштучно и получали приличный навар.

Вот Слон видит усатого, хорошо одетого кавказца и без всякой подготовки бросается к нему. Я понятия не имею, что мой дружок станет лепить на этот раз, но верю в его неисчерпаемую фантазию и знаю, что мне предстоит с ходу включиться в придуманный Слоном этюд. Итак, Ленька подлетает к кавказцу и с ходу начинает тараторить: «Прости, Резо, что опоздали, но с красным циферблатом, как ты просил, не было, пришлось ждать. Зато смотри, какие красавцы, как ты просил для папы, “Сейко” пятый номер». И вертит перед растерянной физиономией кавказца красавцами часами. Растерянная жертва хлопает глазами. Слон ойкает и бьет себя ладонью по голове: «Ради бога, простите, я вас за нашего знакомого принял, ради бога, простите». Но усач уже на крючке: «Слушай, ара, покажи мне часы, я тоже такой хочу». – «Что вы, что вы! – смущается Слон. – Это нехорошо, мы ведь уже с Резо договорились, нельзя человека подводить. Он своему папе на день рождения хочет несколько штук подарить, просто, наверное, опаздывает, сейчас подойдет». – «Какой Резо, зачем Резо? – кипит кавказец. – Несерьезный он человек, если опаздывает. Покажи их мне, у меня тоже папа, тоже родился». – «Нет, нет, – упирается Ленька, а сам вертит часы перед его глазами. – Вы что! Резо

грузин, человек богатый, ему такие часы нужны, иностранные, японские новые, “Сейкой” называются, очень дорогие. У вас и денег не хватит». Это уже удар в пах. «У кого не хватит, у меня не хватит? У Резо хватит, а у меня не хватит? Я пять куплю». – «А у нас пяти нету, – твердым голосом заявляет Слон, – у нас только шесть». Тут вступаю я: «Знаешь что, Леня, нельзя таким быть, что ты все Резо да Резо, может быть, человеку нужнее. У него тоже папа». – «Вот! Друг верно говорит! Тебе как зовут?» – «Вася», – застенчиво отвечаю я. «Вася верно говорит, он тебе настоящий друг, идем в сторону, часы смотреть будем».

Через пять минут сделка завершена: три пары часов по пятьсот рублей каждая переходят в собственность счастливого покупателя. Нам они обошлись в триста, так что мы со Слоном с ходу заработали по шестьсот. Неслабо. Через пару часов, сыграв несколько этюдов, мы с не меньшей выгодой избавляемся от остального товара и возвращаемся к тете Асе отобедать.

После обеда Леняка минут двадцать отдает сыновний долг, рассказывая маме о своих трудовых буднях. Но вдруг спохватывается и кричит: «Доля, ну ты чего сидишь? Мы же так в театральную библиотеку опоздаем». Он чмокает мать, и мы снова мчимся в центр. В антикварном магазине покупаем каминные часы или парные канделябры. Мы оба неплохо ориентируемся в антиквариате и твердо знаем, что в столице это уйдет по меньшей мере в полтора-два раза дороже.

Вечером ресторан с девчушками, а потом жаркая ночка у них дома. На следующий день отдых, банька, вечерний поход в БДТ или к Акимову, после чего, попрощавшись с тетей Асей, ночной «Стрелой» в спальном вагоне отбываем в Белокаменную.

Как говорится, красиво жить не запретишь.

Впрочем, ездили мы не только в Питер. Ленякины познания в иконописи оченьгодились нам на гастролях по городам и весям провинциальной России. В каком-нибудь захолустном городке мы первым делом спускались в гостиничный ресторан и так, между прочим, спрашивали у официанта: как пройти в самый старый район, с сохранившейся дореволюционной архитектурой, где раньше проживало духовенство и купечество?..

Мы шастали по домам, представляясь то сотрудниками киностудии, покупающими иконы и предметы старинного быта для исторического фильма «Тайная страсть Ивана Грозного», то погорельцами, не мыслящими дальнейшей жизни без сгоревшего иконостаса, то увлеченными своей работой музейщиками, которым для какой-то новой экспозиции не хватало самой малости – из красного дерева сервантика прошлого века. Да мало ли кем мы представлялись! Мы были добытчиками. Ведь все равно это добро – канделябры, фарфор, иконы – гнило в чуланах, на чердаках, выбрасывалось на помойки.

Собранные раритеты мы реставрировали, а потом продавали, часто за валюту.

Тогда для нас это была забавная игра, но жизнь все расставила по местам. Мне потребовалось немало времени и борьбы с самим собой, чтобы осознать: нельзя наживать на том, что для других свято. А потом я пришел и к осознанию духовного начала человека. И когда в моей жизни появилось самое для меня дорогое – моя дочь, я вместе с ней принял крещение...

Однако это случилось много позже, а тогда вторая, «закулисная», жизнь не мешала мне стать ведущим актером и переиграть множество главных ролей. Жизнь была сплошным праздником – водились деньги, игрались роли. Вскоре в Питере я на улице случайно познакомился с девушкой. Позже она стала моей женой и переехала ко мне в Москву. Жили мы хорошо, в полном согласии, правда, недолго – ровно год.

В то время у меня появился новый знакомый по прозвищу Сказочник, который профессионально занимался валютными операциями. Как-то мы со Слоном что-то ему продали, а он расплатился с

нами частично деньгами и чуть-чуть золотыми червонцами. Эта мелкая, по нынешним временам копеечная, сделка обернулась для меня большой бедой.

В одно прекрасное утро ко мне домой нагрянули с обыском. Человек двадцать людей в штатском перевернули вверх дном всю квартиру и нашли сумасшедшую ценность – две золотые монеты. Но этого оказалось достаточно, чтобы увезти меня на Лубянку – дело было в ведении КГБ.

На допросе я быстро смекнул, что Сказочник засыпался на серьезной – иначе им не занялась бы Лубянка – валютной операции, его взяли, он дает показания и сдал меня. Следователь хотел получить от меня показания на Сказочника и, понимая мою роль мелкой сошки, сказал: «Колись, Долинский. Лучше проходить по делу хорошим свидетелем, чем плохим подсудимым». Колоться я не стал, твердо стоя на том, что проклятые золотые червонцы остались мне от бабушки. Однако перепугался основательно и, когда меня, ничего не добившись, отпустили, прямо с Лубянки помчался к своему двоюродному брату Мише Вишневному – мужику тертому, прошедшему огонь, воду и медные трубы. Мишаня одобрил мое поведение на допросе, но успокаивать меня не стал: «Дело серьезное, от тебя так просто не отвяжутся. Главное – ничего на себя не брать, «да» успеешь сказать на суде. Не видел, не помню, не знаю...»

Прошел месяц, меня не трогали, и я стал понемногу успокаиваться. И зря. Однажды я вышел из дому за сигаретами и не вернулся. На улице меня ждали – запихнули в «Волгу» и увезли в Лефортовский следственный изолятор. Безутешная супруга повела себя отнюдь не как жена декабриста. Она тут же меня бросила, выписав из квартиры и распродав все мои личные вещи. Бог ей судья.

Мои университеты

В моей стране, где десятки миллионов людей побывали за решеткой и колючкой, где издревле на слуху поговорка «От сумы и от тюрьмы не зарекайся», где тюремная баллада – едва ли не самый популярный песенный жанр, отсидеть срок по экономической статье никакой не позор, а обычное дело. Вот я и не стыжусь своих тюремных и лагерных лет, а, наоборот, охотно о них рассказываю, порой и с эстрады – когда меня об этом просят зрители и слушатели.

Собственно, и кичиться этими годами нет никаких оснований. Просто это часть моей жизни, долгий ее эпизод, который сказался на моем характере, моем понимании людей и их взаимоотношений, который, как всякий жизненный опыт, многому меня научил, заставил многое переосмыслить. Да чего там, любой прошедший такую школу знает это сам, а тому, кто ее не прошел, полезно хотя бы пройти курс по чужим конспектам. От тюрьмы и от сумы не зарекайся.

А свой курс я записал еще в лагере, вечерами после десятичасовой работы в цеховой инструменталке, преодолевая усталость и лень. Заставлял меня писать мой добрый лагерный приятель, на самом деле добрый и чистый человек Саша Шешуков. Два слова о нем. Еще совсем мальчишкой он по оговору одной многоопытной в любовных делах девицы был осужден за попытку изнасилования. В лагере насильников не любят и не упускают случая их «опустить». Когда с Сашей попытались сделать это, он отбился тяжелой кувалдой и получил еще один срок за попытку убийства. Чтобы повысить свой авторитет среди зеков и тем самым избежать повторения покушений на свою мужскую честь, он совершил еще один отчаянный поступок – бросился на колючую проволоку, имитируя побег. И получил еще один срок за попытку побега. Таким образом, на самом деле ничего криминального в своей жизни Саша не совершал, а все его преступления описывались юридическим термином «через попытку». По этому поводу один лагерный начальник шутил: «Вот, Шешуков, откинешься и непременно сразу же кого-нибудь трахни, потом убей и убеги. А то, получается, зря сидел».

Так вот, Саша заставлял меня писать. И я прилежно писал свои мемуары. Как говорят, ни дня без строчки. А потом через расконвоированных, которые тоже работали в инструменталке, я переправил свои записки на волю. Их получил по почте мой друг Чапа и не придумал ничего лучшего, чем передать их маме. Она прочитала, после чего у нее случился серьезный сердечный приступ. Предлагая свои почти не правленные лагерные записки вниманию читателей, я надеюсь, что они не вызовут таких тяжелых медицинских последствий. И приношу свои извинения за встречающиеся в тексте вульгарные, а то и нецензурные словечки.

Все, полный писец.

Последняя и единственная надежда рухнула, как карточный домик. Главный врач – эксперт Института Сербского, первая психиатрическая*sensored*ь страны, академик Лунц вынес вердикт: «...по составу преступления – вменяем».

Десять месяцев я шел к этому дню. Бессонные ночи, вскрытая вена, порезанная шкура на горле, разбитая об угол кафельной стены башка, карцер – все напрасно: по составу преступления вменяем, может предстать перед судом. Ну, кое-какие отклонения есть – психопатия с явлениями декомпенсации. Так кто сейчас не психопат?

После того как 10 месяцев назад за мной захлопнулись ворота Лефортовской тюрьмы, это был у меня второй момент полного отчаяния. С первых дней неволи я твердо решил: так просто я вам не дамся. За что, гады? Я никого не убил, не обманул, не обокрал. «Нарушение правил о валютных операциях». И за это разбивать всю жизнь, отрывать от дома, обрекать на позор, губить лучшие годы, лишать самой большой страсти – театра? Не дамся, *sensored*! Следователь в «задушевных» беседах утешает: «Да не психуй ты! Больше восьмерки не дадут. Мы ж не менты, мы КГБ, мы в четком контакте и с прокуратурой, и с судом работаем. Глядишь, лет через шесть мы еще с тобой на воле водочки выпьем». А я б с тобой, мясник, только серной кислоты выпить не побрезговал.

«Не дамся!» – говорил я себе все эти месяцы. Правды не добьешься, убежать нельзя – это тебе не царский каземат, значит, надо «гнать», то бишь «косить на дурака», то бишь добиться признания душевнобольным. Но что я знал о психиатрии? Ни хрена. Дурак – это у которого слюна капает, да папу с мамой путает, да еще с собой все покончить хочет. Вот последнее мне, пожалуй, подойдет. Буду с собой кончать, пока либо дураком не признают, либо пока не покончу. Лучше, конечно, первое.

Первую неделю в «Лефортове» я отсидел в одиночке. Следователи поугагать меня больно хотели, уж очень дерзко я с ними на допросах разговаривал, вот и попросили сунуть меня на недельку прямо с воли да в одиночку. Хрен вам, граждане следователи, там-то в одиночестве я свой коварный план и задумал. Кстати, в этой одиночке, это я уже позже узнал, в камере № 13, провел свою последнюю ночь перед расстрелом Пеньковский. Может, помните, шпион такой был, формулу нашего ракетного топлива американцам выдал. Но он хоть формулу выдал, а я, кроме аш-два-о, ни одной формулы не знаю, да и эту никому не выдал. Так вот, после одиночки перевели меня в общую камеру. По тем делам – большое послабление. И там я времени зря терять не стал. Через час примерно пришел к нам в камеру (кроме меня, там был еще один человек) заместитель начальника изолятора по политико-воспитательной работе майор Степанов и велел изучить висевшие на стене правила содержания в изоляторе. Я честно прочел эту лабуду и на голубом глазу сказал ему, что меня все устраивает, кроме пункта, гласящего, что отбой производится в 22.00.

– Это еще почему? – слегка удивился майор.

– А потому! – ответил я в несколько конфликтном тоне. – Я к отбою приезжать не успею.

– Куда? Куда не успеешь? – недоумевал майор.

– «Куда-куда»! К вам в тюрьму. «Будьте счастливы» заканчивается в полдесятого, это я доберусь успею, а «Насреддин», дай бог, в двадцать два пятнадцать. Даже если вы машину за мной пришлете, я раньше одиннадцати никак не лягу.

Майор кашлянул, внимательно посмотрел мне в глаза и после паузы сказал:

– Ну это, Долинский, значит, вопрос такой, это ты со следователем решаешь. – И быстренько дернул из камеры.

Это был первый пробный камешек. В следующие дни я неоднократно предлагал администрации тюрьмы свои услуги: ходить по камерам и давать перед заключенными шефские концерты, – уверяя, что, помимо необходимого тренинга для меня, это будет производить благодатный эффект на оступившихся людей, временно находящихся в следственном изоляторе. У меня ведь исключительно идейно выдержанный репертуар, состоящий из «Песни о Соколе» Горького и «Жди меня» Симонова.

После нескольких подобных предложений внимание ко мне со стороны администрации явно повысилось. Общаться со мной начали не иначе как со слегка недоразвитым ребенком. Надо было двигаться дальше. И вот первый банный день. После бани в камеру давали ножницы с затупленными концами – для стрижки ногтей. Такого подарка я, честно говоря, не ожидал. Ох, недосмотрели вы, граждане надзиратели. Мой сосед подстриг ногти и, разморенный, плюхнулся отдыхать на койку. (Лефортово – тюрьма образцовая, там не нары, а койки с пружинными матрацами.) Настал мой черед.

Не буду травмировать ваше воображение подробностями, но за несколько минут мне удалось, расковыряв кожу на запястье, вскрыть вену. Главная трудность была в том, чтобы не вырубиться раньше времени. Я сдюжил и только после того, как залитыми холодным потом глазами увидел брызнувший из вскрытой вены фонтанчик крови, потерял сознание. Откуда-то из дальнего далека я слышал крики, клацанье запоров и хлопанье дверей, мне давали нашатырь, куда-то тащили под руки, обрабатывали рану, хлестали по щекам. Затем я помню холодные злые глазки нашей врачихи Эльзы Кох, так любовно звали ее в тюрьме, и ее злобное шипение: «У нас это не пролезет, мы и не таких ломали. Хоть сто раз зашьем, инвалидом сделаем, а сдохнуть не дадим, для меня это раз плюнуть».

Врешь, врешь, тетенька, по твоей роже воспаленной, по красным нервным пятнам на ней вижу, что занервничала ты, веришь и моим соплям-слезам, по морде моей размазанной, и моим всхлипам: «Мамочке передайте, что я ее больше всех моих жен любил», – веришь, что дефективный перед тобой, что много ты еще со мной неприятностей хлебнешь.

Когда меня вновь водворили в камеру, мой сосед Николай Николаевич, сидевший под следствием уже два с половиной года и перенесший здесь инфаркт, отнесся к происшедшему с пониманием, вопросов задавать не стал, сочувствовать тоже. Человек делает так, а не иначе, значит, так ему надо. Это диктует тюремная этика. По какой статье? Да давно ли с воли? А других вопросов не задают. Надо человеку поделиться – новичок в порыве откровенности говорить начинает о своем деле, советоваться, то еще и остановят: «Ты, браток, про жизнь давай, а о своем деле ты следователю рассказывай, с адвокатом советуйся. А то наговоришь мне, а потом тебе следователь что-нибудь в масть скажет, ты и вспомнишь, что об этом мне рассказывал. А мне лишние разборки не нужны. У меня своих дел хватает». В другой раз Николай Николаевич видел, как я вынутой из супа и высушенной рыбьей костью повторно ковыряю себе вену, но и слова мне не сказал, не позвал вертухая, а отвернулся к стенке и сделал вид, что спит. Спасибо ему за это. По веселым и хитрым глазам его я знал: многое он понимает, одобряет, что не тупым бараном я здесь сижу, а пытаюсь барахтаться, а как – это уж мое дело. Спасибо. За теплоту, за как-то отданный мне большой кусок хлеба – спасибо!

Ох и дуранули же здесь Николая Николаевича! Работая мастером на алмазной фабрике, он насобачился «наращивать» бриллианты алмазной пылью. Сперва он выкроил себе малюсенький

камешек, потом побольше, потом еще и еще. В общем, набрал 108 брюликов не менее чем по полкарата каждый. Камней много, а денег нет. Вот и решил он загнать один из них. Покупателя, отъезжавшего на свою доисторическую родину еврея, на таможне сцапали. Он и сдал Николая Николаевича. Повязал его Комитет и справедливо решил, что у него еще есть камни в заглазнике.

Долго держался Николай Николаевич, почти девять месяцев, еще чуть-чуть, и отвязались бы от него, судили бы за хищение и продажу одного камня. Да вот как-то на очередном допросе в кабинете следователя стали сновать неизвестные люди. Принесли какой-то аппарат. Не обращая на Николая Николаевича внимания, стали переговариваться со следователем: все фартуки брать или трех хватит, увозить Анну Ивановну из квартиры или и при ней можно? Занервничал тут Николай Николаевич, ведь Анной Ивановной звали его жену. Спросил, что за фартуки. Следователь как бы между прочим бросил – свинцовые. Еще больше занервничал Николай Николаевич – на что они? И следователь, исключительно из доброго к нему отношения, рассказал, что этот скромный аппарат предназначен для обнаружения бриллиантов радиоактивным излучением. Аппарат новый, только-только закуплен в Японии, но уже прекрасно себя зарекомендовал. Сейчас специальная оперативная группа выезжает с этой хреновиной к нему домой. И по-дружески посоветовал Николаю Николаевичу оформить добровольную выдачу камней, а то поздно будет: если сами найдут, пойдет под вышку. Тут-то и сломался мой Николай Николаевич, решил сдать брюлики. Попросил только, чтобы его взяли с собой при выезде оперативной группы в его квартиру. Расчет его был прост: вывоз подследственного из изолятора наверняка фиксируется в тюремных документах, значит, есть гарантия, что изъятие будет оформлено как добровольная выдача. Да и жену с дочкой хоть одним глазком увидит после восьми месяцев разлуки. «Конечно! – согласился следователь. – Что ж мы, не люди? Сейчас у нас обед, мы быстро перекусим, а вы пока планчик, где они спрятаны, набросайте, мы его в деле к акту о добровольной выдаче и приложим». Набросал Николай Николаевич планчик и с легким сердцем отправился в камеру обедать.

Когда через пару часов его, приедетого, причесанного, взволнованного от предвкушения встречи с близкими, снова привели в тот же кабинет, пробирка с бриллиантами, изъятая из кирпича, которым была облицована ванна, лежала перед следователем. «Мы вас, Николай Николаевич, решили не утруждать, сами съездили». – «А как же добровольная выдача?» – «Ну какая ж она добровольная, мы нашли, а не вы показали». И не поспоришь. Тут-то у Николая Николаевича и случился инфаркт...

Вот с такими противниками мне и пришлось схлестнуться.

После первого вскрытия вен из нашей камеры убрали все металлические предметы, а миски, ложки и кружки выдавали только на время еды, когда в глазке маячил бдительный глаз вертухая. Вот и пришлось мне во второй своей попытке суицида воспользоваться рыбьей костью. Получилось не так эффектно, как в первый раз, но опять кровь, суматоха, врач. В общем, устроил я им новое ЧП, отдохнуть не дал.

После моей второй попытки следователи Мочалов и Седов на допросах обрабатывали меня дуэтом. Мочалов, лихой старик, громила с чапаевскими усами, одетый в форму с иголки, грохотал кулаками по столу и орал, что он за эти фокусы устроит мне срок на полную катушку, что статья у меня расстрельная, что таких, как я, он в пятидесятом топил целыми баржами. А он и не таких ломал. (Как же они любят эту фразу! Ой, боюсь, боюсь, гражданин майор...) Вот именно, не таких. Седов же, добрый, как сама доброта, лысый, маленький, в засаленном, поношенном костюмчике, останавливал «плохого» следователя: «Ну что ты, Петрович, парнишку пугаешь, он же хороший, просто кто-то его еще на воле научил так себя вести».

(Вот это ты, гад, в самую точку попал. Спасибо тебе, Мишаня, что верно учил: никогда не колись, «да» успеешь сказать и на суде, им только «не видел», «не помню» и «не знаю», а лучше вообще молчать.)

«Ты, Вова, запомни, – продолжал добрый дядя Седов. – Мы тебе и следователи, и адвокаты, и прокуроры, и суд. Сколько скажем, столько и дадут. А тебе много давать за что? Ты же не преступник, ты просто дурачок. Рассказал бы нам все на воле, мы б тебя и не брали. Лучше быть хорошим свидетелем, чем плохим подсудимым. А ты упрямый. Вот под танк и попал. Мы ж КГБ, мы танк, вовремя не отскочил – переехали. Давай дружить. Срок, конечно, ты получишь, но статья, она ж резиновая: можно пять, а можно и пятнадцать». Мощный удар кулака о стол – вступает Мочалов: «Какие пять лет?! Он таких делов наворотил да ведет себя так нагло, что я его, мы его...» Седов перебивает: «Ну что ты, Петрович! Он же паренек хороший. Просто глупый. Кто же тебе, Вова, отсюда через дурдом уйти даст, ты нам здоровый нужен. Нам твои показания нужны. Ты иди к себе, подумай. У тебя сокамерник-то хороший? Не утомляет? Думай, Вова, думай».

А чего думать, граждане начальники? Мы же с моим другом Ленькой Слоном так дурачек обрабатывали неподатливых: один плохой, другой хороший. Ленька делал страшную рожу и шипел: «Вы все равно от меня нетронутыми не уйдете, да я вас сейчас...» А я тихо и вкрадчиво увещевал его: «Перестань, Леонид, как тебе не стыдно... Хамло ты и больше никто. Может, девушки просто стесняются так сразу, не все ж такие распущенные, как твоя бывшая жена, из-за которой ты такой злой стал. Может, девушки еще сами не разобрались, что уже нас хотят. Нельзя же так, Леня. Иди, Любочка, сюда, я тебя ему не отдам. Иди, чего я тебе расскажу...»

И шла Любочка, и давала Верочка. Так что ваш приемчик, граждане полковники, мне давно известен.

Прекрасно знал гражданин следователь Седов, что не утомляет меня мой сокамерник, понимал, что молчанием своим Николай Николаевич помогает мне гнуть свое. Потому и сделали так, что однажды, вернувшись в камеру после допроса, я не застал своего сокамерника – на его койке сидел здоровенный тридцатилетний парень с хорошей белозубой улыбкой. Как кусочек сердца оторвали у меня. Нет больше рядом бородатого Никника. Господи, сколько за пять лет потом приводили и уводили, а этот запомнился особенно. Наверное, потому, что первый.

Серегу, так звали нового сокамерника, оказался не в пример старому крайне разговорчивым. В первый же день он сообщил, что сидеть ему не впервой, а потом стал довольно путано рассказывать историю последней посадки. Его дружок по прошлой отсидке приехал откуда-то с прииска и оставил у него двенадцать килограммов шлиха – золотого песка, а сам поехал отдыхать на юг, где его убили в пьяной драке. Серегу отсыпал сто граммов шлиха, остальное заховал так, что ни один хрен не найдет, а отсыпанное попытался продать, но нарвался на ментов. Вот и сел. Ничего, больше пятеры не дадут, зато года через четыре выйдет на волю, а у него в загашнике чуток без малого двенадцать кило шлиха.

Зачем он мне все это рассказывает, поинтересовался я. Устал, говорит, держать в себе – почему бы не рассказать корешку, которому он безгранично верит? Я попросил его об одном: не рассказывать мне, где он прячет свое золотишко. Он пошел мне навстречу и свой клад открывать не стал.

Господи, за кого меня держат граждане следователи?! Подсунуть мне такого фуфлового стукача – это надо додуматься! Я стал ждать, когда же Серегу попытается меня колоть. Но шли дни, а он и не думал у меня ничего выпрашивать, наоборот, очень скрашивал мою жизнь веселыми рассказами о бабах, о своем первом сроке по малолетке.

Пребывание со мной в одной камере создавало ему некоторые неудобства, поскольку все металлические предметы у нас изымались. Пришлось рассказать Сергею, почему вертухаи так поступают, при этом я добавил, что у меня и сейчас бывают минуты, когда не хочется жить. Опытный сокамерник подмигнул мне и сказал: «А вот это не советую – пойдешь на вечную койку в дурдом. Лучше свой червонец отмотать, чем вечная койка, там за пару лет насмерть заколют». Честно сказать,

он нарушил мое душевное равновесие, хотя я по-прежнему не сомневался в правильности избранного мной пути.

Сергея получал большие и хорошие передачи, а никак не положенные пять кило в месяц. Он объяснял это тем, что мать специально высылает продукты из другого города по почте, а не приносит в изолятор сама, поэтому-де менты вынуждены ему все отдавать. Ага-ага! Ты говори, Серега, а я буду верить. Тем не менее его обильные харчи меня вполне устраивали: питались мы, естественно, вместе.

Как-то раз, когда Сергей был на допросе, в камеру заглянул корпусной. Жирный старшина воровато вынул из кармана три плавленых сырка «Дружба», положил мне на койку и стыдливо попросил: «Долинский! Ты, это, если еще кончать будешь, давай не в мою смену. Мне до пенсии четыре месяца, а нас за это... сам знаешь. Договорились?! Ну вот и ладушки».

Сергея вернулся мрачный: следователь взялся за него круто, на допросе присутствовал прокурор, что теперь делать – колоться или нет? Добрых три дня он делился со мной своими сомнениями, спрашивал совета. Я уже путался, где он врет, где говорит правду. Впрочем, мне было не до него. Надо было дальше гнуть свою линию.

Еще через день я вышел на прогулку в тапочках на босу ногу. Была ранняя весна, еще подмораживало. В прогулочном дворике я снял тапки, аккуратно поставил их в уголок и принялся ходить по снежной наледи босиком. Серега остановился и изумленно сказал: «Ты чего, вправду сбрендил, простудишься». – «Отвали», – процедил я, продолжая ходить по кругу как ни в чем не бывало. Он сел на скамейку и некоторое время молча смотрел, как я накручиваю круги, потом не выдержал: «Ну ты чего, в натуре, кончай! Я мента позову!» Я никак не реагировал, тогда Серега, выждав минуту, задрал голову и крикнул прогуливающемуся наверху по помосту прапорщику: «Эй, старшой, глянь! Он босой ходит!» Я не реагировал. Прапорщик посмотрел вниз и исчез из виду. Через минуту дверь открылась и меня выдернули из дворика в коридор. Передо мной стояли два прапора: «Ты чего кровь пьешь? Чего разулся?» Я застенчиво улыбнулся: «Ничего, ничего, ребята! Мне не холодно. Просто мне еще долго предстоит бороться за свою свободу. Дух-то у меня крепкий, а вот здоровье я решил закалять». Ни слова не сказав, они увели меня в камеру. Где-то через час пришел дежурный офицер и предъявил постановление начальника изолятора Петренко о водворении меня в карцер на десять суток.

Снова неизвестность. Я знал, что карцер – тюрьма в тюрьме, что это очень тяжело. Выдержу, не сломаюсь? И все же моя берет – я снова привлек к себе внимание, маленькая, трудная, но все-таки победа. Что дальше?

Два прапора ведут меня по длинному коридору, затем вниз по лестнице, еще один поворот – передо мной облицованный кафелем острый выступ стены. Эх, была не была! Два резких шага вперед, и я с размаху бьюсь темечком о камень.

Когда я очнулся, надо мной стояла Эльза Кох, хлестала по щекам и приговаривала: «Ну, *censored*нок! Ну-ка открывай глаза!» И, уже обращаясь к прапорщикам, корпусному и дежурному офицеру: «Это он не от удара, это он от страха сознание потерял!» Она о чем-то пошептала с дежурным офицером, и тот ушел. Когда Эльза Кох обработала мою рассеченную башку, он вернулся и поверх пластыря напялил мне на голову голенищем вниз, по самый нос, огромный валенок. Меня приподняли, завели руки за спину и защелкнули наручники. Затем дежурный офицер с силой резко ударил по цепочке, скрепляющей баслеты, и шипы глубоко впились мне в запястья. Я заорал от боли, страха, беспомощности. Но и в этот момент как бы видел себя со стороны. Громче надо кричать, поистеричнее – как натуральный сумасшедший. Я бросился на пол и, срывая связки, стал издавать душераздирающие вопли, при этом вполне расчетливо прикусил изнутри губу и с силой ударился

подбородком в грудь, так что зубы клацнули. «Сейчас я их доконаю», – думал я, разбрызгивая по коридору кровавую слюну.

Как бы не так. Два прапора подхватили меня под руки – ну и здоровые псы, по виду не скажешь, – орущего, извивающегося проволокли по лестнице, по коридору и мощным поджопником водворили в карцер.

Я валялся на мокром холодном полу и тихо скулил. Башка раскалывалась под туго стягивающим ее валенком, в руках пульсировала боль от шипастых наручников.

«А кто тебе сказал, мое солнце, – разговаривал я сам с собой, – что путь будет легким? Подожди, это еще цветочки. Что, тебе так уж плохо? Так уж больно, что жить нельзя? Ерунда. Потерпи, через час-другой наручники снимут. Никуда эти *censored* не денутся. Они и сейчас наверняка наблюдают за тобой. Ну будь мужиком, может, ты сейчас вырываешь у них свою свободу. И запоминай, запоминай все – это тебе еще пригодится. Это твой актив. Смотри на себя со стороны. Как бы повел себя душевнобольной? Наверное, скуля, заполз бы в угол, постарался сжаться, спрятаться от всего мира». Так я и сделал. «А теперь замри, пусть даже не чувствуют твоего дыхания. Пусть подумают: а вдруг сдох? Если я прав, через несколько минут откроется дверь и они проверят, жив ли». Минута, другая, третья. Неужели я ошибся? Нет. Резко открылась дверь, вошел корпусной. Нагнулся и приподнял мою голову.

Я представляю зрелище, которое он увидел. Чего-чего, а кровавых соплей было предостаточно. Они с прапором усадили меня на пол, прислонили к стене, корпусной отомкнул наручники. Стащили с головы валенок, какой-то тряпкой отерли лицо. Дали напиток из кружки. «Ну ты чего? Ты не бузи, и мы с тобой по-человечески будем. Ты ж нас сам вынуждаешь». Вынуждаю, ребятки, вынуждаю, уж вы меня простите, я в свою игру играю, вы в свою. А вслух: «Товарищ начальник, у вас, наверное, тоже мама есть. Вы моей позвоните, скажите, что я ее больше всех жен любил».

Корпусной повернулся к прапору: «Он и впрямь стебанутый! – И громче уже мне сказал: – Я позвоню, прямо сейчас пойду и позвоню. Только ты не бузи. На сигаретку». Слова, обращенные к прапору, – ерунда. Важны поступки. Он дал мне в карцере сигарету – это уже что-то, так мент может пожалеть только дурака. Махонькая, но еще одна победка.

Ох и классное же это средство для похудения – карцер! Один день – кашка да баланда, супчик жиденький, но питательный, будешь худенький, но сознательный. А следующий разгрузочный: кипяточек да черняшка. И больше, больше двигаться. Для этого посреди карцера вцементированная труба, а на ней скошенное градусов под двадцать сиденье, это чтобы во время приема пищи к нему задом притулиться, а так посидеть невозможно. Нары только на ночь опускаются. Так что двигайся, двигайся по шестнадцать часов в сутки. Можно, конечно, и на пол присесть, да он мокровато-влажноватый. Да и температурка в подвале, прямо скажем, не южная. А чтоб было легче двигаться, тебя в тоненький хлопчатобумажный костюмчик передевают.

Увлекательнейшую спортивную игру я себе придумал, баскетбол по-лефортовски. На стенке заметил облупившуюся штукатурку, скатал из черняшки шарик и часами кидал его в эту метку. Достиг потрясающих результатов. Затем ходьба: двадцать кругов в одну сторону, двадцать в другую. На ходу бубнил все свои сыгранные роли, все-все стихи, что успел заучить. Из закромов памяти вылезало столько всякого, что сам удивлялся емкости этого хранилища. Такое количество запомнившегося, что я понятия не имею, как там все это помещалось. Так проходили дни. Когда же наконец на ночь опускали нары, я, до предела вымотанный ходьбой, бросался на них и мгновенно засыпал. Минут через пятнадцать меня будил страшный колотун. Я вскакивал и принимался судорожно скакать и бегать по карцеру. Немного согревшись, снова засыпал, а через полчаса все

повторялось. И так десять – пятнадцать раз за ночь. А в шесть утра подъем, нары пристегиваются к стене, и все по новой.

Пять суток я кое-как продержался, а вот последующие двое помню довольно смутно. Не заботясь о радикулите, я сидел в углу карцера на ледяном полу и по-идиотски улыбался: прямо передо мной на противоположной стене шли смешные мультики. Я понимал, что карцер вряд ли кинофицирован и это, по всей видимости, галлюцинация, но, с другой стороны, какие могут быть глюки, когда я отчетливо вижу забавных человечков и даже слышу их писклявые голоса.

В таком трогательном состоянии и застал меня дежурный офицер, принесший мне постановление начальника изолятора о помиловании в честь праздника 8 Марта. И так, отсидел я семь суток вместо десяти положенных. А дальше я был удостоен огромной по лефортовским меркам чести – беседы с начальником изолятора полковником Петренко. Человек-легенда, гордость тюрьмы. Именно он вел дело Файбышенко и Рокотова, двух молодых парней, которые впервые в стране всерьез сыграли на разнице в официальном и черном курсах рубля и доллара. На той самой спекуляции, которой занималось многие годы наше социалистическое государство, они заработали немалые деньги. Взять-то их взяли, да вот статья, по которой их могли судить, предусматривала смехотворно малые по советским понятиям сроки. Так дело не пойдет, решили самые высокие инстанции. И статью подкорректировали: по ней теперь можно было дать от пяти до пятнадцати лет, а то и вышку. Но ребята совершили преступление до изменения статьи, а закон обратной силы не имеет. У них за бугром не имеет, а у нас – как пожелаем. И пожелали. Выполняя пожелания трудящихся, Верховный Совет решает придать закону, конечно, в порядке исключения, обратную силу. Файбышенко и Рокотова благополучно шлепнули, за это наша страна была исключена из всех международных юридических организаций. Ну и что? Большие дела!

Так вот, в кабинет этого самого Петренко и ввели меня, еле стоящего на ногах. Кабинет, надо сказать, хороший – просторный, богато обставленный. Не сравнить с карцером, да что там карцер, даже лучше камеры. И идет мне навстречу среднего роста, подтянутый голубоглазый седой красавец – полковник. Усаживает меня в полукресло. Просит чай для меня принести, да покрепче, да погорячей, да послаще. И вот пьем мы с ним вдвоем чай, доброжелательно смотрим друг на друга, улыбаемся – словно два дружка закадычных после долгой разлуки. Первым молчание нарушил я: «Спасибо вам, гражданин полковник, что в честь 8 Марта меня помиловали, спасибо!» Больше слов у меня нет, пускаю скупую мужскую слезу и сразу перехожу на коровий рев. Петренко брезгливо похлопывает меня по плечу: «Ну! Ну! Успокойтесь! Вы же мужчина. Надо уметь себя в руках держать». Еще минуту я истерически всхлипываю, размазываю сопли по неделю не бритому лицу со следами запекшейся крови и замолкаю. Блаженно улыбаюсь, преданно смотрю в полковничьи глаза. Беседа, явно срежиссированная моими следователями, начинается.

Все-таки изобретательности и следователям, и самому Петренко не хватает. Обычная схема: сначала посетовал, что я рано лишился отца и некому мне было мозги вправить, когда я ступил на кривую дорожку, потом стал захваливать меня как актера – они с женой стараются не пропустить ни одного «Кабачка»: «Ну вы там хохмачи, ну юмористы!» Лукаво пошутил: «Всех там панночек небось перепробовал? Хороши бабенки! Особенно эта ваша официантка – пани Зося, да? – как говорится, жопа прямо как орех, так и просится на грех!» Мы с ним долго заливисто смеялись этой прекрасной свежей шутке. Затем он кашлянул, пристально по-отцовски посмотрел на меня и с горечью сказал: «Все в жизни имел, и на тебе. Ты ж полукровка, мамка русская, отец – Абрам Юрьевич, вот отцовские гены и перетянули».

Полковник извлек из сейфа несколько альбомов с фотографиями осужденных и изъятых у них ценностей: чемоданы денег, горки бриллиантов и золотых монет, полотна великих художников. «Вот что люди наворовали, а у тебя, кажется, всех дел тысяч на пять с копейками. Так ведь? А ведешь себя,

как законченный рецидивист, со следователями не общаешься, протоколы не подписываешь. Создается впечатление, что за тобой много еще чего. Твое молчание тебя не спасет, только положение свое ухудшишь, понял? Ну, это вроде как не мое дело, хотя я искренне хочу тебе помочь, а вот твое поведение в изоляторе – это уж ни в какие ворота. Ты с этими выкрутасами заканчивай, берись за ум. Хорошо? А я тебе в этом месяце разрешу дополнительно отовариваться в ларьке на десять рублей. Доволен? То-то же... Давай-давай, начинай работать, помогать следствию. Вот будет у тебя со следователями все ладно, я твоей матери разрешу дополнительную передачу принести, знаешь, какая это для нее радость». Нажал кнопку звонка и сказал вошедшему конвоиру: «Уведите».

В камеру я вернулся как в дом родной. Господи, как все в этом мире относительно! Умылся, переоделся в свое, меня побрил тюремный парикмахер. Съел показавшийся мне фантастически вкусным бутерброд с колбасой и сыром, который приготовил мне стукач Серега, забрался под одеяло, свернулся калачиком и кайфовал в полудреме. Человек не свинья, ко всему привыкает: моя камера, койка, сосед показались мне теплее, уютнее и роднее дома. Спал я долго как убитый. А на следующий день меня дернули на допрос. Я понимал, что отеческие интонации и участие Петренко – дешевая гебушная игра, фикция. Но мне было как-то неловко обидеть человека – старался ведь, – подвести полковника, не оправдать его ожиданий, и впервые заговорил со следователем Седовым о своем деле. Да, я продолжал отпираться, но заговорил и подписал протокол.

На допросе присутствовал еще один человек. Седов представил мне его как прокурора, который будет поддерживать обвинение против меня в суде. Сказал, что многое будет зависеть от него, от его личного отношения ко мне. Фамилия прокурора была Фунтов. Пожилой человек без одной руки молча смотрел на меня, а потом спросил, нет ли у меня каких-нибудь жалоб или просьб. Я было хотел скорчить плаксивую гримасу и, прикидываясь идиотом, просить его позвонить моей маме. Но вдруг мне стало стыдно дурачить этого серьезного человека, калеку. И я сломался. Нет, я не сказал ничего лишнего, но в разговор ввязался. Я даже попросил его сообщить матери, что мне нужны плюсовые очки – стало трудно читать. И тут Фунтов сделал ошеломляющий ход. Он заглянул в лежащее на столе дело, придвинул к себе телефон и стал набирать номер. Трубка была неплотно прижата к его уху, и через несколько секунд я услышал низкий родной мамкин голос: «Алле, я вас слушаю». У меня закружилась голова.

Фунтов все понял, прижал трубку плотнее, представился маме, передал от меня привет и мою просьбу. Положив трубку, он обратился ко мне: «Ну вот, Владимир Абрамович, будут у вас очки. Мать вам привет передает. Чем скорее дело закончим, тем скорее суд, а после суда свидание, мать увидите, очень она за вас переживает. А я все думал, что ж это за Долинский такой, что подписывать ничего не хочет. По делу смотрю – человек интеллигентный, артист, а так по-дурацки себя ведет. Как мужик деревенский – я, начальник, неграмотный, подписывать ничего не буду, а то ты меня посадишь... Рад нашему знакомству, думаю, у следователей больше на вас жалоб не будет». И меня увели в камеру.

Сергей был на прогулке. Я грохнулся на шконку, уткнулся мордой в подушку и разрыдался. «*censored*, *censored*, слабак, на что поддался, на такую дешевку... Зачем оставил свой автограф на протоколе? Карцер, затем две душещипательные беседы, мамкин голос, и ты готов... Выходит, сломался? Нет, не бывать этому. Будем считать, что я просто притупил их бдительность. Следующий ход все равно за мной.

Я поднял голову с подушки и увидел на наволочке клочок волос. Это были мои волосы. Я начал лысеть.

На этом заканчиваются мои тюремные записки, которые я так непредусмотрительно переправил на волю, не подумав, как воспримет их мама. Но не заканчиваются лагерные воспоминания. Они всегда со мной. Ведь это кусочек моей жизни. Было бы неправдой сказать, что проведенное в заключении

время – просто вычеркнутые годы. Жизнь в неволе тяжела, но это все равно жизнь – со своими радостями, огорчениями, трагическими поворотами, порой со смертельной опасностью, а порой с комическими сценами. Это встречи с разными людьми – с очень плохими и очень хорошими, с обозленными и добрыми, с жадными и щедрыми, безразличными к чужому горю и, наоборот, сочувствующими страданиям другого человека.

Вот еще несколько историй из моих лагерных воспоминаний.

На зоне я как-то захворал, потребовалась операция. Меня отправили в тюремную больничку на 16-й лагерный пункт, где в барак, рассчитанный на 200 человек, набилось 600 больных. С собой я взял самое необходимое для заключенного: 20 пачек сигарет, пару носков, тапочки, авторучку и открытки. Все это добро было сложено в мешок, или, по-лагерному, «сидорок». Я отошел покурить, а когда вернулся, «сидорка» на месте не оказалось. Сосед по нарам на мой вопрос, не видел ли мешка, ответил с угрозой: «Не на меня ли думаешь, а?» – «Нет, земляк, все в порядке. Наверное, потерял», – ответил я, прекрасно понимая, что о куреве и прочих необходимых зеку мелочах надо забыть.

Вечером кто-то меня узнал, раздались голоса: «Ну-ка, артист, потрави нам». Деваться было некуда, и я дал сольный концерт, часа полтора пересказывая фильм с Аленом Делоном и Жаном Габеном. Меня слушали в гробовой тишине. Потом меня попросили исполнить еще что-нибудь., я рискнул и прочитал им стихи Константина Симонова. «Я вас обязан известить, что не дошло до адресата письмо, что в ящик опустить не постыдились вы когда-то...» – с волнением читал я строки о предательстве солдатской жены. Эти строки взяли «публику» за живое – перекурив, зеки молча расползлись по нарам. А наутро возле меня лежал мой «сидорок», его бесценное содержимое было в целости и сохранности.

...Замначальника колонии по политико-воспитательной работе майор Виталий Васильевич Марамзин был мужик незлобивый и вполне мог облегчить участь зека, если это не противоречило его собственным интересам. Впервые меня увидев, он сразу смекнул, что получил в свое распоряжение достаточно интеллигентного по лагерным меркам человека, и пожелал задействовать меня на своем политико-воспитательном участке работ. Но тут была определенная закавыка. Сидел я по хозяйственной статье и по каким-то неведь кем и зачем придуманным абсолютно идиотским гуиновским правилам мог вкалывать только на сдельщине. А работа, на которую он хотел меня определить – работа завклубом, например, или библиотекаря, – относилась к повременной. Жизнь, однако, заставила Виталия Васильевича это правило нарушить.

В лагере ждали комиссию по политико-воспитательной работе в зоне. Не завтра она должна была приехать и не послезавтра, а через полгода. Но готовиться надо. И Виталий Васильевич забрал меня из кузницы, где я работал молотобойцем, и перевел в библиотекарю. Меня это вполне устраивало – все же, как понимаете, физические нагрузки в кузне и библиотеке разные. Кроме того, я мечтал по достижении двух третей своего срока уйти в колонию-поселение, для чего требовалась положительная характеристика. Вообще-то особым нарушителем режима я не был, жил как мужик, достойно нес свой зековский крест. Но библиотекарь на виду у начальства, что всегда позволяет, коли ты не полный кретин, произвести благоприятное впечатление. И я с радостью взялся за новую работу.

В полуподвальном пятидесятиметровом читальном зале стояли стеллажи с книгами – по большей части классика и кондовая советская литература. Однако немногочисленные читатели не очень ориентировались и в этом книжном море. Чтобы помочь сделать правильный выбор, на каждую книгу требовалась аннотация. И я принялся их писать.

«Один мужик приручил собачку, мужик был глухонемой, ни бе ни ме. Ну, там еще была коза противная – его барыня, которая гнобила собачку и заставила, *censored*, его эту собачку утопить». Догадались, о чем? Думаю, содержание книги лучше бы не изложил и сам старик Тургенев. А какие

аннотации я написал к «Анне Карениной», «Войне и миру», «Палате № 6»! Классики отдыхают. Виталий Васильевич был мной доволен.

В общем, я проделал большую и серьезную работу. Вечерами за книгами приходили читатели-зеки, я что-то советовал, что-то подбирал – словом, общался с людьми, а вот днем, когда я писал свои литературные шедевры, было смертельно скучно и одиноко. И я нашел себе товарища – поймал маленького серенького мышонка, назвал его Васей и поселил в трехлитровую стеклянную банку. Она была застелена газеткой, и Васютка шебуршился в своем жилище, шуршал бумагой. Иногда на библиотечном столе я выстраивал из книг загон, выпускал в него своего узника – пускай побегаёт – и подкармливал крошками от своей пайки. Внутри арены-загона устраивал для мышонка препятствия, и Васютка через них прыгал. Потом я осторожно брал его в руки, нежно гладил по шерстке, сажал к себе на плечо. Нельзя сказать, что полностью приручил его, но мы подружились.

Надо сказать, что в лагере категорически запрещено, как я понимаю, из-за возможных, как бы это выразиться помягче, неуставных отношений, держать кошек, собак и других животных. Мы же с Васей этот строжайший запрет нарушали. Впрочем, делали это с большой осторожностью: при людях он тихо сидел в своей банке, которую я упрятал на стеллаже за книгами, должно быть, отдыхал. Да и я заранее узнавал об опасных визитерах.

К моей библиотеке вел длинный темный коридор, поэтому я всегда успевал услышать шаги и понять, кто идет. Зекам не разрешалось ходить в башмаках с металлическими подковками, а сапоги начальства были подкованы и громко цокали по цементному полу, предупреждая меня и Васю об опасности.

Так вот, в один прекрасный день я то ли увлекся составлением очередной аннотации, то ли задумался о своем, но услышал цоканье слишком поздно. Быстро водворил Васютку в банку и поставил ее на полку, но закрыть книгами не успел – в библиотеку вошел сам Виталий Васильевич.

– Дóлинский! – Он почему-то делал ударение в моей фамилии на первом слоге. – Вопрос, значит, на сегодняшний день такой. Сейчас проходил мимо библиотеки, гляжу, у тебя хорошие плакаты висят, но голуби все плакаты обсерили, надо их мыть.

Я говорю:

– Виталий Васильевич, да мою ж я, почти каждый день залезаю и мою, но они после каждой уборки... Не налазаешься...

– Ну, вот вопрос такой... придут, спросят – что это у вас все стенды обосраны? А я что скажу? Библиотекарь лазать не хочет? Какая же ему тогда колония-поселение?

И в это время мой Васютка вдруг зашебуршил в своей банке. Виталий Васильевич прислушался. Хоть он и по политико-воспитательной работе, а ментовское чутье сохранил.

– Дóлинский! Что такое там шебуршит?

– Где, гражданин начальник?

– О-о-о, слышь, опять шебуршит. Что такое, Дóлинский?

– Да черт его знает!

– А ну, где это? – И двинулся к стеллажу, прямо к банке.

– Это Вася, – вынужденно признаюсь я.

– Че? Какой еще Вася?

– Да это мышоночек у меня. – Показываю ему банку.

– Значит, так. Значит, сам сидишь и мыша посадил?

– Виталий Васильевич...

– Я тебе не Виталий Васильевич, а гражданин майор. Это что ж ты, *censored*н сын, творишь?! Ты же знаешь, что запрещено! Что ж ты меня подводишь, а вдруг комиссия какая? Выпускай мыша!

– Ну Виталий Васильевич, ну я...

– Не Виталий Васильевич... Выпускай мыша! Никакие аннотации не помогут! Уволю к чертовой матери, пойдешь у меня в литейный цех работать! Выпускай мыша!

Делать нечего, я наклонил банку и выпустил Ваську. Он обнюхал пол, огляделся и дал деру. Больше я его не видел.

– Ох-ох-ох, глянь, бежит! – восхищенно протянул Виталий Васильевич. – Убежал твой мыш, а вот ты, Дóлинский, хрен у меня убежишь!

Прав был гражданин майор.

Самый большой праздник в зоне – свидание. Только самым близким – женам, детям, матерям и отцам, родным братьям и сестрам – разрешено приезжать в лагерь на личную встречу с зеком, которая длится от одного до трех дней.

Жена меня бросила, так что приезжала ко мне только моя мамка, царство ей небесное, мамочка моя, которая на седьмом десятке лет перла ко мне в лагерь неподъемные сумки с едой. За три дня свидания мама стремилась накормить меня на полгода вперед – до следующего своего приезда, поэтому везла пироги, домашние пельмени, жареную птицу и запеченное мясо, яйца, овощи-фрукты, даже драгоценную икру – в общем, ассортимент гастронома, да и то не всякого, а элитного, скажем Елисеевского. Все это – самое вкусное, самое свежее – мама выкладывала передо мной и безмолвно молила: кушай, сынок!

Вообще-то в лагере еда как-то отходит на второй план. Вскоре после прибытия понимаешь, что разносолов здесь не будет: картошка, иногда с волоконцами мяса, каша с наперстком какого-то жира, невнятный жиденький супчик, чай, который и чаем не назовешь... А на праздники в зековские шлемки (миски) с кашей швыряли что-то вроде котлеты непонятного состава.

От всего этого желание есть пропадает, а желудок съеживается, сокращается. К зеку же, который, несмотря ни на что, сохраняет в лагере аппетит и много ест, относятся с некоторой брезгливостью, такого здесь называют «кишкой». Я таким не был и, к удивлению своему, благодаря лагерному питанию избавился от небольшой язвочки, которую приобрел на воле, где шлялся по кабакам, ел жирное и острое, не отказывал себе в водочке.

Так вот, мама сначала смотрела на меня умоляющими глазами, а потом начинала причитать: «Ну съешь это... и вот это... ну попробуй хоть кусочек, это тетя Сима тебе прислала, а вот этот пирожок пекла тетя Таня, а вот эти пельмешки... а вот эту рыбку я фаршировала...» И я сначала с аппетитом, а потом уже через силу, чтобы только не обидеть маму, ел. Но всему есть предел. Я отпрашивался у мамы покурить, а сам бежал в туалет и известным еще римским патрициям способом избавлялся от поглощенной пищи. А когда возвращался, все повторялось сначала...

При всей скудости лагерного рациона бывали у меня здесь и гастрономические праздники. Расскажу об одном из них.

В зону к нам привозили отходы с мясокомбината, в основном кости, но попадались и обрезки – отсюда и мясные волокна в картошке, и микроскопическая мясная составляющая в праздничных котлетах. А изредка привозили бычьи хвосты. Тогда я, конечно, не знал, что во Франции из них готовят особые блюда, ради которых люди специально приезжают в рестораны, где подают знаменитую похлебку из бычьих хвостов и нежнейшее мясо из этой части.

В зоне у меня был кент Володька Шумилов. Замечу попутно, что словечко «кент» не имеет ни малейшего отношения ни к английскому графству, ни к сигаретам – это лагерный синоним слова «приятель». У него была кликуха Кайфуша. Володька кайфовал от всего, точнее бы сказать – от жизни. Вспомнит о бабах на воле – рот до ушей, прихлебывает чаек – чмокает от удовольствия, видит, как один другому морду бьет, – остановится полюбоваться. В общем, Кайфуша, и этим все сказано.

Особенно кайфовал он от меня: его кент – не кто-нибудь, а артист из самого «Кабачка». В те редкие дни, когда на кухню привозили бычьи хвосты, Кайфуша давал мне «маяк» – приходи в семь вечера в столовку. Я заходил с черного хода, и Кайфуша выносил мне пятилитровый котелок с еще теплым жирным бульоном, в котором плавали облепленные нежным мясом позвонки бычьих хвостов. Боже, какой это был кайф – обсасывать позвонки, запивать их горяченьким бульончиком, в который для густоты загодя было накрошено немного хлебушка...

Ваш покорный слуга не был бы самим собой, если бы даже в зоне не придумал себе приключение, причем романтическое, любовное, но все-таки тоже с некоторым гастрономическим оттенком. Не стану рассказывать подробности и называть имя своей пассии. Она была учительницей в лагерной школе, замужняя, мать двоих детей, на несколько лет старше меня, а мне тогда уже стукнуло тридцать два.

Меня потянуло к ней естественное обстоятельство: как-никак больше двух лет без женщин. Ее ко мне, не обольщаюсь, – флер столичного актера, оказавшегося в неволе любимца толпы. Мы встречались у меня в библиотеке и, как говорится, предавались любви. А еще она, недурная кулинарка, приносила мне из дома пироги с маком, роскошные кулебяки, шикарное рассыпчатое печенье... Как все это напоминало мне о домашнем уюте! И я очень благодарен этой женщине!

Мы оба рисковали, и в конце концов на нас донесли. Замначальника по режиму вызвал меня к себе и сказал: «Еще раз узнаю – все твои мужские дела отрежу и собакам выкину». Думаю, свою угрозу он вполне мог привести в исполнение, и помощники бы нашлись – ее муж тоже работал в администрации колонии.

Больше она ко мне не приходила. Потом начались летние каникулы, учительница в зоне не появлялась, и мы два месяца не виделись. А когда наконец встретились, она прошептала: «Я по тебе скучаю». – «Я тоже, как и ты», – ответил я. И написал для нее неумелые строки, которые тогда мне ужасно нравились. Ей тоже.

Бывает зависть черная,

Бывает зависть белая,

Бывает чувство робкое,

Бывает чувство смелое.

Бывает много сказано,

Но к сердцу не пробиться,

А взгляд, случайно брошенный, —

Как целая страница.

Стучало сердце бешено,

Слова как день просты...

«Я по тебе скучаю!»

«Я тоже, как и ты!»

Вот такая вот история с любовью и пирогами. И еще одна любовно-гастрономическая история, котораястряслась со мной несколько позже первой. Я ее записал лет пятнадцать назад и, будучи в Америке, по просьбе друзей опубликовал в русскоязычной газете. Привожу этот текст, ничего в нем не меняя.

//-- DOLCE VITA --//

Середина зимы. Пятьдесят гавриков с «усилка» (колония усиленного режима) откинулись с зоны. То есть не совсем откинулись, а переведены на вольную колонию-поселение. Не прав был наш начальник спецчасти: «Тебе, Долинский, до звонка не пробздеться. Это ж подумать, какими делами ворочал: скупил у неизвестного гражданина итальянской национальности сто тысяч лир». Но мудрые судьи на зоне, решавшие вопрос о нашей отправке в колонию-поселение, разобрались, что сумма меньшая, чем сто долларов США, не до конца подорвала валютную мощь нашего государства, и сочли возможным по двум третям отсиженного срока смягчить мне режим. Спасибо вам, граждане судьи! Я оправдываю ваше высокое доверие!

Первая в Советском Союзе сельскохозяйственная колония-поселение встретила нас настороженно. Пятьдесят здоровых, в основном молодых, голодных во всех смыслах мужиков были вполне конкурентоспособны в борьбе за выживание в этой небольшой деревеньке Желдыбино Верхошижемского района Кировской области. И наш новый «хозяин» майор с незамысловатой русской фамилией Абрамович Иван Иванович (ей-ей, не шучу), похоже, понимал это. Потому и распорядился поставить наше обиталище – БАМ – Барак Адиноких Мужчин – в отдалении от жилищ законопослушных граждан, то бишь за пару километров от деревеньки. Выстроил нас гражданин майор Абрамович Иван Иванович, кисло посмотрел в нашу сторону и скучно заявил о своей уверенности в том, что половина из нас вскорости благополучно вернется обратно в зону, так как работать мы конечно же не будем, будем мы жрать ханку, употреблять местных изголодавшихся баб, за что и будут ходить на нас с дубьем их тоже немало пьющие мужики. Но «вольняшка» всегда прав. И будем мы уходить в побег, кто совсем, а кто в соседнюю деревню за самогонкой, что для него соответственно одно и то же. На наши слабые возражения он не ответил, а грустно и брезгливо посмотрел на нас и, сгорбленный и печальный, медленно пошел в сторону деревни Желдыбино Верхошижемского района Кировской области. Передал он нас в распоряжение трех прапоров и местного участкового Васьки. Те благополучно рассказали нам режим содержания и развели по камерам... простите, по комнатам. Итак, сбор завтра в шесть утра у правления колхоза.

Первый раз за четыре года без вертухая, без ходьбы строим. В кармане триста шестьдесят целковых. Жри в столовке с пуза хошь тефтели, хошь компот. Курева завались, а главное – можно позвонить в Москву, мамке. Господи! Да вот же оно, счастье!

Утром на разводе нас стали распределять на работу. Когда очередь дошла до меня, на вопрос: «Кем работал на воле?» – я ответил: «Артистом». «Ну, это ясно, – сказал замдиректора совхоза, – вы все здесь артисты. А работал-то кем?» – «Артистом», – повторил я. «Ты мне здесь не выступай, я тебя человеческим языком спрашиваю: кем на воле был?» После упоминания о «Кабачке “Тринадцать стульев”», где я ваял незабвенный образ пана Пепичека, он долго вглядывался в мое сильно изменившееся за эти годы лицо, затем хлопнул себя по тугим ляжкам, расплылся до ушей и крикнул:

«Марь Пална, Степаныч, Розка, Любка! Бежите сюда! Гляньте! Артист с “Кабачка”. Вот те раз! Живой! Ну не могу, братцы! Ты, артист, погодь, я развод закончу, потолкуем. Ну, каких чудес не бывает!»

После развода я пару часов ублажал местную сельскую элиту: директора, агронома, главного бухгалтера и жену участкового Васьки, завклубом Любочку рассказами об интимной жизни персонажей нашего сериала. Уж больно интересно им было. Все они перетрахались друг с дружкой или только по сценическим парам? Сколько платят и куда ж они такую прорву денег девают? Я не жалел красок, но был корректен, держался скромно. На вопрос о том, как же я дошел до жизни такой, я грустно и многозначительно улыбнулся и сказал: «Наивный был, в настоящую любовь верил». Какая связь между моей наивностью и восемьдесят восьмой статьей УК РСФСР, я пояснить не стал. Любочка, которая сразу положила на меня глаз, сказала, обращаясь в никуда: «А в клубе истопника нет. Вона, все руки в занозах. Я уж сто раз говорила, а всем хоть бы хны». Порешили миром обратиться к товарищу Абрамовичу с ходатайством определить меня истопником в клуб. Абрамович ходатайство удовлетворил.

Любочка, тридцатилетняя дородная женщина, мать троих малолетних детей, порешила так: клуб топить мы будем вместе. А вот новогодний концерт чтобы я сделал один. Любочка подкармливала меня домашней едой и готовила «купчик» – крепкий терпкий чай. Смотрела она на меня такими глазами, что у меня постоянно тянуло низ живота. Затем саданула меня локтем под ребра, кокетливо засмеялась и заговорщически сказала: «А я ведь Ваське своему почти и не изменяла». Низ живота тянуть перестало. Под вечер третьего дня Любочка сдалась окончательно: «Сегодня мой в район едет, дежурить на сутки. Придешь?» И, крепко взяв меня за щеки, поцеловала в губы. «Приду, приду, Любочка, куда я, на хрен, денусь».

Отбой у нас был в 22.00. После этого часа выходить из БАМа запрещалось. Но какие могут быть запреты, когда от желания трясутся ручонки и ноздри щекочет запах свежих Любочкиных волос?

В начале одиннадцатого я соорудил «куклу», сунул ее под одеяло, договорился с Вовкой Одессой, моим дружкой еще с зоны, об условном стуке и вылез в окно барака. Стараясь не попасть в лунную дорожку на снегу, я бежал в сторону деревни, в сторону своего счастья, моей любвеобильной Любочки. Сердце билось где-то в горле. Господи, мне казалось, никого никогда я так не любил и не хотел, как ее.

Вот она, заветная изба. Замерзшее окошко. Стучу. Клуб вырвавшегося из дверей пара, и в этом пару вся раскрасневшаяся от готовки и желания моя Люба. Улыбка, поцелуй, и я в маленькой чистой деревенской с русской печкой кухне. «Только все по-тихому давай, а то мои спиногрызы в соседней комнате спят, насилу угомонила».

Вкуснее этой хрустящей картошки с салом, этой чекушки водки я не ел и не пил ничего в жизни. Захмелел, разморило меня, и повела меня суженая-ряженая в опочивальню. Разложила постель, распустила волосы, разделась, потянула к себе и... и... и... какой конфуз! Прости, Любочка, не донес я до тебя свою мужскую силу. Все расплескал. Но четыре года без женщины... Ты ж умница, ты ж... «Да ладно тебе. – Любочка нежно погладила меня. – Чего ж ты меня совсем за дуру держишь? Чего ж я, не понимаю, как это у вас, у мужиков, бывает? Ну вот, оскоминку сбил, а дальше чтоб все хорошо было. И успокойся, дурачок». И я успокоился. И уже через полчаса совсем по-другому, с видом победителя, смотрел на ублаженную даму своего сердца.

Я ничего не услышал, но вдруг увидел, как лицо Любочки в свете луны, падающем из-за занавески, застыло, она насторожилась. Я прислушался и уловил звук мотора. Я еще ничего не мог понять, а Любочка резко вскочила и стала быстро собирать мои раскиданные по комнате манатки. «Быстро собирайся! – Она совала мне вещи в руки. – Это аэросани. Васькины».

Свет фар издали полоснул по окну. Она, не включая лампы, подталкивала меня, голого, в чем мать родила, через кухню в дровяницу, что была перед выходом из избы в холодных неотопливаемых сенях. Резко воткнула меня спиной в этот маленький закуток и закрыла дверь. В спину и затылок мне впились торцы дров, нос и живот были прижаты закрытой снаружи дверью. «Стой и не дергайся, я тебя выпущу. И тихо! Васька услышит – он нас с тобой обоих порешит».

Я слышал, как она быстро вернулась на кухню и стала убирать со стола. Затем все затихло. Минута, другая, раздался стук в дверь избы. Я тихо, мелко трясся от холода и страха. Еще стук, еще... Любка не торопилась. Наконец я услышал, как открылась дверь в сени и она спросила ленивым сонным голосом: «Ну кто там?» С улицы донеслось: «Я, Люб, я, Васька». – «Ты чего это? Надежурился?» – «Да, Кузьмин, *censored*, график перепутал. Зря только сорок кэмэ отмахал». Любка открыла дверь и впустила его в сени, и они вместе вошли в избу.

Сколько я так простоял на двадцатиградусном морозе, я до сих пор не знаю. Мне это показалось вечностью. Я боялся дышать, руки-ноги затекли, замерз, как студень, пошевелиться не мог. Я прекрасно понимал, что еще чуть-чуть – и я просто рухну. Васька, конечно, услышит, и это все. Этот лихой пацан тут же застрелит меня из своего табельного пистолета... И нарвется только на благодарность начальства. А уж Любочка со своей природной смекалкой и изворотливостью всегда убедит его рассказать, как пьяный зек хотел изнасиловать жену мента. В голове пронеслась вся моя недолгая несложившаяся жизнь, и очень хотелось завывать в голос.

И вот когда силы уже совсем покидали меня, дверь моей темницы тихо, но резко открылась, я, как во сне, вышагнул из нее, направляемый твердой Любиной рукой, затем открылась дверь на улицу, и я услышал прощальное: «Вали!»

Откуда взялись силы? Я, с кучей вещей в руках, голый, босой, поскакал по задам в конец деревни в сторону БАМа. Сейчас, сейчас мне выстрелят в спину. Я не чувствовал, как снежная наледь резала мне ступни, я не чувствовал мороза, было только ощущение того, что луна высвечивает меня одного, как прожектором на сцене. И из всех изб глядят на меня проснувшиеся пейзажи. Сейчас, сейчас выстрелят! Где-то после километра я остановился у палой ели, присел, оделся и минут через пять был у БАМа, у окна своей халупы. Условный стук, Вовка открывает окно, я вваливаюсь внутрь и, не говоря ни слова, не раздеваясь, в сапогах, в шапке, ватнике лезу под одеяло и накрываюсь с головой. И только здесь понимаю, что же такое счастье. Настоящее счастье – это когда веришь, что пронесло! Может, не выстрелят.

Я проснулся и думаю: было, не было? Сладкая истома вместо улетучивающегося страха разливается по телу. Пора в котельную. Но на всякий случай и много лет спустя изменяю все имена. Кроме собственного. Ведь я там правда был.

Топать своим путем

Из пяти лет, которые определил мне суд, я отсидел четыре. Когда я уже был на поселении, пришла радостная весть: благодаря ходатайству моих товарищей-актеров – Аросевой, Миронова, Державина, Кумаритова, Высоковского, Рудина, Папанова и многих других – мне скостили срок на целый год. Счастливый, я ехал поездом в Москву и не мог оторваться от вагонного окна – впитывал в себя волю. А через три дня после возвращения меня взял к себе в «Ленком» Марк Анатольевич Захаров.

В театре у меня было много ролей. У Марка Анатольевича я снялся в «Том самом Мюнхгаузене» и «Обыкновенном чуде». Все вроде бы складывалось замечательно, если бы не мой характер – он резко изменился, причем не в лучшую сторону: я стал диковат, безумно агрессивен, редкая неделя для меня не заканчивалась дракой. Должно быть, так повлияло на нервную систему пребывание в зоне.

В «Ленкоме» я быстро сошелся с Сашей Абдуловым и Олегом Янковским. Позже к нашей тройке на съемках «Мюнхгаузена» присоединился и Леня Ярмольник. Тогда мне казалось, что это была настоящая мушкетерская дружба, которую цементировали и украшали любимая совместная работа, веселые застолья и прочие мужские подвиги. Жили и дружили весело, с шутками и розыгрышами. Красивый, шухарной, любвеобильный, с прекрасным чувством самоиронии Олег Иванович Янковский, впоследствии народный артист Советского Союза, причем по иронии судьбы последний, уже тогда был знаменитым артистом, хотя пока и без регалий. Он не стеснялся раздеться при всей честной компании и, оставшись в одних трусах, смешно выворачивал и без того не идеально прямые ноги и с комическим недоумением заявлял: «Господи, и всему этому поклоняется каждая вторая женщина страны...»

На съемки часто приезжал автор сценариев всеобщий любимец Гриша Горин. Он был самым «зажиточным» из нас и любил затащить актерскую братию в кафе, чтобы накормить до отвала потрясающими пирожными. Марк Анатольевич и все мы долго уговаривали его сняться в одном из захаровско-горинских фильмов, дабы увековечить себя для потомства. В конце концов Гриша дал себя уломать и снялся в роли придворного в крошечном эпизоде «Обыкновенного чуда».

Из того золотого времени больше всего почему-то запомнились какие-то самые нелепые истории. В такие частенько попадал Саня Абдулов. Однажды на съемках «Мюнхгаузена» в Германии он поспорил со здоровенным немецким каскадером, у кого сильнее руки. Саша настаивал на том, что он мастер спорта по фехтованию и поэтому-де крепче хватки, чем у него, просто не бывает. Самое интересное, что сам он верил в это. В конце концов каскадер предложил помериться силой. Когда они сцепили руки, немец успел честно предупредить: «Вам будет очень болно! У меня сильный палец». Саня залихватски ответил: «Да уж не сильнее, чем у меня. Поехали!» Через секунду раздался хруст. Абдулов, сморщившись от боли, процедил сквозь зубы: «У-у-у, фашист!» На этом он не успокоился и объявил, что настоящие звезды экрана не прибегают к услугам каскадеров, поэтому сцену прыжка с крепостной стены он сыграет сам. Мы долго его отговаривали: «Саня, не делай этого. Или хоть место проверь...» Но он продолжал напирать на то, что он мастер спорта. И что ему, мастеру, прыгнуть с каких-то трех метров – раз плюнуть. И плюнул, то есть прыгнул – аккуратно на подвернувшийся небольшой камушек. Снова мы услышали хруст – закрытый перелом лодыжки. А ему как раз надо было срочно лететь в Москву на спектакль, посвященный обороне Брестской крепости. Впрочем, думаю, он выкрутился: защитник крепости вполне мог и хромать...

Только-только прошел телефильм «Обыкновенное чудо». Абдулова начали узнавать на улице, чувствовалось – слава идет за ним по пятам. Веселые, слегка выпившие, гуляем вечером по Тверской. Саша в длинной импортной дубленке, но в плебейской шапке из кролика. У «Националя» нас останавливают две роскошные красотки и что-то лепечут по-английски, почему-то указывая на свои груди. Быстрее сориентировался в ситуации я и, толкнув Сашку в бок, цежу сквозь зубы: «Сними кролика!» – а девицам улыбнулся от уха до уха, говорю все пришедшие в голову басурманские слова: «Пардон, мадам. Же ву при, силь ву пле, антанде, оревуар». Девушки в восторге от снятых заморских клиентов и тащат нас в машину.

По дороге Саша только широко улыбался и время от времени громко изрекал: «Йес, оф коз», – при этом очень натурально изображал, что стреляет в прохожих из автомата. Должно быть, хотел убедить красавиц, что перед ними Джеймс Бонд. Девки балдели и просто плавились от счастья: «Глянь, ну фирма есть фирма!»

В квартиру вместе с нами поднялся и водитель, он расположился на кухне и приготовился было сидеть там до завершения «банкета». Пришлось действовать. Я достал бордовые «корочки» – пропуск в театр – и издали показал ему: «Мы, парень, из 5-го отдела МУРа. Продерни отсюда, чтоб духу твоего здесь не было!» Сутенер мгновенно испарился.

«Банкет» набирал силу. Мы с Саней изображали загулявших фирмачей. Играли перед замороженными девчонками этюды, доставали, например, из воображаемого аквариума рыбок, закусывали ими водку, а потом на ломаном русском пели дуэтом «Подмосковные вечера». В самый разгар веселья я нечаянно наступил на вертевшуюся под ногами собачку и, как это бывает с нашим братом, произнес сакраментальное «бля!». У девушек округлились глаза, но я вовремя спохватился: «Бля... ремонт де парти, нес па?» Минут через пятнадцать за стеной послышался телефонный звонок. Одна из наших подруг вышла, а когда вернулась, сказала своей подруге: «Представляешь, Толя от любви к тебе совсем сбрендил, божится, что они менты!» Это предположение показалось им столь нелепым, что они никак не могли отхохотаться. Веселье продолжалось вплоть до логического завершения.

В конце концов мы конечно же раскололись и, довольные игрой, распрощались с опешившими девушками. А спустя много лет, когда Саша, уже знаменитый до невозможности, шествовал по красной дорожке на каком-то кинофестивале, к нему, пробившись сквозь охрану, подскочила девушка и закричала: «Саша, Саша! Помнишь, как вы с Долинским нас на Тверской сняли?»

Вскоре я в очередной раз женился, все мы стали дружить семьями, ходить друг к другу в гости: Саша Збруев с Люсей Савельевой, Олег с женой Людой Зориной. Собирались обычно у меня. Сашка Абдулов, тогда еще холостой, сам закупал на рынке мясо и особые узбекские специи, приносил огромный фамильный казан и колдовал над пловом, от которого потом нас нельзя было оттащить. В нашей компании уже появилась Ира Алферова, которая больше года прожила в квартире моей мамы. Приехавшая из провинции, она после «Хождения по мукам» наутро проснулась знаменитой, но жить ей было негде. Весь роман Саши и Иры разворачивался на моих глазах: встречались они на маминой кухне.

Как Саша красиво ухаживал! Я даже завидовал ему. В маминой квартире не переводились цветы, которые он приносил своей любимой.

И еще один эпизод из золотого ленкомовского времени – на тему «Моя жизнь в искусстве», но с гастрономическим или, скорее, антигастрономическим оттенком.

Марк Анатольевич Захаров подметил, что я довольно аппетитно ем. И когда он утвердил меня на роль пастора в «Мюнхгаузене», решил, что в сцене с баронессой, которую играет Чурикова, мой герой непременно должен есть. Пастор, запихнув под двойной подбородок салфетку, обедал и при этом беседовал с персонажем, которого сыграл Леня Ярмольник.

Я очень трепетно относился к своей роли. Чтобы сцена получилась убедительной, по-настоящему достоверной, я почти целые сутки не прикасался к еде. На съемки я пришел в приподнятом настроении, и реквизиторы расстарались – сварили замечательную осетровую уху, а на второе приготовили тоже осетринку, которую мне подавали с картошечкой фри. Всего было много, на несколько дублей. У меня потекли слюни.

Начали репетировать. Марк Анатольевич хотел посмотреть, как я буду есть и одновременно произносить текст. Текст у меня отскакивал от зубов – отскакивал, когда я не ел, но стоило мне засунуть в рот ложку с горячей ухой, слова роли и суп вступали в непримиримое противоречие. Из рта капало, уха пачкала сутану, брызги едва не достигали объектива камеры.

– Так, Володя, остановились. Пробуем еще раз.

Пробуем еще раз, я съедаю еще полтарелки супа, еще раз произношу текст.

– Уже лучше. Уже лучше. Ну, попробуем со вторым.

Я начинаю есть картошку, проглатываю кусочек рыбы, говорю текст.

– Отлично! – хвалит Марк Анатольевич. – Теперь повторим с самого начала с камерой.

Камера наезжает.

– Стоп. Поменяйте тарелку, суп кончается, и он явно остыл. Суп должен быть горячим. Горячим. Вы меня понимаете?

Тарелку меняют. Я уже сыт, но есть, кажется, еще могу. А ведь съемка и не начиналась. Передо мной ставят новую тарелку с дымящимся супом, рядом картошка и рыба. Хлопушка, дубль первый.

– Стоп! Все сначала. Налейте супчика.

Я чувствую, что в меня больше не лезет. А что делать? Работа есть работа. Должен с аппетитом есть, убедительно говорить.

– Внимание! Хлопушка, аппаратная, мотор, дубль второй.

Полтарелки осилил. Картошка... рыба... Стоп! На этот раз останавливает оператор. Соринка в камере.

Я не могу не только есть, но и смотреть в сторону еды. Прошу принести целлофановый пакет. Приносят. Хлопушка. Дубль третий!

Я вливаю в себя пару ложек супа... надкусываю кусок рыбы...

– Стоп камера!

Нагибаюсь и под столом сплевываю в пакет.

– Так, приготовились. Репетируем еще раз.

Меня тошнит, лоб покрывается холодным потом. Но раз за разом я, как жральный автомат, запикиваю в рот реквизиторскую жратву, проговариваю текст. Стоп. Сплевываю в пакет... Все это – как в бреду, как в ночном кошмаре... На шестом или седьмом дубле Марк Анатольевич счел, что получилось. Полуживого, почти в бессознательном состоянии меня уводят с площадки. А на экране все выглядит – зрители не дадут соврать, «Мюнхгаузена» довольно часто показывают по телевизору, – убедительно, даже совсем неплохо. По крайней мере, я своей игрой доволен, хотя ту пытку ухой и осетриной с картошкой буду с ужасом вспоминать до конца дней своих.

Для меня работа в «Ленкоме», работа с Марком Анатольевичем Захаровым, с замечательными партнерами и друзьями осталась в памяти как период творческого подъема – недаром я назвал это время золотым для себя. К сожалению, оно оказалось недолгим. Из театра мне пришлось уйти. Виной тому и случайные обстоятельства, которых в жизни любого человека немало, и некоторые свойства моего характера, появившиеся (или обострившиеся) после пребывания в зоне.

Однажды, когда театр был на гастролях в Питере, мне позвонила жена и объявила, что встретила другого и мы должны расстаться. Я попросил подменить меня в спектакле и рванул в Москву спасать семью. Увы, мой напарник, который должен был играть за меня, набрался и обо всем забыл. Вернувшись через день в Питер, я узнал, что меня увольняют. Чуть не половина театра гурьбой отправилась к Марку Захарову просить за меня. И меня отбили. А через два года мы с Сашей Абдуловым влипли в крайне неприятную историю, которая закончилась для меня плачевно. Нас обвинили в попытке изнасилования. Не стану описывать, что произошло на самом деле, но, видит Бог, ничего подобного и близко не было. Зато и у Саши, и у меня хватило завистников и недоброжелателей. Не без их помощи история получила широкую огласку. Дошло до Министерства культуры – чья-то голова должна была полететь. Марк Анатольевич попросил меня на год уйти из

театра. Я ушел и больше в «Ленком» не возвращался. Вскоре дали трещину и мои близкие теплые отношения с друзьями и партнерами по театру. Во многом, должен признать, по моей вине.

Возьмем того же Олега Янковского. Знаю, с какой теплотой он ко мне относился, но сколько раз я подвергал нашу дружбу совершенно ненужным испытаниям... Помню, в ресторане «Берлин» на его дне рождения в теплой интеллигентной компании я ухитрился затеять драку с официантами. А сколько раз Саше Збруеву, дорогому моему дружочку, для которого дружба – понятие круглосуточное, приходилось выезжать на помощь по первому моему звонку.

Однажды меня задержали гаишники – ехал, крепко выпивши, – и повезли в отделение. В дороге я принялся буянить, грозил всех наутро уволить. Когда же приехали на место, я решил, не дожидаясь утра, разжаловать сидящего рядом лейтенанта и немедленно стал срывать с него погоны. Меня кинули в КПЗ к другим задержанным и посулили крупные неприятности.

На мое счастье, девушку, с которой я ехал, отпустили, и она догадалась позвонить моему брату. Брат немедленно сообщил о случившемся Саше Збруеву. В шесть утра Саня был уже в отделении, где я отсыпался в «аквариуме». Хотя его и узнали, широкую актерскую улыбку встретили холодно: уж больно нагло я себя вел. Но Саня, следуя системе Станиславского, как бы случайно бросил: «Ах, как у вас тут чистенько, отремонтировано!» И оказалось, попал в самую точку – майор, инициатор ремонта и добытчик стройматериалов, дрогнул. Он оживился и повел артиста по кабинетам и камерам, продемонстрировал каждый уголок, каждый плинтус, поведал об использованных марках цемента. Саня – какой он актер, не нужно рассказывать – восторгался до слез. После полуторачасовой экскурсии меня сдали в Сашины дружеские руки: «Забирай своего говнюка».

Какое-то время я оставался свободным художником. Потом недолгое время работал в Еврейском драматическом театре, где и встретил свою пятую, надеюсь, последнюю, жену.

Наташу я заметил на репетиции. По роли ей надо было сесть на пол у окна, но узкая, к тому же короткая юбка ей явно мешала. Она покраснела, на глазах заблестели слезы, но режиссер был неумолим. Она была так трогательна и беспомощна, что я не мог отвести от нее глаз. Ее подруга рассказала мне, что Наташа замужем и у нее девятилетняя дочь.

Как-то после репетиции мы большой компанией завалились ко мне домой. Провели прекрасный вечер: пили вино, читали стихи. На прощание я сказал Наташе: «Буду рад увидеть вас еще раз». Через несколько дней она позвонила, через неделю мы стали жить вместе, а через год поженились. У нас родилась дочь.

Что бы я ни делал, какую бы роль в театре или кино мне ни предлагали, моим первым советчиком и помощником была и есть моя женоуля, моя Наташа. Она настолько чуткий и деликатный человек, что порой после моего разговора с продюсером или режиссером, предлагающим мне очередную роль, она стесняется спросить, о чем шла речь, причем я всегда вижу краем глаза: она прислушивается, ей крайне интересно, где, кого, с кем я буду играть. А я больше двух-трех минут не выдерживаю и сам начинаю разговор.

Сколько дельных советов, сколько справедливых замечаний я от выслушал от Наташи! Она говорит крайне лаконично, скупое и очень четко, попадая при этом в самую суть. Я часто начинаю со свойственной мне энергией спорить с ней, протестовать, но в своих суждениях моя дорогая жена всегда уверена и категорична, иначе бы она их не высказывала, и я через пару минут, побрызгав слюной, замолкаю, признавая ее правоту. Она – мой ангел-хранитель, тем более что ее день рождения приходится на мой «день ангела», и это явно не пустое совпадение. От трех людей на свете я видел столько внимания, понимания, любви – от мамы, папы и моей Наташи.

После женитьбы и особенно появления Поленьки моя жизнь резко изменилась – словно Бог посмотрел в мою сторону. Я поступил работать в театр «У Никитских ворот», где главный режиссер Марк Розовский поставил спектакли, в которых я сыграл памятные для меня, хорошо принятые зрителем роли: Серебрякова в «Дяде Ване», Грегори Соломона в «Цене», Максима Григорьевича в «Романе о девочках» и много других.

Меня стали приглашать и в кино. Годы изменили меня не только внутренне, но и внешне: из смазливового красавчика я превратился в того, кто я есть сейчас. Я с удовольствием снялся у Геннадия Байсака в фильмах «Покушение», «Игра на миллионы» и «Агапэ», у Игоря Федоровича Масленникова в «Зимней вишне».

Однако и в те, скажем так, достаточно благополучные годы меня не оставляло ощущение какой-то неуверенности в своем будущем, будущем дорогих мне жены и дочери. Переставали приглашать сниматься, а на заработки в театре прожить было почти невозможно. Все реже и реже звонил домашний телефон. И в минуту отчаяния я задумался об эмиграции – боялся, что не смогу прокормить семью. Тогда-то мне и протянули руку помощи старинные друзья – Валера Оганян и Юра Глоцер. Об этом я еще расскажу подробнее.

Признаюсь, особо интересного у меня в кино прежде не было. Единственными двумя фильмами, в которых я снялся и по которым меня знал зритель, долгие годы оставались «Обыкновенное чудо» Марка Захарова, где у меня был маленький эпизод, и уже многократно упомянутый мной «Тот самый Мюнхгаузен» с ролью пастора. У своего доброго приятеля, прекрасного человека, очень одаренного режиссера Гены Байсака я снялся много позже, и эти любимые мной роли, как говорится, не оставили глубокого следа в кинематографе. Так что первая большая серьезная роль, которая мне досталась в кино, – это брат Горанфло в многосерийном телевизионном фильме «Графиня де Монсоро», который снял Владимир Михайлович Попков.

Как раз в то время случилась беда. Дома шел ремонт, и мне хватило ума возиться с включенной циркулярной пилой. В общем, остался без половины указательного пальца на правой руке. Заживление шло негладко, потребовались две операции. И тут мне звонят с «Мосфильма», предлагают попробоваться на роль какого-то там монаха. Зная, что на эту роль пробовали Вячеслава Невинного и еще несколько хороших актеров, я без особых иллюзий, но с ноющей культей поехал на студию. Может быть, потому что я был уверен – все равно не возьмут, – на пробах не напрягался, но все прошло хорошо – меня на роль утвердили.

Работа оказалась на редкость интересной, прежде всего благодаря прекрасным партнерам. Замечательный Женя Дворжецкий, его, увы, уже нет с нами; тогда еще молоденький – порывистый, романтичный – Саша Домогаров; Леша Горбунов, который стал сейчас, не побоюсь сказать, одним из лучших наших киноактеров. А мне этот фильм, полагаю, как раз и принес всероссийскую известность. Его показывали в Израиле, в Америке, в Германии, так что и там меня стали узнавать. Как-то делал покупки в Вашингтоне и неожиданно получил в дар от владельца магазина пару бутылок шампанского. Куда как плохо! В «Графине де Монсоро», если помните, множество застольных сцен, и, надо сказать, режиссер на реквизите не экономил. Закупались и жарились на гриле отменные куры, на сковородах подпрыгивали большие карпы, подавали даже фазанов, точнее, петухов, имитирующих королевскую птицу. Вина, правда, на съемках не было (иначе много не наснимали бы), его заменяли превосходные морсы и соки. Но и без вина я в этой картине, как говорится, разгулялся и показал себя изрядным обжорой и выпивохой. Про таких говорят: не дурак выпить и не подлец закусить. Тут-то меня и заметили телевизионщики, которые планировали кулинарную передачу на ТВЦ. Руководство канала предложило продюсеру Николаю Билыку меня на роль ведущего. Так что «Графиня де Монсоро» в известной степени стала матерью занявшего важное место в моей актерской жизни проекта. Но о нем чуть позже.

После того как в 1999 году я окончательно ушел со сцены и стал работать в компании Юры Глоцера, театр, казалось бы, ни с того ни с сего вспомнил обо мне: куда это подевался актеришка Долинский? Это, конечно, шутка. Но ведь так часто бывает: когда уже ничего не ждешь, вдруг поперет карта. И поперла – мне стали предлагать роли в антрепризе. Первое предложение было от Театра Чехова, где Леонид Трушкин ставил спектакль по пьесе Григория Горина «Шалопай, или Кин IV». Самые лучшие воспоминания связаны у меня с этой работой, о которой я уже рассказывал. Большой радостью было репетировать и играть с потрясающими актерами – Виталием Соломиным и Валерием Золотухиным.

Стоило начать налаживаться моим театральным делам, как меня вновь стали замечать режиссеры кино и телесериалов. Меня уже начало немного смущать мое мельтешение на телеэкране – даже в ролях, которыми я остался вполне доволен. Поэтому с большим удовольствием я снялся в небольшой роли Леонида Ильича Брежнева в киносериале «Красная площадь». Мне хотелось показать весь трагизм этого человека, многолетнего руководителя моей великой страны, в последние месяцы его жизни, когда перед ним открывается то, что он не видел, не замечал, что от него скрывало льстивое окружение, – поступки собственной дочери, истинное состояние страны и общества, даже собственные недостатки как человека и руководителя. Не знаю, насколько мне это удалось, но роль Брежнева мне дорога, мне за нее не стыдно.

Благодарен я режиссеру Дмитрию Борщевскому, который пригласил меня сняться в «Московской саге». Супруга Борщевского сценарист Наталья Виолина специально для меня написала роль следователя по особо важным делам, которого не было в трилогии Василия Аксенова. Прототипом моего героя послужил реальный «важняк» Генпрокуратуры, знаменитый Лев Романович Шейнин. Знаменит он был не только своей профессиональной деятельностью, но и литературными трудами: его «Записки следователя» считались в далекие пятидесятые годы шедевром детективно-приключенческого жанра.

Мне была чрезвычайно интересна роль этого непростого, противоречивого человека, который играл отнюдь не последнюю роль в мрачном «деле врачей». А для меня он когда-то давным-давно был просто дядей Левой: Шейнин прятельствовал с моим отцом и бывал у нас в доме...

Снялся я в это время и в фильме Юлия Гусмана «Парк советского периода». Ну и попил же Юлик, дай Бог ему здоровья, моей кровушки на съемках! Требовательный, дотошный – с таким режиссером особо не покобенишься. Он твердо знает, какой конечный результат хочет получить, и где ужом, где ежом своего добивается. Остроумен, как черт. Работать с ним – большая радость. А я, грешный, пользуясь добрыми с ним отношениями, развел в съемочной группе жуткую семейственность. В «Парке советского периода» вместе с отцом и матерью сыграла и наша Полина.

Да и куда было деться Поленьке от злой актерской судьбы?! Сколько она себя помнит, в нашем доме толклись актеры, режиссеры, литераторы, все разговоры крутились вокруг театра и кино. До химии ли ей было, до математики? Нет, в школе она училась вполне прилично, но все интересы были сосредоточены на самодеятельности, на школьных спектаклях. А ее, как назло, обходили главными ролями, томили в массовочках. Чтобы ее успокоить, я как-то сказал: «Ничего, доченька. Придет время, талант свое возьмет и чужое прихватит».

За год до аттестата Поля заявила, что не хочет больше мучить ни себя, ни учителей, и перешла в школу-экстернат. Ей не терпелось поступать в театральное. Мы с Наташей не стали этому препятствовать. Несколько раз я просил ее почитать стихи. Чувствовал – девочка явно одаренная. Но, опасаясь собственной, отцовской необъективности, попросил больших своих друзей, прекрасных актрис и педагогов Юлию Рутберг и Нину Дворжецкую послушать Полю. Они были единомышленны: надо поступать в театральный институт. Поля подала документы сразу в три: ГИТИС, Щукинское и Щепкинское училища.

Так уж совпало, что я в это время репетировал в Театре сатиры роль в спектакле «Генеральная репетиция» по пьесе Альдо Николаи, которая сейчас идет под названием «Ни сантима меньше». Пригласил меня художественный руководитель моей альма-матер Александр Анатольевич Ширвиндт: хватит, мол, дурака валять, возвращайся на родную сцену, где начинал. Как тут откажешься? Тем более что меня ожидали замечательные партнеры во главе с самой Ольгой Александровной Аросевой. Репетировали мы долго и трудно, но в конце концов спектакль, мне кажется, получился. Так вот, работая с Шурой Ширвиндтом как с режиссером, я не мог не сказать ему, что моя дочь поступает в «Щуку», где он профессорствует. Не то чтобы просил его о помощи дочке, но все-таки поставил в известность.

А Поля тем временем во всех трех вузах, в которые пробовала поступить, дошла до конкурса, а в Щепкинском ей даже предложили сдать документы. Иными словами, пора было делать окончательный выбор. И она пришла ко мне за советом. Я было заговорил о том, что сам все-таки заканчивал Щукинское и вполне доволен своим образованием. Однако Поля не дала мне развить мысль: «Вот именно поэтому, папа, я и не хочу идти туда. Я думаю, Александр Анатольевич мне поможет поступить, но я не хочу быть только дочерью Долинского, я пойду туда, куда меня берут без всяких связей, саму по себе, как я есть». И на следующий день отнесла документы в Щепкинское училище.

Никогда прежде не видел Полю такой счастливой. Спозаранку бежит в институт как на праздник, сияющая, а возвращается домой к полуночи – ноги не держат. Я видел – она горела театром, и был счастлив, что моя дочь станет актрисой, и надеялся, что в отличие от отца она будет получать приглашения сняться в кино отнюдь не за способность аппетитно есть. Кстати, тоже в отличие от отца Поля, еще учась в школе, привыкла следить за своей фигурой. Но актерская судьба – лотерея, рассуждал я, и если Господь распорядится так, что моя дочь не станет актрисой, она все равно выйдет из театрального института высокообразованным человеком, человеком театра, значит, продолжит мое дело. А это и есть отцовское счастье...

Сегодня я счастлив, что наша дочь Полина унаследовала лучшие черты Наташиного характера – бескорыстность и преданность. У Поли, как и у меня, в жизни три главных приоритета: работа, семья, друзья.

В театральном училище она полностью посвятила себя учебе, она по суткам не вылезала из стен «Щепки», радовалась победам, мучилась, когда случались неудачи, боготворила своих любимых педагогов. И это принесло свои плоды. После окончания училища ее пригласили в легендарный Малый театр. Моему счастью не было предела, моя чурочка-дочурочка, мой жилодрыстик (как я звал ее в детстве за худобу) стала актрисой Малого. Причем в первый же сезон (естественно, пройдя через массовки и детские спектакли) она сыграла главную роль в «Бешеных деньгах» Островского, потом была Софья в «Горе от ума». Да, это вводы, а не премьерные спектакли, но зато какие роли! Какая школа для молодой актрисы! Недавно Поля получила большую роль в «Священных чудовищах» Кокто. И мы с Наташей на премьере испытали ни с чем не сравнимое счастье. Когда мы приходили смотреть ее вводы в «Горе от ума» и «Бешеных деньгах», я услышал самую дорогую для актера рецензию на роль. Ко мне, зная, что я отец Полины, подходили билетерши, самые объективные критики в театре, и говорили: «Ваша дочь чудная актриса, замечательная девочка, светлый человек. Вы можете ею гордиться!»

В кино и на телевидении у нее особых побед пока не было, хотя в фильме «Зависть волков» по роману Кунина «Микка и Альфред» она очень неплохо сыграла одну из героинь. Затем был 240-серийный телефильм «Маруся», где у нее главная роль. «Мыло» как «мыло», основное достоинство этого сериала, что его не показывали в России, он прошел в Украине и по спутнику в Израиле, США, Германии и еще где-то. Но несмотря на явную убогость этого «произведения», и в нем можно найти

кое-что положительное: деньги, которые заработала там Полина, и деньги немалые, которые дают ей сейчас возможность не кидаться на любую халтуру, а, кропотливо и честно работая в театре, ждать своей роли в кино. И конечно же за сотню с лишним съемочных дней она приобрела опыт профессиональной работы перед камерой, который не купишь ни за какие деньги. А хорошие кинороли к ней обязательно придут, как говаривал старик Суворов, «все вовремя приходит к тому, кто умеет ждать».

Что касается ее личной жизни, то ни Наташа, ни я никогда особо не лезли к Поле с советами и назиданиями. Единственное, что твердил ей: «Доченька, не торопись». А доченька, как и положено, не особо внимала моим советам, так же как я советам своих родителей. Потому и прошла нормальный путь молодой современной женщины: первая любовь с однокурсником, расставание, попытка заглушить боль разлуки в новом романе, снова разрыв и, наконец, осмысленное, здоровое, настоящее чувство. Мне ее избранник нравится. Он достойный молодой мужчина, он хороший актер (они служат в одном театре), и, что самое главное, я вижу, как трепетно он относится к моей дочери, как им всегда не скучно друг с другом – как нам с Наташей. Они вместе уже два года. А не так давно мы пошли вчетвером в ресторанчик отметить Димкину премьеру (его Димой звать), и он, смущаясь, официально, как в старинных романах, попросил руки моей дочери. Это было очень трогательно и красиво. Хочу верить, что они будут счастливы. В добрый час!

Я же тем временем продолжаю топтать своим путем – путем кино и театральной антрепризы. Даже в кино я сподобился сыграть едва ли не самого себя – человека театра. Это фильм «Тупой жирный заяц», который снял по собственному сценарию режиссер Слава Росс, трагикомедия, повествующая о непростой жизни провинциальной труппы. В нем сыграли хорошие молодые (это я не о себе) актеры. Непременно посмотрите.

И приходите на наши антрепризные спектакли, тоже не пожалее. Последние годы я, выросший в репертуарном театре, как-то незаметно стал яростным поклонником антрепризы. Здесь нет театральной рутины, когда наверняка заранее знаешь, где актриса А. зальется искусственными слезами, а где не очень естественно рассмеется. Здесь, напротив, все неожиданно и непредсказуемо – и удачи, и поражения, и смех, и слезы. И еще – новые партнеры-друзья, партнеры-единомышленники. Если бы не антрепризы, судьба, может, никогда не свела бы меня на сцене с Виталием Соломиным и Валерой Золотухиным, Ольгой Волковой и Ириной Купченко, Катенькой Стриженовой и Леной Сафоновой, Валерой Гаркалиным и Аней Тереховой, с Володей Стекловым, Борисом Щербаковым, Александром Филиппенко, Валей Смирнитским, Мишей Жигаловым, Андреем Краско, с Ларисой Гузеевой, Леной Якубовичем, Игорем Ливановым, Фимой Шифриным, Лешей Булдаковым, Игорем Бочкиным, с Таней Кравченко, Андреем Ильиным, Мариной Могилевской, Светланой Тома, Женей Стычкиным, Сашей Семчевым, Димой Дюжевым, Наташей Щукиной, Олей Будиной, Сережей Белоголовцевым, Лидой Вележевой, Витей Логиновым и многими-многими другими замечательными актерами и людьми. Каждый и каждая из них стали для меня истинным подарком судьбы. И у каждого из этих подарков по отдельности, и у всех вместе я незаметно умыкнул что-то крайне важное для себя как актера, как человека: жест, интонацию, оттенок чувства. И они, каждый из них и все вместе, что-то умыкнули у меня, ничуть не сделав меня при этом беднее. Напротив – сделав богаче. Не чудо ли это?

Хронику своей беспокойной жизни пора заканчивать, тем более что автор потихоньку уже приблизился, страшно подумать, к семидесятилетию. Пока книжка пройдет производственный издательский цикл, как раз и стукнет семьдесят. Хочу надеяться, что, кроме возраста, прибавится еще что-то хорошее – то, что с радостью разделю со своими любимыми зрителями.

Три лакомых кусочка

Как у многих актеров театра и кино, у меня свои отношения с телевидением. Куда от него деться, когда твои работы – фильмы, сериалы – нет-нет да мелькнут, у кого чаще, у кого реже, мелькнут на телеэкране? Нам это мелькание, поверьте, небезразлично. У меня есть любимые роли в кино – не устаю смотреть много раз упомянутые захаровские фильмы, где снялись дорогие мои друзья и я, пусть и в эпизодах, появляюсь среди них. Если в телепрограмме вижу того же «Мюнхгаузена», непременно стараюсь в сотый раз посмотреть и, отбросив ложную скромность, оповещаю об этом эпохальном событии близких. Правда, есть и такие роли, когда при повторном показе «шедевра» никого не хочется оповещать, а сам бежишь от «ящика», не зная куда спрятаться. К счастью, кажется, у меня таких не так уж много. Но я сейчас не об этом.

Порой мелькаю на телеэкране не в ролях, а в своем собственном обличье, так сказать, в натуральном виде. Иной раз не откажешь телевизионщикам дать интервью, поучаствовать в ток-шоу. Порой это важно и интересно, порой, что греха таить, боишься упустить случай лишней раз показать свою физиономию, чтобы не забыли режиссеры, продюсеры, а главное – зрители. Несколько раз ваш покорный слуга даже удостоивался чести быть ведущим праздничных и новогодних концертов, не очень долгое время вел какие-то свои передачи. Однако эти эпизоды не оставили сколько-нибудь заметного следа ни в памяти зрителей, ни, говоря напыщенным слогом, моей творческой биографии. А вот «Лакомый кусочек», кулинарная передача, в которой несколько лет я был бессменным ведущим, оставил.

Всякое серьезное явление имеет свои глубокие корни, которые надлежит откопать и изучить. Поскольку любая кулинария – будь то национальная, рыбная или моя – бесспорно, явление серьезное, попытаюсь, следуя классической ленинской методе, вскрыть три его источника, три составных части.

Первый источник, первая составная часть – это конечно же данный мне Богом особый, хотя в общем-то нередкий, дар: люблю обильно и вкусно поесть. Осилевшие предыдущие страницы моих записок, должно быть, это уже заметили. В одном из интервью, которое у меня брали по поводу нашей кулинарной телепередачи, я признался, что считаю себя вовсе не гурманом, не утонченным ценителем блюд, а просто чревоугодником, обжорой. Люблю, чтобы всего было много и вкусно. Было время, когда уминал сковороду жареной картошки, залитой яйцами да еще сдобренной котлеткой и парой сосисок. А потом куском белой сдобной горбушки подбирал остатки, вычищая сковороду до блеска. Теперь, увы, все это в прошлом. Диетки, раздельное питание. Но ген чревоугодия остался, никуда от него не деться.

Второй источник, вторая составная часть – воспоминания детства и юности. Бабушка и мама стряпали так, что язык проглотишь. Могу до бесконечности рассказывать о блюдах, которые они для меня готовили. Однако воздержусь: во-первых, это не моя – их кулинария, а во-вторых, я все-таки у них кое-что позаимствовал и включил в круг своих блюд, о которых в свое время рассказывал телезрителям. Сюда же, ко второму источнику, я с чистой совестью отнесу знаменитую сталинско-микояновскую «Книгу о вкусной и здоровой пище». Вышла она в несытое, а точнее сказать, полуголодное послевоенное время, вышла в роскошном полиграфическом исполнении – большой формат, дорогой переплет, белоснежная глянцевая бумага, цветные иллюстрации. Глядя на картинки с колбасными ассорти, с осетринкой и паюсной икрой, люди моего поколения глотали слюнки, а заодно узнавали, что где-то далеко-далеко, в сказочных иных мирах люди уплетают медальоны из лосося, жаренное на вертеле филе дикой козы, трюфели в шампанском...

И наконец, третий источник моей кулинарии, третья, а может, и главная ее составная часть – это телепередача «Лакомый кусочек», которая прожила в эфире – подумать только! – целых четыре года. Каждое божье воскресенье, ни одного из двухсот не пропустив, я появлялся на скромной студийной кухне в кухонном переднике перед миллионами телезрителей и жарил-парил, тушил, томил, панировал, откидывал на дуршлаг, припускал, пассеровал, смешивал в миксере и прочее и прочее. И

при этом нес всякую околесицу, что, повторяю, на четвертом году присутствия в воскресном утреннем эфире позволило мне набраться наглости и иногда называть наш «Лакомый кусочек» кулинарно-аналитической (!) передачей. Шутка.

А начиналось все это так. В одно прекрасное весеннее утро мне позвонил незнакомый мне продюсер и спросил, что я думаю о кулинарной передаче. Я немного растерялся. Это сейчас на всех каналах со вкусом готовят и с не меньшим вкусом поедают приготовленное. Стряпают и закусывают на глазах миллионов телезрителей профессиональные кулинары, ресторанные повара едва ли не всех народов мира, актеры, телеведущие, домохозяйки, политики, герои мультиков – словом, все, кому не лень. А в то время, если не ошибаюсь, на все наше телевидение была одна-единственная телекухня Андрея Макаревича. Зачем еще одна? А продюсер поведал мне, что во всем мире кулинарные телевизионные шоу плодятся-размножаются, и у них просто заоблачные рейтинги.

Но при чем здесь я? А вот при чем, объяснил продюсер: «Вас мне порекомендовали на третьем канале, говорят, что по типу лица вы как нельзя лучше подходите на роль ведущего кулинарной передачи». – «Это потому, что у меня рожа обжоры?» – несколько обиженно спросил я. А мой собеседник деликатно объяснил: и раньше видел меня в «Том самом Мюнхгаузене», в «Зимней вишне», в «Графине де Монсоро», теперь вот после совета ТВЦ еще раз посмотрел и пришел к выводу – от одного моего вида сразу разыграется аппетит. В общем, продолжал продюсер, перебрали многих актеров и выбрали меня. Будете телеведущим кулинарной передачи, согласны? Я промычал что-то невнятное, а телевизионный человек, приняв это за согласие, велел думать о названии передачи. И мы начали думать. Мы – это я и мой старинный друг писатель Михаил Кривич. У него есть метода выдумывания названий для чего угодно – книги, ресторана, телепередачи, нового сорта водки. Она не нова, предельно проста, но очень эффективна. Берем лист бумаги и «от фонаря» пишем все, мало-мальски относящееся к теме: обжорка, завтрак холостяка, с пылу с жару, приятного аппетита, на скорую руку и так далее. Когда на нашем листке появилось, казалось бы, очевидное – как это сразу не сообразили?! – словосочетание «лакомый кусочек», мы немедленно прекратили перебор. Название передачи было найдено!

«Лакомый кусочек» пришелся по душе и телеканалу, и продюсеру, и режиссеру. А мы, название придумавшие, по совету ушлых друзей решили зарегистрировать его в качестве своей интеллектуальной собственности – время такое! И надо же: спустя несколько месяцев мы получили на эту собственность красивое свидетельство с печатями. Впрочем, радоваться удачной находке времени не было. Надо было создавать концепцию нашей кулинарной передачи. В известной степени она была сформулирована в песенке, которую специально для нее мы с Мишей Кривичем написали. Вот она, эта песенка.

Раз в день дается человеку завтрак,

От силы дважды, от силы трижды.

Не отложи, не отложи его на завтра —

Придвинь тарелку к себе поближе.

Припев

Даже «через не могу»

Ужин отдавай врагу,

Обедайте вместе с друзьями,

Но завтрак съедайте сами!

Достань из холодильника припасы:

Сметану, яйца, сальца шматочек...

Не то твои усилия напрасны —

Не пригостишь лакомый кусочек.

//-- Припев --//

Рецепты блюд их юности и детства

Оставили нам бабушки и мамы.

Без них нам, право, никуда не деться —

Я буду повторять их вместе с вами...

И снова, как водится, припев.

К сожалению, песенку эту мы так ни разу и не спели. Сначала никак не могли выбрать композитора, который положил бы бессмертные слова на музыку, а потом изменился и формат передачи: завтрак превратился в обед. Правда, несколько пилотных завтраков-пятиминуток мы записать успели. В эфир они не пошли, зато еще больше укрепили мою дружбу с прекрасными людьми – продюсером Колей Бильком и режиссером Пашей Судаковым. Мы стали единомышленниками и с удовольствием проработали, повторяю, добрых четыре года. Спросите: в чем же наше единомыслие? Отвечу: прежде всего в подходе к стержневой концепции «Лакомого кусочка». А концепция у нас родилась такая.

«Лакомый кусочек» адресован самому что ни на есть массовому телезрителю. А у нашего массового телезрителя, у большинства россиян, редко заводится лишний рубль, и нет у него возможности ни ходить по ресторанам, ни держать на своей кухне повара, ни покупать дорогих изысканных продуктов. И стряпают дома у нашего зрителя из самых простых припасов: «сметана, яйца, сальца шматочек...» Хорошо, коли и они есть. Наш массовый зритель никакой не профессиональный кулинар. Он, она готовят для себя, для своих родных и близких, для друзей. Какие уж там особые кулинарные изыски! Отсюда незамысловатые традиционные рецепты, которые «оставили нам бабушки и мамы». И прислуги у них в доме конечно же никакой нет. Готовят сами. И ведущий «Лакомого кусочка» тоже готовил сам, что в кулинарных передачах и сейчас редкость, а тогда такого и вообще не было. А умеет ли он, этот ведущий, готовить? Вот уж вопрос вопросов.

Вообще-то я, как среднестатистический мужик, никакой не кулинар. Конечно, не совсем безрукий, что-то состряпать умел всегда. Когда моя дочка Поля была маленькой, аппетит у нее был неважный. Чего мы только с женой ни придумывали, чтобы запихнуть в ротик любимому чаду что-нибудь питательное. Я вот готовил для нее блюда-игрушки, например «солнышко в рамочке»: из ломтя черняшки выковыривал мякоть, корочку обжаривал на сковородке, а в середину этой рамочки выливал яйцо – чем не солнышко? Уплетала за милую душу, откуда только аппетит брался?

Итак, в «Лакомом кусочке» все блюда от начала до конца я готовил сам. Без дублеров-каскадеров. Конечно, если заставить меня состязаться с профессиональным кулинаром, с шеф-поваром дорогого ресторана, приготовленное им блюдо окажется привлекательнее, чем та же стряпня из моих рук. Ну и что? Мы же никогда не скрывали, что я любитель, а наша кухня – обычная, ну почти обычная, домашняя кухня. Как-то раз затеял я для своих зрителей приготовить пирожные. Все сделал точно по рецепту, который раньше с успехом опробовал, но на сей раз мои эклерчики почему-то оказались такими бесформенными уродцами. Можно было переснять этот кусочек передачи, но мы решили оставить все как есть, и я честно сказал зрителям: не обессудьте, дорогие мои, – не получилось! Зато вкусными были эти эклерчики – с ума сойти...

Вообще же все состряпанное при съемке передачи выходило на удивление вкусным. И это была не моя заслуга: просто рецепты добротные, приготовить по ним несъедобное – надо постараться. Кстати, меня часто спрашивают, куда мы девали наготовленное. Странный вопрос. Конечно, съедали. За ушами трещало. И тарелки вылизывали.

Раскрою нехитрый секрет телевизионной технологии. Обычно мы, как и все телевизионщики, готовящие еженедельный телевизионный продукт, снимали за съемочный день две-три передачи. А это несколько, порой десятков и более часов напряженной для всей группы работы. Кстати, с удовольствием называю еще двух ее участников, вернее, участниц. Это Лена Решетнева, самозабвенно добывавшая нам рекламных спонсоров, без которых, сами понимаете, ничего не состряпать – и в творческом, и в кулинарном смыслах. И Маша Мусатова, прекрасный, тонкий дизайнер, создававшая обстановку на нашей кухне (тоже в прямом и переносном смыслах), помогавшая всегда и во всем. А всего нас было десять человек. И все мы хотели есть. А еда – вот она, с пылу с жару, вкусная. Так что и завтракали, и обедали, а порой и ужинали чем Бог послал, а послал – что сами наготовили...

Итак, в основе концепции «Лакомого кусочка» – провозглашенная в песенке демократичность и доступность нашей кулинарии. Не припомню, чтобы даже в праздничной передаче я предлагал моим дорогим зрителям что-то непосильно дорогое. Долго, например, мы с Колей Билыком и Пашей Судаковым не допускали на нашу кухню поросенка с гречневой кашей, хотя за него просили в своих письмах зрители, да и у нас самих от одной мысли о нем слюнки текли. Походили по магазинам и рынкам, посчитали расходы и – решились. Раскошелились на поросенка к какому-то большому празднику. У нашего зрителя нет возможности отправиться в итальянский ресторан и заказать там, скажем, сформатино этак по полторы тыщи за порцию. А я им говорю: и не надо. Сами приготовим. Отварите цветную капусту и запеките ее в яйце с дюжиной очищенных и поджаренных креветок. В сто рублей уложите – как говорится, дешево и сердито.

В общем, для нашей передачи вполне сходило подсмотренное в дорогом ресторане самое изысканное и даже экзотическое блюдо, но непременно адаптированное нами к простой общедоступной кулинарии. Или наоборот – вспоминается что-то до безобразия демократичное, запомнившееся с времен студенческой столовки, и появляется мысль: а нельзя ли копеечное студенческое блюдо чуток подправить, слегка украсить и предложить зрителям? А чаще всего я просто старался напомнить людям знакомую им с детства еду. Ведь почти у каждого мама, бабушка готовили вкуснее всех на свете...

И последнее о концепции «Лакомого кусочка», заложенной, повторяю, в так ни разу и не спетой песенке. Это веселый, никогда не унывающий ведущий, который готовит простые, всем доступные блюда и при этом рассказывает веселые байки, кулинарные и не кулинарные анекдоты, шутит по поводу и безо всякого повода. «Раз в день дается человеку завтрак, от силы дважды, от силы трижды...» А чтобы под рукой всегда была персона, с которой можно было перекинуться шутливым словом, мы еще в первых, пилотных, выпусках завели на нашей кухне говорящего попугая и назвали его кулинарным именем Сырник. Он на имя откликался и с удовольствием его повторял со своим специфическим попугайным акцентом: Сыр-р-р-ник! Это был артист Театра Дуровой, на съемку его к нам привозили и, естественно, платили гонорар. Когда мы перешли на новый формат, с приглашением Сырника возникли определенные сложности, прежде всего экономические: содержать двух ведущих в одной передаче дороговато. Так что пришлось выбирать между мною и попугаем. Почему-то выбрали меня.

Потом в десятках передач роль попугая исполнял мой двойник, по характеру – нытик и недотепа – антипод ведущего. Его умело вводил в кадр Паша Судаков, и телезрители помнят, что порой на телекартинке одновременно присутствовали сразу двое Владимиров Долинских. А уже в последние

передачи ко мне на кухню вернулся настоящий попугай. Его тоже назвали Сырником, но он выступал не как приглашенный со стороны театральный актер, а как равноправный участник нашей съемочной группы – был включен в штат «Лакомого кусочка». Он говорлив, не дурак хорошо поесть и неплохо разбирается в кулинарии.

Открою дорогим читателям одно свое важное, заметьте, не кулинарное открытие: в жизни все хорошее рано или поздно заканчивается. Стал историей (мой личной и телевизионной) и наш «Лакомый кусочек». Сначала я легкомысленно подвесил на себя еще одну кулинарную передачу, причем на другом телеканале – «Большое кулинарное путешествие». Шла она недолго, но кто-то, наверное, успел ее все-таки заметить. Мотаясь по странам и континентам, по забегаловкам и ресторанчикам, рассказывая о вкусном, что там отведал, я вдруг как-то неожиданно ощутил: превращаюсь в эдакого всероссийского повара.

Останавливает меня за какой-то водительский грешок инспектор ГИБДД. Узнает. И вместо того чтобы проверить документы, спрашивает: «Ты какой рис кладешь? Сырой? А то моя дура отваривает...» Ну куда это годится?

А ведь я вовсе не повар, а какой-никакой актер. И Гамлета еще не сыграл. Шутка. В общем, посоветовавшись с женой, дочкой, друзьями и коллегами, я решил выйти из игры. Кулинарной игры. И наш, мой «Лакомый кусочек» приказал долго жить, умер на пике популярности. Прекрасная смерть, вроде смерти актера на сцене. А рецепты остались – любой приличный кулинарный рецепт, поверьте мне, бессмертен. Для пущего их бессмертия несколько лет назад я даже выпустил красочно иллюстрированную книжку под названием «Лакомый кусочек жизни», где они собраны. Кулинарная передача и впрямь стала кусочком моей жизни.

Самый главный основополагающий рецепт я сформулировал бы так. Кулинары всех стран! Во-первых, конечно, соединяйтесь. А во-вторых, делайте все на глазок: хорошее блюдо трудно испортить приблизительной дозировкой. Действуйте, руководствуясь самым точным компасом – своим вкусом. Ведь главный закон кулинарии провозглашает именно этот незыблемый гастрономический принцип: соль и перец – по вкусу! А если что-то сразу не получится, дерзайте – на кухне нет ничего лучше метода проб и ошибок.

А еще на кухне, чтобы все получалось вкусным, должно быть легко и весело. Поэтому все свои кулинарные рецепты – и те, что «оставили нам бабушки и мамы», и почерпнутые в старых поваренных книгах или в ультрасовременном Интернете, и заимствованные у шеф-поваров ресторанов, в которых мне довелось побывать и похарчеваться, – я излагал в форме своих телевизионных монологов.

Страсть как хочется привести здесь все эти рецепты-монологи, но они уже опубликованы в «Лакомом кусочке жизни». Может, видели?

Для тех, кто не видел, приведу только три рецепта, так сказать, для разных аудиторий. Первый из них – для влюбленных.

//-- О кильках под одеялом --//

Все вы прекрасно знаете, что еще лет двадцать назад у нас секса не было и в помине. А если и был, то пребывал в глубоком подполье. Но вот нам разрешили. И появились магазины «Интим», и появилась эротическая кулинария. Это специальная еда для влюбленных – вкусная, вызывающая взаимное влечение и не очень тяжелая. Ну, сами понимаете...

И еще я подумал, что эротические блюда должны быть легкими и быстрыми в приготовлении. А то любовь нечаянно нагрянет... И я создал такое эротическое блюдо быстрого приготовления. Его рецепт изящен и тонок. В нем есть славящиеся своим любовным действием морепродукты, но не

малодоступные устрицы, а наши любимые кильки. Называется оно (в пику селедке «под шубой», которая красуется нынче на каждом втором столе) «Кильки под одеялом».

Готовятся «Кильки под одеялом» так. Берем сваренную в мундире горячую картошку. Лучше – синеглазку. В самом названии слышатся эротические мотивы: светловолосая стройная красавица с синими, как небо, глазами...

Разрезаем картошечку пополам и ложечкой бережно делаем в мякоти углубление, этакое любовное ложе для килек. Кладем на него своего рода матрасик – ломтик яичного желтка. На матрасик – ложечку майонеза, веточку укропа, листик петрушки или кинзы. Посыплем перчиком, положим несколько зернышек кориандра и одну гвоздичку. Вот так! А теперь пора и в постельку.

Берем две килечки пряного посола. Непременно разного пола. У килька, это самец, одеяние наряднее, чем у девочки-кильки. Великие законы природы! Нарядная, яркая внешность нужна кильку, чтобы привлекать к себе подруг, чтобы обеспечить продолжение рода... Как такому отказать? Полюбуйтесь на эту чудесную парочку. Сверкают, как серебряные монеты, да что там монеты – как серьги в ушах красавицы. А какой аромат! Божественный душок кильки пряного посола!

Так вот, берем мы две килечки и укладываем их... Но сначала удаляем головки. Ведь как раз от любви и теряют головы. Вот так, лежат рядом наши влюбленные – кильк и килька. А теперь прикроем их от нескромных глаз одеялом. Сначала простынка – ломтик вареного яйца, а сверху и само одеяло, кружочек репчатого лука. И знаете что еще – сверху капелька разведенной в уксусе горчицы... Готово!

Кушать подано, дамы и господа! Кому – для любви, кому – для опохмела. В первом случае не увлекайтесь – действует мгновенно.

От любви, как известно, бывают дети. Так вот, следующий рецепт для родителей, которым бывает трудно уговорить свое чадо «скушать хоть ложечку». Ведь это рецепт-игра вроде уже упомянутого «солнышка в рамочке».

//-- О колбасных чашечках и коктейле из мороженого --//

Этот лакомый кусочек будет подан к столу в чашечках, а чтобы потом не мыть посуду, я эти чашечки съем... Итак, ставим на огонь сковородку, кидаем на нее сливочное масло, а пока оно растопится,отрежем два... нет, три ломтика...

Отрезаем от батона вареной колбасы, лучше чайной, три ломтика и бросаем их на сковородку. Ишь как зашкварчало! Пока ломтики обжариваются, очистим два вареных яйца и разомнем их вилкой.

Да, пора перевернуть наши ломтики – с одной стороны их надо обжарить совсем чуть-чуть.

Теперь мелко нарежем зеленый лук... Смешаем измельченные яйца с луком, подсолим, поперчим и... Смотрите, во что превратились наши колбасные ломтики – настоящие чашечки, что твой китайский фарфор. Переложим их на тарелочку и наполним лакомым кусочком – яйцами с луком. И масло со сковородки у нас тоже не пропадет, зальем его в колбасные чашечки. Истинное безотходное производство завтрака! Чистая экология!

А закусим мы эту роскошь сливочным мороженым – недурно? Если же оно успело раскиснуть, невелика беда. Как учит «Камасутра», безвыходных положений не бывает! Полстакана растаявшего мороженого, да ложка клубничного варенья, да яблочный сок – вот вам и молочный коктейль. Остается только перемешать и погрузить в стакан соломинку.

Не завтрак, а загляденье! Но, как говорится, прелесть икебаны корова может оценить только на вкус. Так что приятного вам аппетита!

И наконец, третий рецепт, мой самый любимый. Прежде всего потому, что он универсален – вряд ли найдется человек, которому он не пригодится хоть раз в жизни.

//-- О салбургере --//

Когда после вчерашнего сама мысль о завтраке вызывает омерзение, я прибегаю к старому, испытанному средству, которым с радостью делюсь с вами, товарищи по несчастью. Нацедим полстакана холодного сока квашеной капусты... Добавим три чайные ложки оливкового масла, немного поперчим... И – для пущей яркости – пару чайных ложечек лимонного сока. Все это перемешаем, сделаем глоток, другой, остальное – залпом.

Воистину чудо, а не лекарство, этот утренний напиток, которому я дал сухое и точное название «Восстановитель». А в старой доброй Англии его называют... – надеюсь, вы владеете английским? – его называют «Коктейл «Похмейл». Тоже красиво. А теперь, как говаривал сами знаете кто, завтракать, завтракать и еще раз завтракать! Я отрезаю два ломтя – заметьте: не кусочка, не куска, не ломтика, а именно ломтя – черного хлеба, чтобы приготовить сегодня по случаю своего чудодейственного исцеления истинный лакомый кусочек... кусок... лакомый кусище. Теперь режем вдоль, непременно вдоль, соленый огурец. Это будет абсолютно уникальное блюдо – из моей золотой, нет, платиновой коллекции. Укладываем на ломти хлеба дольки соленого огурца... Внимательно следите за каждым моим движением. Режем репчатый лук колечками и равномерно укладываем их поверх огурца. Вы следите за мной? Пожалуйста, не отвлекайтесь, иначе все пойдет насмарку. Помните музыкальную историю? «Не хотите – не слушайте! Моцарт же ясно написал: концерт для флейты с оркестром. А не для вас!» Если у вас под рукой сладкий перец, или лечо, или веточка петрушки, или несколько клюквин, или брусничка, тоже кладите. Для пикантности.

А сейчас самое главное! Я беру хороший шмат сала – без него не обойтись, ибо это блюдо называется, нет, об этом потом... – режу его тонкими ломтиками. Прямая наглая реклама не приветствуется, но не могу не назвать своих поставщиков. Сало я покупаю на рынке у милых хохлушек – я вкладываю в это слово всю свою любовь к братскому народу, – приношу сало домой, шпигую чесноком, подсаливаю и укладываю на недельку-другую в морозилку. И теперь у вас на глазах я беру тонкие ломтики этого нежного, благоухающего чесноком дара братского народа, этого белого золота, и бережно укладываю их поверх соленого огурца, лука и всего, что мы успели положить для пикантности... Я складываю вместе оба ломтя хлеба... И салбургер готов!

Да, я назвал этот лакомый кусище салбургером. Потому что намерен продвигать его на мировой рынок, где это название, брэнднейм – по-ихнему, будет легче восприниматься. Когда наши «Жигули» пошли на Запад, им дали имя «Лада», чтобы немцы и французы могли выговорить... Так и с салбургером. Впрочем, как ни назови – пища богов...

Вот такой рецепт-монолог. Он был исполнен дважды. Первый раз мной в «Лакомом кусочке». Второй – на большом эстрадном концерте вместе с великолепным Яном Арлазоровым, с которым мы на глазах сотен зрителей приготовили натуральнейший салбургер, привлекая людей из зала – помните арлазоровское: «Вот ты, мужик, ты, иди сюда, мужик...» И прямо на сцене не только приготовили, но и преломили приготовленный салбургер. Под натуральнейшую холодную водочку. И «мужика» угостили.

Больше этого уникального эстрадно-кулинарного номера никто и никогда не увидит. Дорогой наш Ян, бесконечно талантливый, умный, красивый, безвременно ушел...

Дорогие мои сотрапезники

Не могу себе простить, в «Лакомом кусочке жизни» одну из глав я легкомысленно и самонадеянно назвал «Сам себе Молоховец». Это ж надо набраться наглости, чтобы сопоставить свою жалкуюстряпню с творчеством великой русской кулинарши, следуя которому стряпали целые поколения!

Да нет же, я и в самых своих бредовых мечтах не ставил себя и не ставлю даже поблизости от Елены Ивановны, чей бестселлер «Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», впервые увидевший свет в 1861 году, выдержал десятки переизданий и издается по сию пору.

Просто актерская судьба занесла меня в кулинарную передачу, которая вдруг ни с того ни с сего обрела популярность.

А на кулинара я не тяну, потому что главное для меня в любой трапезе – вовсе не совершенство вкушаемых блюд – их вкус, аромат, красота, – не сервировка стола, а то, с кем я за ним сижу, с кем делю утонченное блюдо от шеф-повара прославленного ресторана или просто селедочку с лучком да рассыпчатой вареной картошечкой. Вот почему эту, последнюю, часть своей книжки я посвящаю дорогим своим друзьям, людям театра и кино, людям далеким и от того и от другого, тем, с кем свела меня жизнь, с кем я делил и продолжаю делить радости и беды, с кем, как говорится, преломил хлеб. Все они – дорогие мои сотрапезники и на трапезе жизни, и за дружеским столом. Так что не удивляйтесь, когда встретите кулинарные мотивы и здесь.

Несколько лет назад сидели мы, человек десять, на веранде хорошего московского ресторана. Вкусная грузинская кухня, теплый летний вечер. Ужин заканчивался, подали кофе, десерт. Сытые, вполне довольные жизнью люди вели неспешную беседу, которая протекала в основном в русле ресторанной тематики.

Один из нас, человек бывалый, поездивший по миру и не стесненный в средствах, поведал нам, как, будучи недавно в Швейцарии, набрел на ресторан в настоящем средневековом рыцарском замке. В этом заведении, куда заглядывают коронованные особы, в изысканном антикварном интерьере, на саксонском фарфоре и старинном серебре ему подали то-то и то-то – последовали забытые мною французские названия. И стоило все это – сколько, как вы думаете? – да всего-ничего, две с половиной сотни на двоих. (Не помню уж, в долларах, евро или швейцарских франках.) Что скажете? Дорого? Да просто даром!

Все согласно покивали. И слово взял другой наш ресторанный завсегдатай. Он рассказал нам о своем тоже недавнем обеде, кажется, в Лионе. В кулинарной столице Франции ему подавали нечто тающее во рту, и запивал он это тающее винцом – последовало название и год урожая – вы же понимаете... А когда принесли счет... И он назвал смехотворную сумму этак в три хорошие российские пенсии по старости. И впрямь недорого – согласились собеседники.

И пошло-поехало. Один за другим присутствовавшие за столом рассказывали о своих ресторанных удачах. Мы побывали в Милане и Сингапуре, Амстердаме и Кейптауне, Рио и Осло. Везде было на удивление изысканно, деликатесно и дешево, как в рыцарском замке. И тут, воспользовавшись короткой паузой в кулинарных воспоминаниях, слово взял уже упоминавшийся в моих записках Миша Кривич. До этого скромно молчавший, он нерешительно сказал: «Мы тут вчера зашли после бани на Усачевский рынок и взяли по тарелке супчика. И тоже недорого. Семьдесят рублей порция...»

За столом, как пишут в романах, воцарилась тишина. Потом кто-то из рассказчиков неуверенно засмеялся, смех подхватили другие. Какое-то время спустя реплика моего товарища разошлась по Москве и была оценена как самая удачная его острота. Между тем шутить он и не думал.

Много лет моя банная компания, о которой надо писать отдельно (и Бог даст – напишу, коли найду в себе силы взяться за не менее, чем кулинарная, святую тему, банную), выйдя из Усачевских бань, распаренная, голодная, спешила к Усачевскому рынку, где у входа прилепился неказистый дощатый павильончик с неровно написанной от руки, пришпиленной к двери бумажкой: «Азербайджанская и тальшская кухня».

Мы усаживались за колченогий, покрытый клеенкой стол, извлекали из карманов одну-другую поллитровку «Гжелки» (за год урожая не поручусь), а к нам уже спешила с гранеными стаканами для водочки немолодая восточная женщина в домашних шлепанцах. Следующей походкой она приносила блюдо со свежей зеленью-шмеленью и редисочкой, после чего тащила тарелки с обжигающим «соуцем». Полагаю, так она произносила «соус», который никаким соусом не был, а был поразительно вкусной и наваристой бараньей похлебкой со здоровыми кусищами мяса и картофелинами. Не помню, какие еще были в этой забегаловке азербайджанские, а тем более тальшские блюда и были ли они вообще, но тот «соуц» за семьдесят рублей тарелка, который я хлебал вместе с друзьями, дороже мне заморских яств, он до сих пор остается одной из моих самых сладостных гастрономических грез.

А дощатый павильончик сегодня не ищите. Его снесли, а на его месте построили белокаменный зал игровых автоматов, куда мы не ходим.

Далекие-далекие времена. Группа актеров «Ленкома» во главе с Марком Захаровым отправляется в Германию на съемки «Того самого Мюнхгаузена». Первая в моей жизни поездка в таинственную, немного страшноватую, но так влекущую за границу.

Съемки съемками, но ваш покорный слуга, человек тертый, практичный, кидает в свою дорожную сумку две двухкилограммовые банки черной икры. Коммерческий замысел, подсказанный всем опытом советских командированных «за бугор», предельно прост: продать икорку истосковавшимся по ней немцам за ихние марки, а на марки закупить чего-нибудь вожаделенного иностранного. С нами, естественно, едет сам великий враль, то бишь исполнитель главной роли Олег Янковский, который к тому времени был уже узнаваем, даже знаменит. Поэтому мы перед таможней нагрузили его драгоценными банками, и он провез «контрабанду» через границу.

Поскольку за рубежом я оказался впервые и мог ошалеть от изобилия, Олег и Саша Абдулов сразу отобрали у меня суточные, чтобы я их мгновенно не спустил в первом же магазине. Увидев в супермаркете джинсы, я так возбудился, что попытался силой отнять у друзей свои кровные. Но они – истинные друзья познаются в магазинах – не отдавали, не надеясь на мой покупательский разум. Впрочем, и сами они оказались не намного опытнее меня. Нас охватила магазинная лихорадка. Мы покупали какую-нибудь приглянувшуюся тряпку, но, увидев, что она дешевле в соседнем магазине, тут же бежали в первый и сдавали купленное обратно, потом бросались в третий и так далее. Естественно, деньги быстро растаяли – пора было приступать к реализации нашего черного золота.

Наш немецкий был, прямо скажем, небогат: хенде хох, Гитлер капут, швайн, их либе дих. И пожалуй, все. В ресторане мы подозвали официанта и на смеси русского и английского, с которым, кстати, у нас тоже далеко не все было в порядке, отчаянно жестикулируя, принялись объяснять: «Блэк кавьяр, фор ю, очень дешево, литл мани, попробуй». Официант радостно кивал головой, но при виде «бочки» с икрой глаза у него почему-то полезли на затылок, и он в ужасе замахал руками: «Найн, найн, ништ!»

С этой злосчастной икрой мы обошли десятки баров и ресторанчиков, и никто не соблазнился ее даже попробовать. Видимо, из страха перед происками КГБ. Дело кончилось тем, что мы собрались в нашем с Янковским номере, пригласив Игоря Квашу и Леночку Кореневу, по-гусарски пили

шампанское из ее туфельки и закусывали своей так и не реализованной валютой, которая оказалась вовсе не свободно конвертируемой. Потом запили все это, понятное дело, водочкой...

Если здесь не сказать, где я в Москве семидесятых годов прошлого века раздобыл две банки икры, меня вполне справедливо сочтут тем самым бароном Мюнхгаузенем. Это было за пределами человеческих возможностей. А волшебник, который невозможное делал возможным, мой дорогой друг Юра Чекановский. Впрочем, никаким магом он не был, не был даже членом политбюро, зато возглавлял один из столичных райпищеторгов, что позволяло ему выполнять просьбы друзей с великодушием сказочной золотой рыбки.

Кстати о рыбках. Он звонил в доверенный гастроном и предупреждал директрису о приезде друга-просителя. И друг-проситель увозил в дрожащих руках вяленую воблу, семгу, осетрину, селедочку, вареную колбасу, замороженную курочку... Простите, это уже не рыбка, но все едино из бесконечного перечня советского дефицита тех лет.

А сам Юрий Васильевич Чекановский, уважаемый в городе человек, хранитель пищевой пещеры сорока разбойников, всем деликатесам предпочитал готовые котлетки, кажется, за восемь копеек штука, их тогда называли микояновскими. Впрочем, это не мешало его жене Миле накрывать на праздники сказочный стол, который ломился от яств. Мне, однако, больше всего запомнились вовсе не эти лукулловы пиры, а тихие посиделки на кухне Юры и Милы. На плите казан с кипящим маслом, куда они подбрасывают только что слепленные беляши. А готовые, румяные, золотистые, уже лежат горой на блюде, мы хватаем их руками и, обжигаясь, один за другим отправляем в рот... Или Юрин плов, настоящий узбекский, какого и в Ташкенте не попробуешь. Он лежит такой ароматной горой на огромном – в их доме все большое, под стать хозяевам – блюде, и мы уминаем это чудо безо всяких столовых приборов, хватаем голыми руками, торопливо пробивая навстречу друг другу туннели в пловной горе... Или Юрина бастурма – он ее готовит собственноручно, не доверяя ереванским друзьям, готовым выслать ее с проводником поезда...

Сейчас к нему просто так перекусить не забежишь: Юра и Мила живут в большом городе Нью-Йорке, где пищеторгов нет, но приличные продукты все-таки достать можно. Чекановские этим пользуются, так что, бывая в Америке, я с наслаждаюсь их гостеприимством и кулинарным мастерством.

Сколько дорогих моих сотрапезников разъехалось по белу свету! Среди них Саша Чапковский, мой добрый, старый, еще со школьных времен, дружок, с которым мы съели не один пуд соли и перца, если пересчитать из сотен килограммов подсоленного и поперченного, что побывало на нашем с ним общем столе за шестьдесят лет дружбы. Большим кулинаром Чапу не назову, из его блюд могу отметить лишь ленивые вареники. Но сотрапезник он, каких поискать. Правда, с ним теперь, как и с Юрой, каждый день за столом не посидишь, зато стоит мне приехать к нему в городок Вашингтон, мы немедленно отправляемся в лучшие рестораны американской столицы. Чапа открыл для меня заокеанский деликатес – лобстер и, между прочим, самый вроде бы обычный теперь для нас гамбургер. Когда он предложил мне отведать эту американскую котлету, я поначалу подумал, что меня приглашают в «Макдоналдс», куда московскому гурману и заходить неприлично, и оказался глубоко неправ. Огромный американский гамбургер в американской столице – с грудой овощей и прочего гарнира – это, поверьте мне, нечто...

Коль скоро речь у нас зашла об американских застольях, не откажу себе в удовольствии перенестись с Восточного побережья США, где живут мои друзья Чапа и Юра, на Западное. Там у меня тоже есть милые моему сердцу сотрапезники. Да еще какие!

В Лос-Анджелесе уже много лет живет мой братец Арик Шапиро. Приходится он мне двоюродным, но близок так, как бывают близки только родные братья. У него с женой Жанной на удивление теплый и гостеприимный дом, который так и притягивает к себе друзей.

У Арика на Лос-Анджелесщине вроде бы нехитрая для его жизненного опыта и деловой квалификации (в Москве он руководил большими производствами) работенка: на своем грузовичке он развозит всякие там пепси и коки, бутерброды и орешки, заряжает этой нехитрой снедью автоматы. Но он целый день в городе, встречается с разными людьми, заводит новые знакомства. И Жанна в гуще людей, в гуще событий: она финдиректор, а по-нашему главбух крупной компании, которая занимается вопросами стоматологии. Помимо прочих в ней поддерживают голливудские улыбки звезды Голливуда и НХЛ. Для последних это особенно актуально – хоккеем довольно зубодробительный вид спорта. Жанночка родом из матери городов русских, и она перетащила в свою компанию массу киевлян и киевлянок с золотыми руками и головами. Компания процветает, а за столом в доме Арика и Жанны всегда тесно.

Царит за этим столом еврейская кухня. Не большой я ее знаток, но им и не надо быть, чтобы понять: фаршированная рыба, куриная шейка, цимесы всех разновидностей, штрудели и прочие еврейские лакомые кусочки в их доме просто потрясающие.

Почему-то в этом районе Лосинки, как в шутку называют город Ангелов русскоговорящие эмигранты, улицы названы именами великих художников. Дом Арика стоит, кажется, на Матисс-стрит, а неподалеку, опять же, кажется, на Пикассо, давным-давно поселился мой дружок еще Московского театра миниатюр Илюша Баскин. Можно по пальцам перечесть российских актеров, которые штурмом взяли голливудскую крепость и получили серьезные роли в тамошнем кино. Один из них Илюша, снявшийся во многих известных голливудских лентах, например «Имя розы» и «Москва на Гудзоне».

А для меня, сказать честно, важнее другое: в самые трудные, лагерные, годы помимо мамы меня навещали в зоне лишь четверо – Арик и другой мой двоюродный брат, покойный ныне Миша Вишневецкий, Чапа и Илюша Баскин. Немудрено, что они до конца дней останутся для меня самыми близкими сотрапезниками, независимо от их кулинарных способностей. Для истории Голливуда сообщаю: знаменитый актер Baskin отменно жарит огромные стейки на своем барбекю и столь же отменно, я бы сказал, лучше всех заказывает на дом китайскую еду. Мне возразят: что за умение – заказать жратву из ресторана? Отвечаю: места знать надо!

Вернемся, однако, к делам театральным. Сказать, что вечно голодная актерская братия любила банкеты, – значит ничего не сказать. Банкет считался неременным спутником премьеры, и если драматург попадался щедрый, стол был что надо, если же автор оказывался прижимистым, стол выглядел пожиже. Но во всех случаях банкета ждали, как ждут праздника. Особенно удавалось разгуляться на гастролях в Закавказских республиках.

В Армении, Грузии, Азербайджане хлебосольство нас просто захлестывало. Зазывали в дома, в лучшие рестораны, что уж говорить о банкетах, которые закатывало для нас партийно-правительственное начальство.

Помню, привезли в Баку спектакль «Синие кони на красной траве». Революция, одетые в бушлаты матросы с винтовками. Перед приездом на спектакль Алиева местные гэбисты проверяли каждое бутафорское ружье – на самом деле деревянное? Не выстрелит ли, не приведи Господь? Обыскивали зал, за кулисами десятки охранников – не протиснешься. Но все это можно было стерпеть. Ради банкета после спектакля!

Саша Абдулов, Олег Янковский, Саша Збруев и я садились, как правило, на банкетах вместе, рядышком. Поскольку по-волчьи набрасываться на жратву было как-то неловко, мы разыгрывали свой банкетный спектакль. Говорю Абдулову:

– Саша, ну что ж ты... ну мало ли что нет аппетита, мало ли что не хочешь... целый день не ел, как завтра играть-то будешь, откуда силы возьмутся... ну поешь хоть... – и накладывал ему, – Саша, скушай, пожалуйста... ну не хочешь балычок, хоть икорки возьми...

Абдулов мне:

– Вот ты меня все угощаешь-угощаешь, а сам то... ну возьми сам-то съешь, ну сам-то...

Накладывали друг другу на тарелки и подливали в рюмки:

– Ну мало ли что ты не пьешь... для сосудов надо... Вот выпей рюмочку коньячка хорошего.

– Не хочу, – капризничал я.

– Надо, Вова, надо! – настаивал Абдулов.

Надо ли говорить, что уговоры неизменно помогали, и мы с Сашей, поначалу категорически отказываясь от икорочки и коньячка, в конце концов сдавались и опустошали банкетный стол.

Товарищи, давась от смеха, следовали нашему примеру и по-станиславски достоверно разыгрывали те же сцены. Однако скажу без ложной скромности – спектакль «я тебя умоляю, ну ты хоть попробуй эту икорочку, она настоящая, не искусственная, и помидорчик возьми обязательно, ты же худющий как жердь, тебе надо кушать...» мы с Сашей Абдуловым играли лучше всех.

В моих заметках много раз мелькало имя Вали Смирнитского, что неудивительно. Это как раз тот случай, о котором говорят: вместе прожита жизнь.

В 1961 году вместе поступали в училище имени Щукина. Как сейчас помню его, худощего, с длинной шеей, остроносого, с огромными глазами арбатского мальчишку. Смешной был ужасно. На вопрос экзаменационной комиссии «Ваша фамилия?» он ответил: «Смирнитский, только я не через «щ», а через «тс». Это прозвучало так комично, что все, и абитура, и комиссия, грохнули от смеха. Читал Валя «Левый марш» Маяковского и очень старался. Стихотворение героико-патриотическое. Читал он громко, темпераментно, самозабвенно, глаза от страсти вылезали из орбит – было смешно до колик.

Вальку, конечно, приняли. После этого «тс» его так и прозвали Тэска, а потом поменяли на Худой. Помню, как прекрасно он играл в футбол на заднем дворе училища. Думаю, не пойдя он в артисты, получился бы классный футболист. Еще в институте он снялся с Викой Федоровой в короткометражке «Двое» – трогательная история о любви глухонемой девочки. Картина прекрасная, получила массу премий. После окончания института много лет работал с гениальным Эфросом. Никогда не забуду его блистательного Меркуцио в эфросовском «Ромео и Джульетте». Много снимался, много куролесил. Женился, разводился, было много потерь, и среди них страшная – смерть единственного любимого сына. В общем, жизнь потрепала, повертела как надо, похлеще, чем блестяще сыгранного им Портоса.

Никогда мы с ним особо не дружили, но всю жизнь приятельствовали, было много общих друзей и выпили вместе не одну бутылку водки. Судьба снова свела нас в одной работе – «Слухах» в «Ля Театре». До этого мы долго не виделись. Я был очень рад этой встрече, мне понравилась его новая (во всяком случае, для меня) жена, которую все ласково называли Лидасей. Эта молодая, красивая, всегда радостно улыбающаяся, с низким грудным голосом женщина стала для него и женой, и подругой, и администратором. Спроси у Вальки, что он делает завтра с утра, он наверняка ответит: «Не помню,

узнай у Лидасы». Как актер я знаю, как это важно, когда часть организационных забот перекладывает на свои плечи близкий человек.

Так вот, Валя и Лида живут в небольшой однокомнатной квартирке на Каширке, и мы все, его приятели, знаем его хрустальную мечту: увеличить свою жилплощадь, лучше поближе к центру, или переехать в загородный домик. Мечты мечтами, а где ж на это бабок взять с нашими-то ценами на жилье и жульническими ипотеками? И вдруг я узнаю, что Валька с Лидой купили квартиру в Испании. Ну, думаю, совсем на старости лет умом двинулся: пять часов лету от Москвы, ни слова по-испански – точно чокнулся. А у этих «чокнутых», что у него, что у Лидасы, глаза горят, румянец на щеках, даже руки дрожат, когда начинают говорить о «своей Испании». И все зовет приехать отдохнуть туда к ним, посмотреть, какое это счастье.

Мы с Наташей давно хотели побывать в Испании, ну а теперь появился повод, и мы полетели. До Барселоны, там двое суток и потом поездом до Аликанте. Я всегда знал, что притягательность той или иной страны в основном зависит не от местных красот и климата, а от того, как тебя люди встречают. Та же Америка стала для меня близкой и любимой не из-за сытости и красоты, а от того, что встречали меня там мой брат и мои друзья. Это они познакомили меня со страной, со своими друзьями, водили туда, куда обычный турист не забредет. А Париж показался мне холодным, негостеприимным. Потому что я был там один, а в кармане почти пусто. Дежурные походы по обязательным туристическим местам – и все. В кино и в книгах он мне нравился много больше.

А Испания покорила нас с Наташей с первых минут. Мы остановились в Барселоне в самом центре, в готическом квартале, и двое суток бродили по улицам, наслаждаясь прекрасным, сказочным городом. Двое суток провели, как в прекрасном сне. Потом поездом пять часов вдоль средиземноморского побережья до Аликанте, большого старинного города со знаменитой крепостью Санта-Барбара. И уже из Аликанте за сорок минут мы добрались на машине до бывшего рыбацкого поселка, а ныне маленького курортного городка Торревьеха – по-нашему «Старая башня». Здесь самое теплое море, потрясающий микроклимат, огромные соляные озера с розовыми фламинго, лечебные грязи, что твой Израиль. Теплые, благорасположенные люди, старающиеся понять тебя, помочь тебе. Набережная там покруче, чем в Каннах. В часе-другом автомобильной езды красивейшие города Средиземноморья – Мурсия, Картахена, Валенсия...

Стоп, я, кажется, начал писать буклет для туристов. Пустое занятие: что бы я ни написал – там еще лучше, теплее, вкуснее, радушнее! Но самое главное – там нас потрясающе встретили Лида и Валя Смирнитские. Они познакомили нас со своими друзьями – Володей и Ирой Жорж. Люди тоже театральные, веселые, гостеприимные. О кулинарных способностях Вовки можно написать отдельную книгу.

Вообще все восторженные слова, которые я пишу про нашу Испанию, нужно помножить по меньшей мере на десять. Короче, на третий день пребывания там мы с Наташей вышли поутру на террасу, посмотрели затуманенными взглядами на морскую даль, и я задал ей короткий вопрос: «Да?!» Наташка со свойственной ей скупостью в эмоциях едва улыбнулась и молча кивнула головой, что означало: «Умница! Да, да! Я ужасно хочу жить здесь!» В тот же день мы начали подыскивать квартиру. Не стану рассказывать о всех перипетиях поиска, скажу только, что через десять дней мы уже внесли аванс и практически стали обладателями новой уютной трехкомнатной квартирке в пяти минутах ходьбы от моря. Второй этаж двухэтажного домика в красивом поселке сотни таких же уютных жилищ с общей территорией, автостоянкой и бассейном. А главная наша гордость – прекрасный вид на море с 45 квадратных метров нашей крыши, где мы собираемся вокруг мангала, дурачимся, поем песни, где мы безумно счастливы – и никто и ничто не омрачает нашу испанскую сюиту. Вру, омрачает.

Здесь чуть-чуть отойду от темы, чтобы показать, как мелочь может перечеркнуть все радости жизни. Наше испанское блаженство омрачает некое существо, которое мы окрестили... Простите, при всей своей развязности не могу воспроизвести в печати это нецензурное слово. Лучше заменю его, сохранив созвучие. Чудовище? Нет, пожалуй, лучше Убоище. Кто не догадался, как правильно произносится это противное слово, пусть при встрече подойдет ко мне, я шепну на ухо.

Так вот, Убоищем мы, с ним когда-нибудь сталкивавшиеся, нежно и ласково зовем Лешку Маклакова. Лет этак восемь назад я познакомился с ним на банкете после премьеры спектакля, где он играл вместе с Эммой Виторганом. Алексей показался мне милым, немного закомплексованным, но вполне профессиональным актером. Позже мы с ним встретились на каком-то кинофестивале. Был он приветлив, скромн, рассказывал о своей нелегкой судьбе периферийного актера, перебравшегося в столицу. У него была жена – очень милая, умная женщина, которая занималась его делами. Потом вместе снялись в фильме «Тупой жирный заяц», там он очень достойно сыграл главную роль. И когда в спектакле «Мужики», где я работал, понадобилось заменить внезапно скончавшегося Андрюшу Краско, я предложил пригласить Маклакова. Придурок я старый!

С появления Убоища началась медленная смерть смешного и трогательного спектакля, который мы все, занятые в нем, очень любили. Начинили его Андрюша Краско, Валя Смирнитский, Маруся Могилевская, Анечка Терехова и я. Потом состав по разным причинам менялся, играли там и Юра Чернов, и Толя Васильев, и Миша Жигалов, Боря Смолкин, Юра Кузьменко, Дашуня Фекленко, Вова Зайцев, Инна Милорадова, Лена Захарова. Мы очень трогательно относились к спектаклю, в первую очередь потому, что он был для нас памятью об Андрюше Краско, который, по существу, и сделал его, и был, что называется, его душой. Вообще классный был Андрюша мужик, актер, человек, царствие ему небесное.

Пригласив Маклакова, мы, увы, еще не знали его подлинной сути. По существу, как актера знали только по сериалу «Солдаты» в запомнившейся роли прапорщика Шматко. На беду его уже стали узнавать зрители, с чего и начал незаметно подкрадываться «писец», ставший полным, когда мы опрометчиво ввели Маклакова в наш спектакль «Мужики».

Казалось, мы смотрим мультик, где главный герой выходит из дома нормальным приличным человеком, но с каждым шагом-кадром превращается в монстра. Ввелся он в спектакль вполне достойно, вел себя с окружающими нормально, но по мере того, как росла его популярность, менялось его отношение к работе и людям. Во-первых, он, никого не спросив, стал менять характер своего героя в спектакле, умного, талантливого, загнанного в угол жизненными обстоятельствами человека, на характер своего сериального героя – придурковатого, плутоватого прапорщика с неразборчивой дикцией. В такого же, только намного более наглого персонажа он превращался сам, стал хамовит, неуправляем, заносчив.

Он напоминал недоевшего в детстве конфет ребенка, который, повзрослев, стал директором кондитерской фабрики. Обжирается конфетами, вся морда в шоколаде, как в дерьме. Он всерьез заговорил о себе, о своей работе, называя ее творчеством, такими словами, каких я не слышал от выдающихся актеров, с которыми меня сталкивала жизнь. На гастролях он всерьез утверждал, что ему тяжело отбиваться от поклонниц, и потребовал охрану. И еще заявил, что встречать его обязательно должен белый персональный лимузин. Это правда, я не преувеличиваю! Убоище стало по-хамски, заносчиво общаться с партнерами и персоналом. Когда бы я сам не был свидетелем, просто не поверил бы в подобное перерождение, но все происходило на наших изумленных глазах. Несколько раз он от кого-то из нас едва не схлопотал по мордасам. На некоторое время приходил в чувство, но ненадолго. Должно быть, он сам мучился, но ничего не мог поделать собой. Он был по своей натуре Убоищем. Маша, естественно, ушла от него, потом он стал терять партнеров – с ним

оказывались играть. Ему заказана дорога в кино и на телевидение, не говоря уже об антрепризе, с которой все началось. От него с ужасом отмахиваются.

Зачем я рассказываю об Убоище? Вот зачем. Семь лет назад, когда Валя Смирнитский купил квартиру в Испании, он увлекал этой идеей всех вокруг с таким восторгом, что Маклаков, тогда еще вполне нормальный мужик, приобрел там же квартирку, причем прямо через стенку от Вали. И вот тут-то наш Портос хлебнул горяшка больше, чем тот от всех гвардейцев кардинала. Убоище устраивало у себя ремонты как раз тогда, когда туда приезжали на отдых Смирнитские, оно... ладно, не буду перечислять всего, в общем, гадило оно, как могло. Да и просто видеть его, разгуливающего, выпятив пузо, по пляжу (никаких темных очков – а вдруг не узнают!), было тошно...

Дальше так не могло продолжаться. И недавно Валя решил наконец проблему Убоища – сбежал от него, поменял квартиру.

А в остальном все у нас в Испании прекрасно. Я вообще делю свою жизнь на два периода: доиспанский и испанский. Впрочем, как хорошо бы мне ни было в солнечной Торревьехе, я с удовольствием возвращаюсь в Москву, особенно если там ждет интересная работа, но, к сожалению, такой становится все меньше и меньше. Ничего не поделаешь – возраст. Ведь и Фамусову, и Городничему было не больше полтинника, а мне, страшно подумать, скоро стукнет семьдесят. А впрочем, ничего, еще повоюем!

Испанский же период помимо прочего дорог мне еще и тем, что я могу разделить и делю его с дорогими мне людьми. Моя Польша и ее (теперь уже почти муж) Димка с огромной радостью ездят к нам в Испанию. Я с удовольствием даю ключи от испанской квартиры и машины близким друзьям. У нас отдыхали и Яна Поплавская с сыном, и Петька Бельшков с семьей. Я рад дорогим гостям – торт жизни вкуснее и слаще, если есть его вместе.

Много-много лет тому назад, кажется в конце шестидесятых, мой покойный брат Миша Вишневецкий – тот, который, если помните, мудро наставлял меня перед моей посадкой, познакомил меня с молодым, шухарным, красивым, веселым армянином. Имя его Валера, прозвище Бонифаций. Он и впрямь смахивал на симпатичного мультяшного львенка. Похож и сейчас, хотя из львенка превратился во льва.

Впервые мы встретились около стадиона в Лужниках, где Валера в небольшом павильончике торговал вином и жарил шашлычки. Угостив нас и тем и этим, он попросил меня немного ему помочь, если есть время. Бонифаций отвел меня в подсобку и обучил нехитрому делу: аккуратно снимать с бутылки вина пробочку, отливать вино в графин, доливать в бутылку водичку и снова закупоривать пробочку. После нескольких часов жульнического труда Валера в уме (калькуляторов тогда не было) подсчитал, сколько мы заработали. Как говорится, кончил дело – гуляй смело. В то же вечер все заработанное мы весело прогуляли.

Понимаю, история некрасивая. Но особых угрызений совести я тогда не испытывал, не терзают они меня, честно сказать, и сегодня, тем более что за давностью лет уголовное преследование нам не угрожает. А попадись мы в лапы ОБХСС в те времена...

Мы подружились, нас объединяла молодость и еще взаимная симпатия, какая-то генетическая тяга друг к другу. Потом настали нелегкие времена тотального дефицита, а дружок мой уже работал в магазине «Армения». Боже, как он меня, полуголодного, подкармливал! И со всем своим армянским темпераментом набрасывался на меня, если я пытался расплатиться. Карманы-то у меня были в ту пору пустые. А я его водил к себе в театр, культурой подкармливал. Прямо скажем, обмен для тех лет совсем не адекватный.

В девяносто втором умерла мама. Мне было худо. И я поехал к Валере, который к тому времени обзавелся маленькой шашлычной на 36-м километре Кольцевой дороги. Меня просто потянуло к нему с моей болью. Валера бросил все дела, вынес на улицу три ящика, заменившие стулья и стол, на последний поставил водку, овощи, еще какие-то закуски. Мы просидели всю ночь, он вспоминал свою маму, я свою, мы оба плакали, и острая боль постепенно стала проходить. Валера помог мне извлечь острую занозу из сердца. В ту ночь рядом со своим другом я по-настоящему попрощался с мамой. И мне стало легче.

Валера неизменно приходил на помощь в самые мои тяжелые времена. Когда мне и моей семье стало совсем кисло, работы не было, есть нечего, я собрался было сделать нелепый, отчаянный шаг – уехать в Америку, то есть навсегда оставить свое любимое дело, дело моей жизни – театр и кино. Я уже упоминал о том, что удержали меня от этого двое настоящих друзей: Юра Глоцер и Валера Оганян. Валера пришел ко мне и спросил: «Сколько тебе надо в месяц, чтобы ты остался с нами?» Сколько надо, я не знал, и он не задумываясь назвал просто фантастическую тогда для меня сумму и добавил: «Да я буду тебе давать эти паршивые деньги, лишь бы мой друг оставался рядом со мной. Не уезжай!»

И я, спасибо друзьям, остался. И радовался каждой встрече с Бонифацием, тем более что они чаще всего случались в его ресторане «У Бонифация» на Московской кольцевой автодороге. Пусть меня убьют за неприкрытую рекламу, но я не знал лучше шашлыков всех разновидностей и кебабов, не видал более свежей зелени, не встречал вкуснее солений. А уж Валерин хаш стоил того, чтобы приехать его похлепать с диаметрально противоположного конца стокилометровой Кольцевой дороги. Потрясающее это место – «У Бонифация». Какие случались там застолья! Какие разные люди собирались! Помню: в одном углу зала за хорошо накрытым столом сидит ментовское районное начальство, в другом углу стол не хуже, здесь чинно выпивают и закусывают воры, причем часть из них во всероссийском розыске. Однако здесь, как в африканской саванне в засуху, звери на водопое друг друга не трогают, здесь соблюдается перемирие. Менты и воры вежливо раскланивались друг с другом. Завтра что угодно, но на этой территории ни-ни.

На территории своей книги я, пожалуй, позволяю себе много лишнего. Вот и сейчас не могу удержаться, чтобы не вставить в нее наши с Мишей Кривичем любительские вирши. Уж больно они здесь к месту.

Есть у армянского народа

Легенда – ей уже века:

Господь, исчислив его годы,

Призвал на небо старика.

И вот старик уже без сил,

С минутой каждою слабея,

Родных чуть слышно попросил

Беречь и охранять евреев.

«Зачем, папаша, нам жиды? —

С сомнением вопрошали дети. —

Ведь если в кране нет воды,

Всю воду вылакали эти.

От них воняет чесноком,
А предки их Христа распяли —
Во всем виновные кругом,
Вреднее цианида кали.
О чем, папаша, ваша речь?
Зачем евреев нам беречь?»
«Признать пред смертью я готов, —
Сказал старик в ответ, —
Что вырастил я *censored*ов
И мне прощенья нет.
Немного мне осталось тут —
Последний мой наказ:
Когда евреев перебьют,
То примутся за нас...»
В легенду древнюю поверив,
Наш друг Валерий Оганян
Не стал преследовать евреев —
Не самый глупый из армян!
Любой еврей в его шашлычной
Покушать мог любой шашлык.
Надеюсь, вы не удивитесь,
Что и к свиному он привык.
В своем любимом заведении
Чудит порой Валера наш:
Зазвав к себе на чай с вареньем,
Хлебать нас заставляет хаш!
Короче, он берег евреев,
Не обижал, и оттого
Пришли мы, чтобы с юбилеем
Поздравить искренне его.
Имеет море он талантов —

Талант любить своих родных,
Друзьям дарить, как горсть брильянтов,
Огонь душевных недр своих.
Он честен, верен и надежен,
Бесстрашен, мудр и справедлив,
Во всем отмечен искрой Божьей
И – удивительно красив!
Пока горячее несут...
Успехов! Счастья! Зайд гезунд!

Так мы в узком кругу поздравили нашего Бонифация с пятидесятилетием. И отнюдь не бескорыстно. Потому что Валера, владелец, прямо скажем, неслабого ресторана кавказской кухни, не стал привлекать своих виртуозных армянских поваров, а собственноручно приготовил для друзей собственное фирменное блюдо.

На огромной сковороде он поджарил отборнейшие помидоры с зеленью – так, как умеет только он, разбил туда же десятка два яиц, что-то еще добавил – не знаю что, хитрый армянин молчит, как партизан, – и получилась Яичница! Да, это не опечатка – Яичница с большой буквы. Ели мы ее с лавашом.

Шеф-повару швейцарского ресторана, что расположен в средневековом замке, это блюдо недоступно. Такого таланта, как у Валеры, Бог ему и прочим выдающимся кулинарам просто не дал...

Удивительно хорошо и радостно было писать о таком верном товарище, о таком теплом, любимом мною человеке. Но когда я дописывал свою первую, кулинарную, книжку, меня и моих друзей постигло горе, и эти строки даются мне кровью. Валеру Оганяна подстерегла пуля наемного убийцы. Случилось это в Вербное воскресенье по православному календарю, на Пасху – по традиции армянской апостольской церкви. Говорят, что убитые в такой день очищаются от грехов, а их грехи ложатся на убийц. Упокой, Господь, душу дорогого нашего Бонифация!

Теперь о Юре Глоцере.

Он, как я уже говорил, один из двух дорогих моих друзей, которые спасли меня и мою семью от эмиграции – не отпустили меня от себя, от России. В самую, пожалуй, тяжелую пору моей жизни он предложил мне, нет, не деньги – он прекрасно понимал, как трудно брать их даже у самых близких, – Юра предложил мне работу, серьезную работу, хорошо оплачиваемую работу. И несколько лет я, который по своему образованию и опыту на нее никогда не мог бы претендовать, работал рядом с ним, учился у него многому, может быть, и сам кое-чему его научил. Без лишних слов: иметь такого друга – большое счастье.

Как-то Галя, Юрина жена, пригласила меня на свой день рождения, которое отмечали в Берлине. Для этой цели они сняли прекрасный банкетный зал в престижном отеле «Four seasons». Отделка под старину, фрески на стенах, куполообразный потолок красоты невероятной, немереной величины стол, за которым расселись гости, человек двадцать пять. Красиво и негромко играл небольшой оркестр. Чопорный, смахивающий на графа метрдотель, целая свора красавцев официантов, на столе изумительный фарфор и, похоже, старинное серебро. А вот жратвы никакой на столе нет, выпивки тоже. Меня это уже начало несколько волновать.

Но вот за спинами гостей возникли официанты, стали наливать в бокалы вино. А мне оно на дух не нужно, у меня совсем другая алкогольная ориентация.

За десятилетия, прошедшие с моей первой поездки в Берлин с черной икрой, я, прямо скажем, в немецком языке не преуспел, равно как и в английском, китайском, японском, но твердо знал: водка и в Африке водка. Однако стервец официант сделал вид, что не понял интернационального слова, мило улыбнулся и, налив мне вина, двинулся к другим гостям. Но не на такого напал. Твердым русским «*censored* официант! *censored* официант, к вам обращаюсь» я заставил его остановиться и изобразить на лице вопрос. Поманив его пальцем, я весомо повторил не нуждающееся в переводе слово и для ясности добавил «шнапс».

Все-таки знание языков – великая сила. Мой официант передал бутылку вина своему коллеге, а сам подошел к метрдотелю. Минут пять они о чем-то советовались. Потом граф подошел ко мне и что-то произнес на своем языке. Я смекнул, что он недоумевает, как это можно осмелиться в начале застолья просить шнапс. А вот так и можно – всем своим видом показал я ему и не без угрозы в голосе повторил: «Водка. Шнапс». Граф отступил к стайке официантов. Началось новое совещание. Некоторое время спустя на серебряном подносе мне принесли стопку водки, которую я немедленно опрокинул. В хорошем смысле этого слова.

Водка оказалась вполне приличной, полагаю, нашей, русской. Понятное дело, нашему брату стопка что слону дробина, и я, почуяв слабость неприятеля, тут же затребовал добавку. На сей раз совещание мэтра с официантами было короче, мне принесли вторую рюмку. А тут и закусочка подоспела. На фарфоровые тарелки торжественно выкладывались какие-то фитюлишки. Передо мной лежала килька – не килечка, нечто крохотное, чем-то политое и присыпанное. Гости обнюхивали блюдо, прикасались к нему вилочкой, отделяли кусочек и, положив его в рот, изображали гастрономический восторг. Не желая прослыть дикарем, я тоже охал и ахал. После такого лицемерия неудержимо захотелось выпить основательней. Я подозвал официанта и потребовал: «Батл водка ту ми. Понял? Ферштейн?» Он, конечно, ферштейн: мой взгляд говорил о том, что шутить я не буду, а перейду к самым жестким и решительным мерам. Через минуту передо мной встала запотевшая бутылка «Русского стандарта». А еще через несколько секунд ко мне потянулись мужики нашей компании. И я им наливал, никому не отказывал.

Жизнь стала лучше, застолье пошло веселее. Сказали тосты за Галю, за ее маму, за детей, а тут подоспело и второе блюдо – не поверите, аж целая столовая ложка салата, какой-то травки, тоже чем-то сдобренной, намаженной, посыпанной. Поахали, поохали, дождались третьего блюда, потом четвертого, пятого. Количества были все те же. Размером больше куриного, нет, простите, цыплячьего, крылышка так ничего и не подали. Правда, перемены блюд были частыми. В общем, и намека на тяжесть в желудке никто не ощутил.

Зато на следующее утро в Юрином берлинском доме мы взяли реванш. Достали из холодильника семужку, осетринку, жирную дунайскую селедочку, кровяную колбаску, наварили картошечки, замастырили по-нашему овощной салат. А потом я изготовил омлет, с помидорами, луком, ветчиной, да еще от души посыпал его пармезаном. А что до водочки, нам не пришлось ее ни у кого выпрашивать. Вот это наше застолье!

Коль скоро речь идет об одном из самых близких и любимых моих сотрапезниках, не могу не сказать пару слов о частых застольях в гостеприимном и щедром подмосковном доме Юры Глоцера. За накрытым Галей столом чуть не каждое воскресенье собираются близкие друзья числом до тридцати, а то и больше, тут же и их чудесные дети – дочь и два сына. Закусок, заимствованных из кулинарий народов мира, просто не счесть. Но гвоздем стола всегда бывает блюдо, мастерски изготовленное самим Юрой. Если шашлык, то всех его мыслимых разновидностей, если баранина, то это баран, купленный на рынке самим хозяином, целиком на открытом огне им пожаренный и

собственноручно им же нарезанный. Если котлеты, то, как говорится, как у мамы. Если... Стоп! Об этом блюде, с которым связаны поистине драматические события, разговор особый, которому я хотел бы предпослать, честное слово, последний раз, наши с Мишей доморощенные вирши, как всегда, определенно кулинарные. Итак:

У всех народов на планете
Свои пристрастия в диете.
Весь день японцы любят кушать
Морепродукты в виде суши.
Еврея ты не оскорбишь,
Подав ему на ужин фиш.
А русский не был бы собой,
Не съев с утра блинов с икрой.
Французу подавай лягушку,
Британцу – к Рождеству индюшку,
А для китайского желудка
Полезна по-пекински утка.
Мы знаем, что для людоеда
Приятнее всего к обеду,
Что англичане любят кашу,
А скандинавы простоквашу.
Кавказский люд всю жизнь привык
С шампура есть мясной шашлык.
Одно не знаю я: кому
Полезно кушать хашламу.
Возможно, я совсем не прав,
Но, говорят, в ее состав
Помимо овощей и мяса
Кладут и то, что не украсит —
Не побоюсь сказать вам это —
Для всех полезную диету.
В ней под личиною приправы
Есть возбуждающие травы

Для целей, прямо скажем, мрачных —

Зачатия детей внебрачных.

Ну что ж, я вам глаза открыл,

Тех, кто не знал, предупредил.

Теперь давайте кушать скопом,

Что приготовил нам Акопов.

Итак, ключевые слова сказаны: хашлама и Акопов.

Ваня Акопов, его жена Марина, его сыновья тоже среди дорогих моему сердцу друзей и сотрапезников. А его дом неподалеку от Юриного тоже отличается замечательным гостеприимством. Не стану даже перечислять, что подают к столу у Акоповых, иначе опять получится кулинарная книга. Остановлюсь лишь на восхитительной Ваниной хашламе – божественном вареве из баранины и овощей. Только ради нее я отступаю от зарока не давать в этой книжке больше ни одного кулинарного рецепта.

Так вот, читайте и запоминайте. Возьмите три-четыре килограмма мякоти с правого бока молодого барашка. (Почему с правого? Очень просто, объясняет Ваня, бараны имеют обыкновение отдыхать на левом боку. Поняли?) Нарежьте мясо на куски размером со спичечный коробок и уложите их в чугунный казан. Сверху – килограмм очищенных и разломленных пополам помидоров, три-четыре белых сладких перца без сердцевины и один стручок острого перца. И, упаси бог, ни капли воды! Теперь закройте казан крышкой и поставьте на медленный огонь, да так, чтобы он равномерно нагревал дно. (Лучше – на живой огонь, на пламя костра. Понятно?) Когда выделившийся при варке сок полностью покроет баранинку, огонь надо уменьшить. И никакого перемешивания! Через полтора-два часа влейте полбутылки белого вина, а еще через полчаса добавьте соли по вкусу.

А где же драматические события? Юра Глоцер, тонкий и опытный кулинар, добавляет в варево еще кое-какие овощи помимо рекомендованных и, вы не поверите, позволяет себе подливать в казан воду. Куда это годится?

Все бы ничего, но автор этих заметок должен не юлить, а твердо сказать, чья хашлама вкуснее. Да я бы и сказал, проявив при этом полнейшую нелицеприятность, но не могу. Вовсе не потому, что оба кулинара мне дороги, а потому, что обе хашламы просто восхитительны. Мои записки близки к завершению, а я так и не решил, что мне делать с этим.

Да, я их наконец действительно завершаю, хотя не назвал и малой толики дорогих своих сотрапезников – тех, с кем еще предстоит выйти на сцену, с кем разделить трапезу, и тех, кого, увы, уже нет.

И самое последнее признание. Мне в жизни несказанно повезло: подавляющее большинство людей, с кем мне доводилось преломить хлеб, с кем сводила актерская судьба, были милые моему сердцу люди. Неприятных было ничтожно мало, и второй раз я с ними и за стол не садился, и на сцену старался не выходить...

Среди бесчисленных нынешних диет есть так называемое раздельное питание: это можно есть с этим, а это с этим ни в коем случае не стоит. Мой вам совет по раздельному питанию такой: за работу беритесь и за стол садитесь только с хорошими, приятными вам людьми. А неприятные пусть своим делом займутся и кушают пусть отдельно. Они портят нам аппетит.

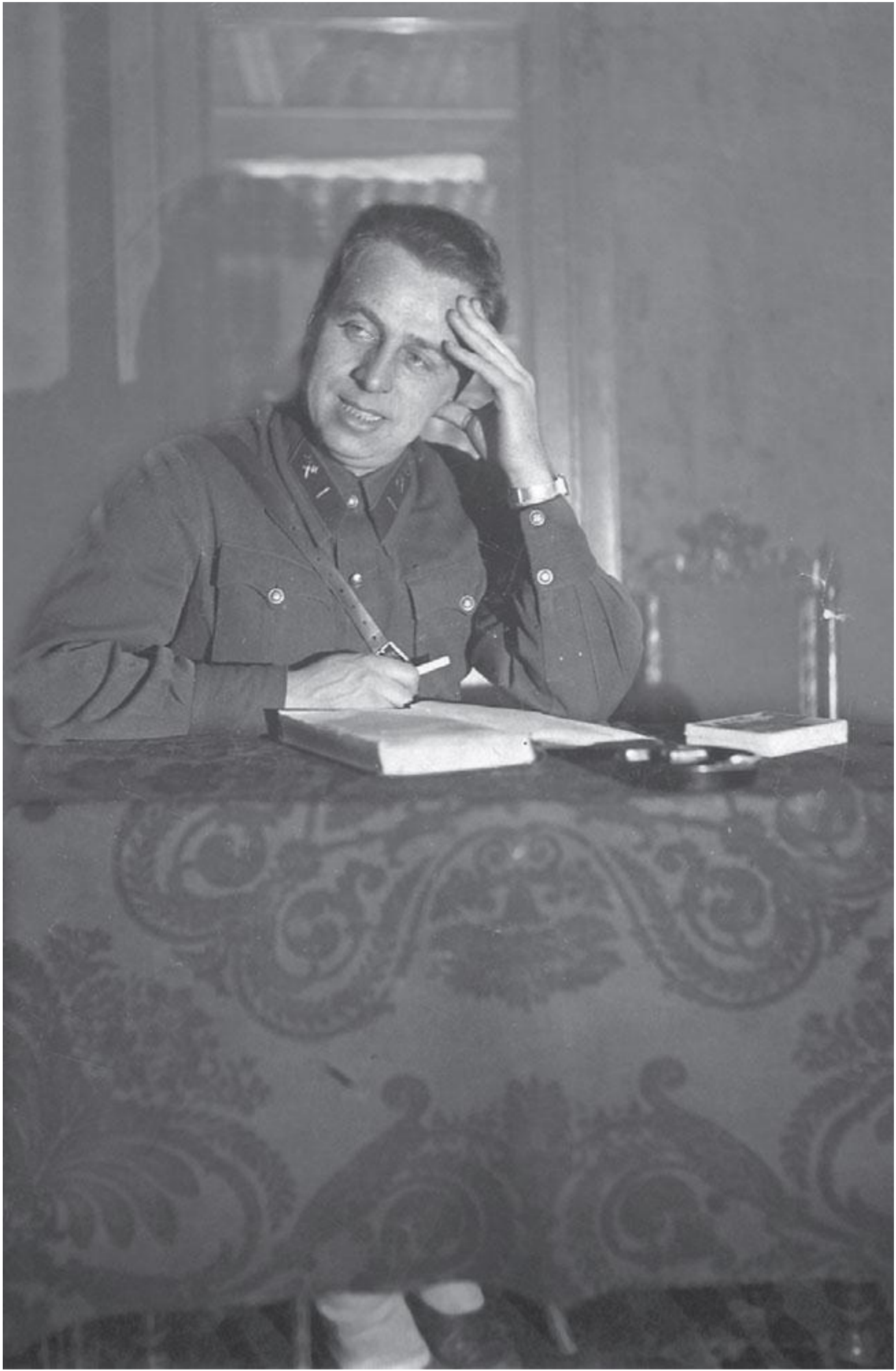
А я, дорогие мои читатели, как всегда, желаю вам только приятного аппетита.

Фото

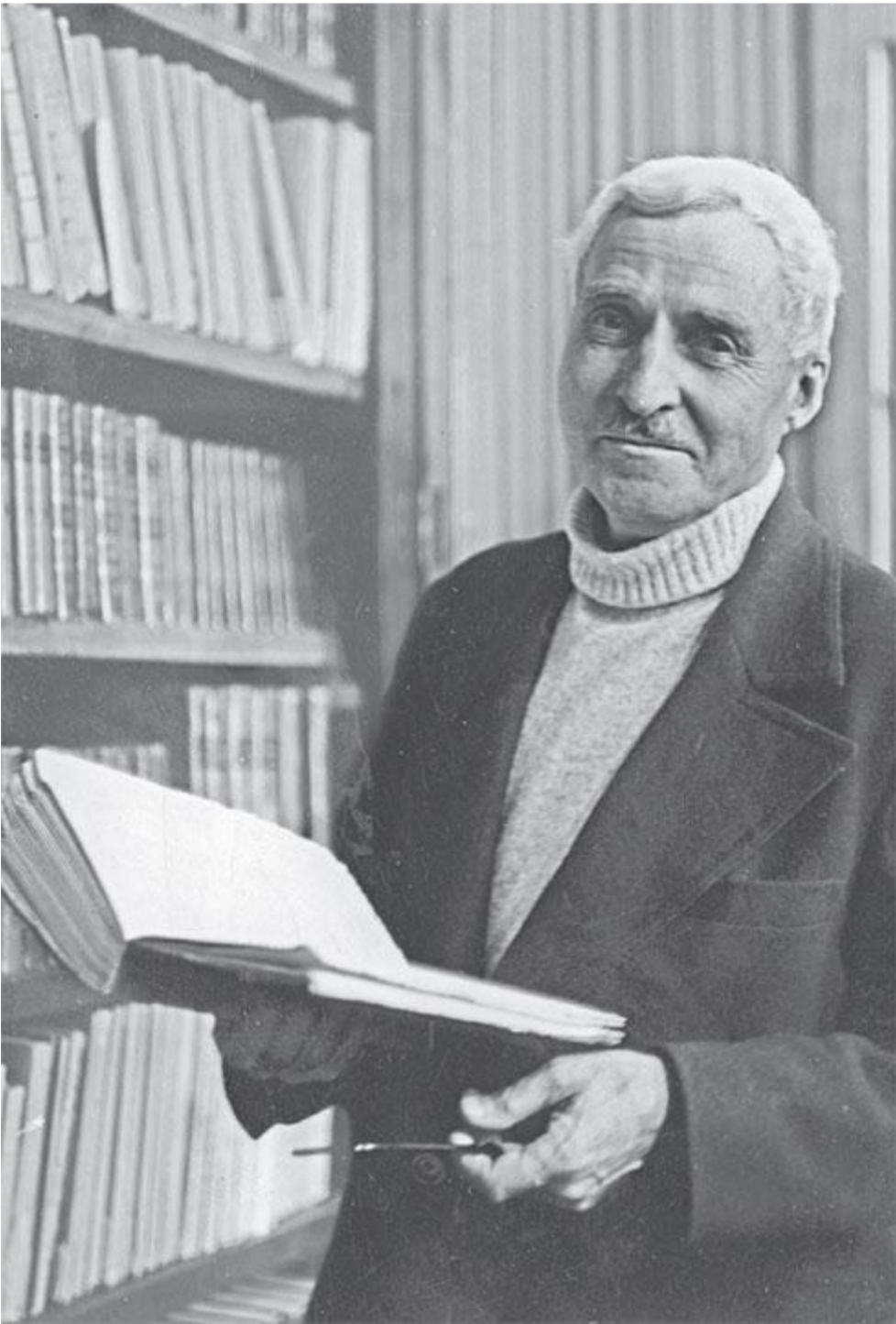
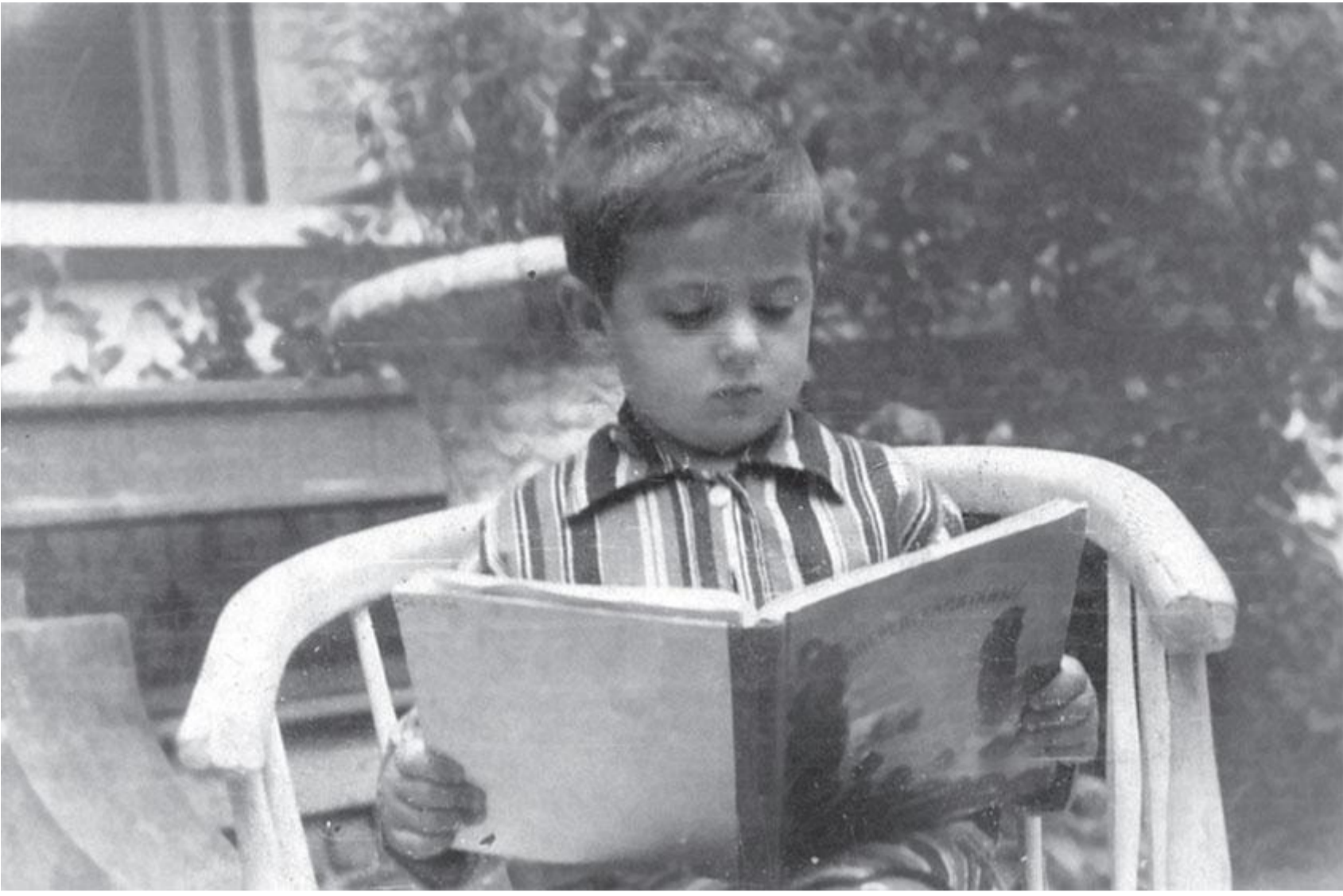

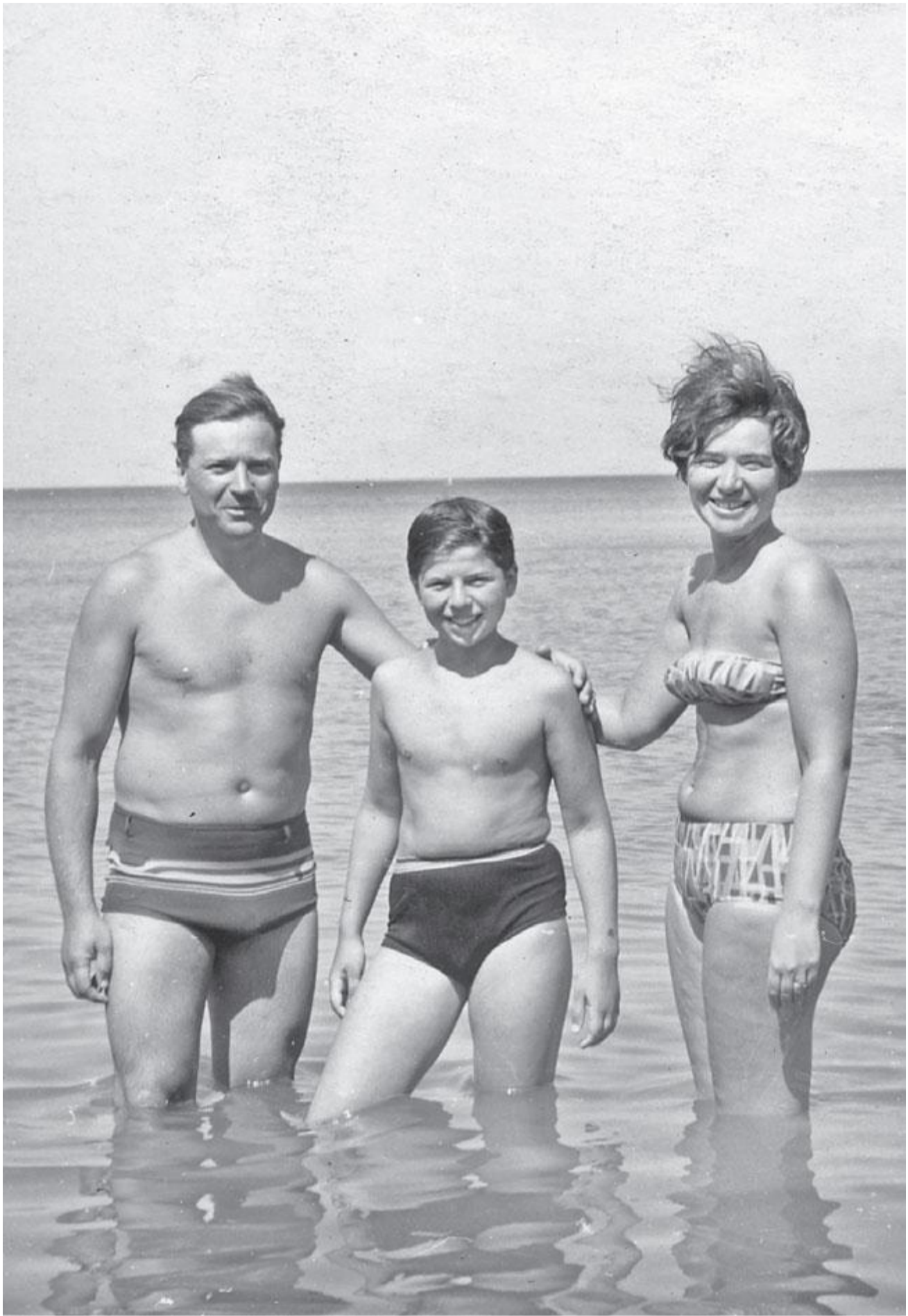

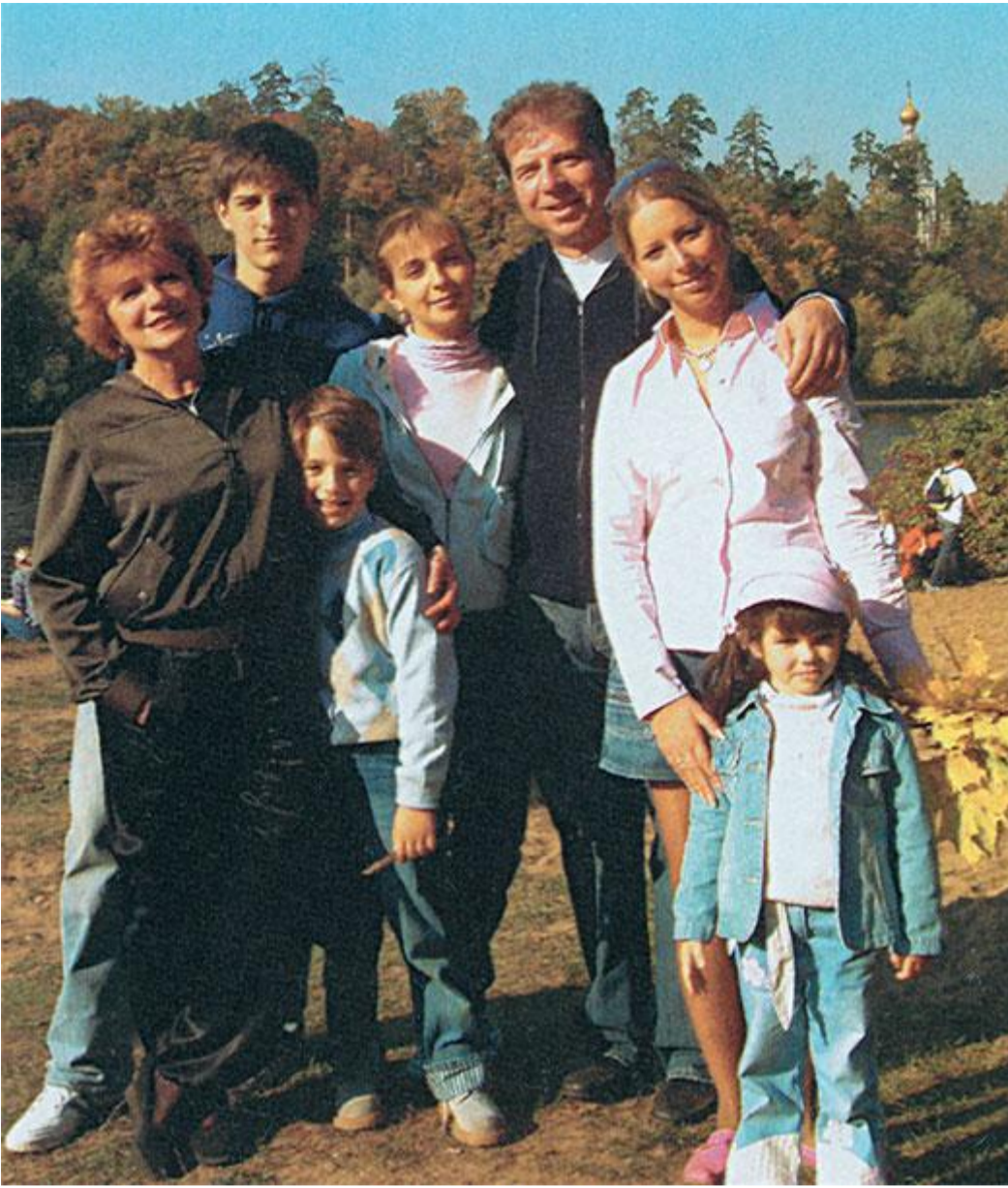

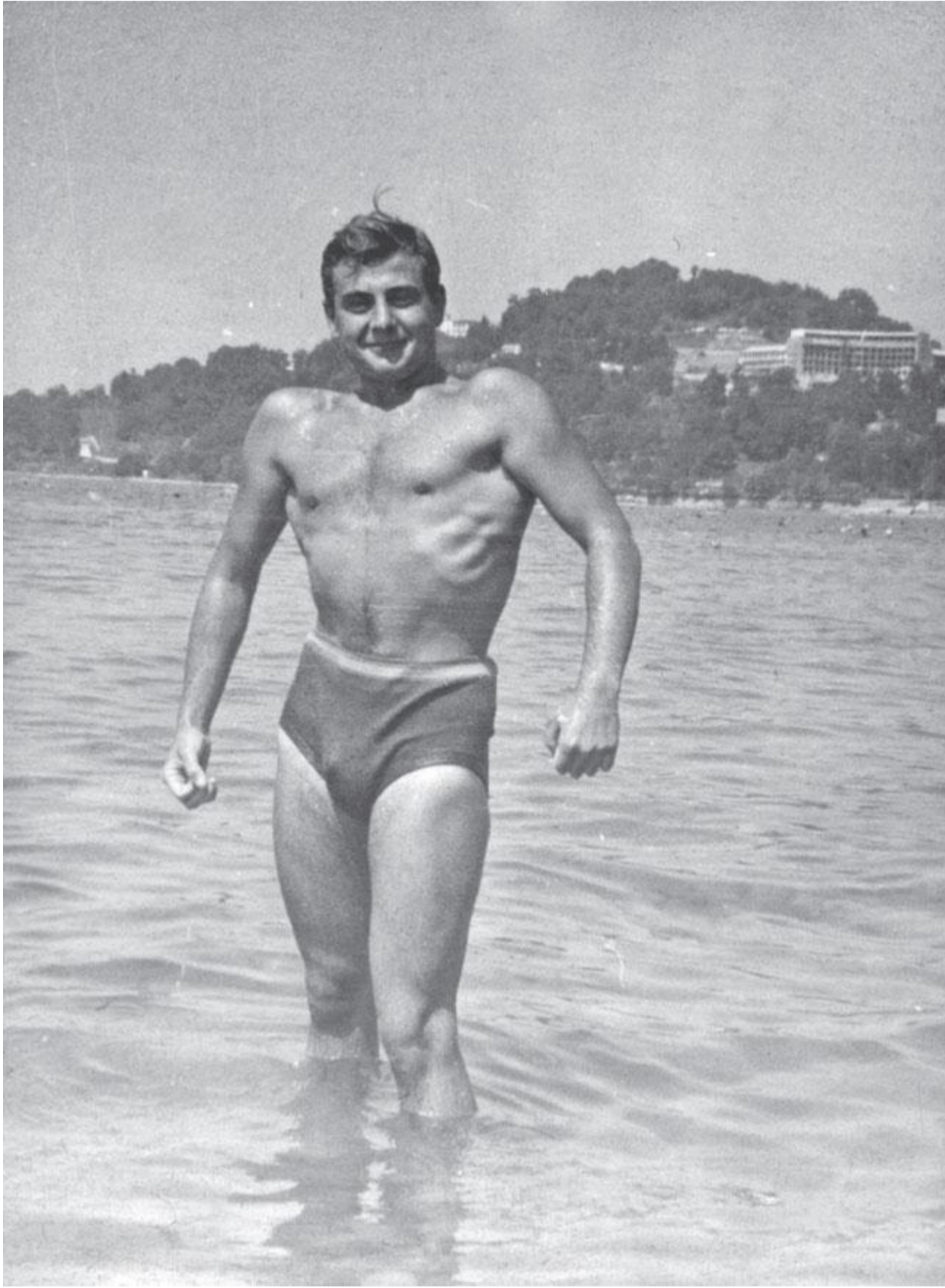

Чёрное море
Якорная щель

Парикмахер — з. а. Ф. А. Димант
 Посаженная мать — Н. Ю. Каратаева
 Первый гость — В. П. Ушаков
 Второй гость — з. а. Г. Б. Тусузов
 Шаферица — Н. Н. Саакянц
 Тапер — К. А. Хачатурян
 Ударник — Ю. А. Соковнин
 Скрипач — О. А. Жежерун
 Брандмейстер — А. В. Козубский
 Пожарные — Б. М. Кумаритов,
 В. А. Кулик,
 В. А. Байков,
 О. С. Петров
 Оратор — Ю. М. Авшаров
 Первая резолюция — Н. Ю. Каратаева
 Вторая резолюция — Б. М. Кумаритов
 Третья резолюция — А. Ш. Пороховщиков
 Профессор — з. а. О. П. Солюс
 Врачи — Л. Т. Фруктина,
 З. Н. Пуляшева,
 Ю. А. Соковнин,
 В. Я. Данцин
 Репортер — Д. М. Каданов
 Мужчина — В. А. Байков
 Лунатичка — З. Н. Зелинская

Двуногое четвероногое —
 Н. Н. Саакянц,
 В. А. Долинский

Директор зоосада — з. а. Б. В. Рунге
 Проходящий — Ю. А. Соковнин
 Кинооператор — Д. М. Родионов
 Санитар — О. С. Петров
 Распорядитель — В. П. Ушаков
 Постановка н. а. В. Н. Плучека
 и н. а. СССР С. И. Юткевича.
 Художники спектакля н. а. СССР
 С. И. Юткевич, Н. М. Кашинцев,
 А. Е. Райхель. Костюмы художника
 А. А. Судакевич. Танцы поставлены
 Е. А. Менес.

Окончание спектакля — 21.30 мин.
 50

Суббота (утро). 26,
 воскресенье (вечер) 27 октября

СТАРАЯ ДЕВА

Комедия в 2 действиях
 И. Штока

Действующие лица и исполнители:

Прасковья Дмитриевна — н. а. Т. И. Пельтцер
 Симочка — Л. С. Шарапова
 Виталик — В. А. Долинский
 Чурин — Б. К. Новиков
 Ангелейко — Н. Ю. Каратаева
 Лихояров — з. а. Е. Б. Кузнецов
 Елена — Г. М. Степанова (26),
 з. а. Н. Н. Архипова (27)

Постановка з. а. А. Б. Шатрина.
 Художник М. М. Курилко.
 Танцы поставлены А. Ф. Кобзевой.
 Ассистент режиссера М. К. Давыдов.

Окончание спектаклей — 14.30 мин.
 и 21.30 мин.

Суббота (вечер) 26,
 среда 30 октября

БАНЯ

Вл. Маяковский

Драма с цирком и фейерверком
 Спектакль в 3 частях

Действующие лица и исполнители:

Победоносиков — н. а. Г. П. Менглет
 Поля — з. а. В. К. Васильева
 Оптимистенко — з. а. Б. В. Рунге
 Бельведонский — З. М. Высоковский
 Моментальников — В. А. Долинский

Понт Кич — з. а. Е. Б. Кузнецов (26),
 В. П. Ушаков (30)
 Ундертон — Б. М. Тронова
 Ночкин — А. В. Козубский (26),
 В. Я. Данцин (30)

Велосипедкин — А. А. Миронов
 Чудаков — н. а. Р. Д. Ткачук

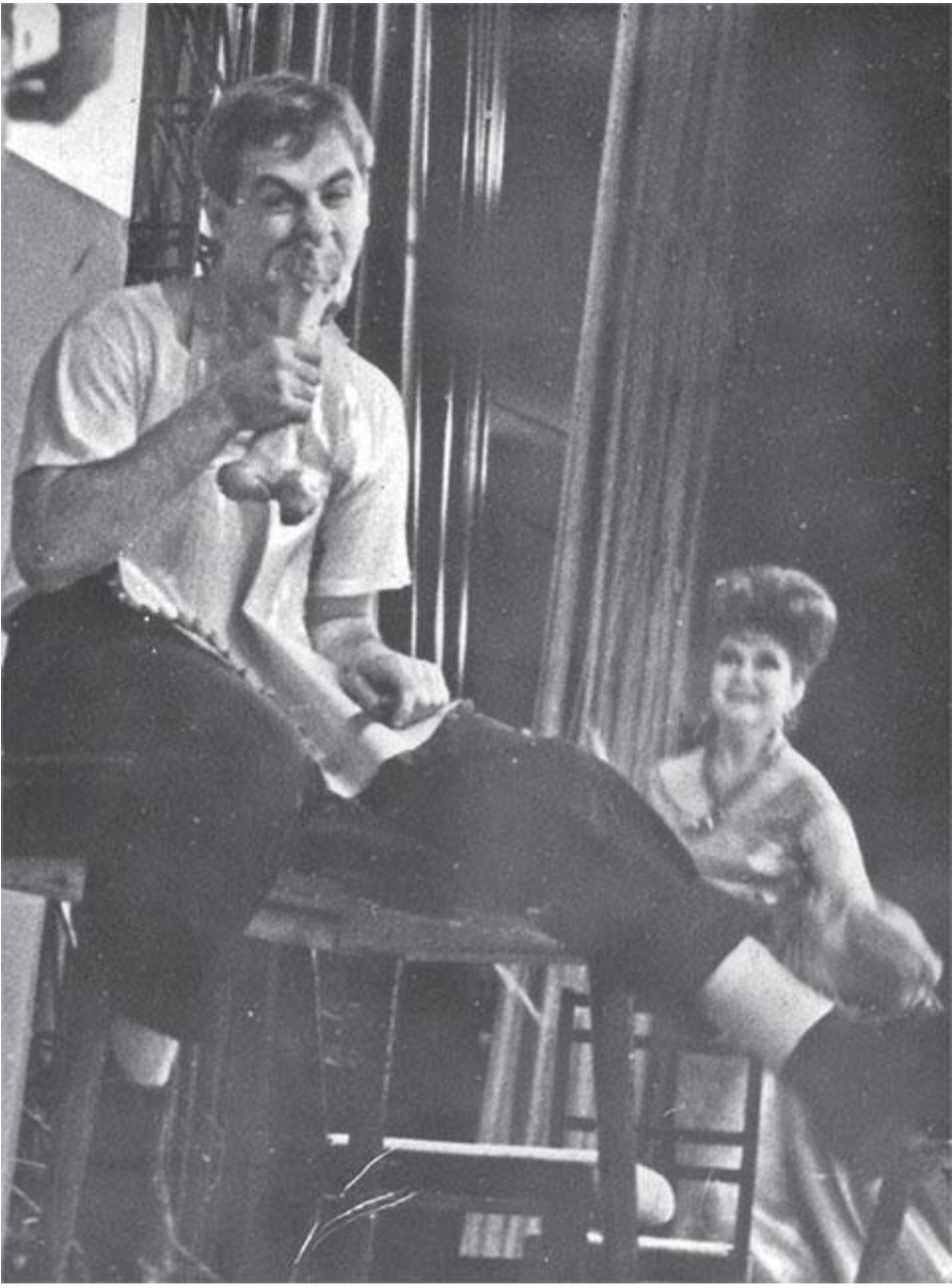

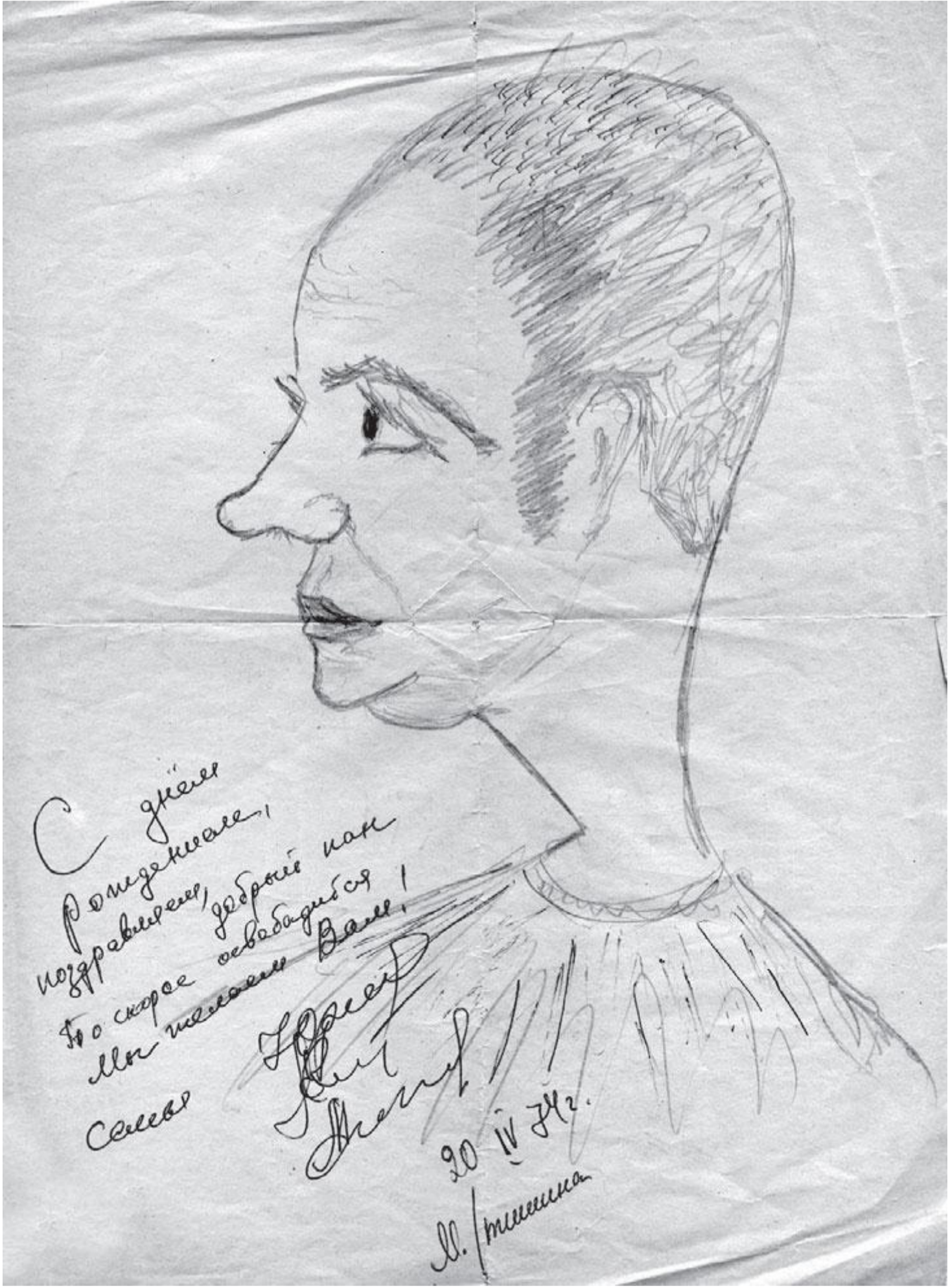

С днём
рождения
поздравляю,
по скорее доброй кон
мы все свободны
Скоро Вам!

Ирина
20 IV 2020
И. / Ирина

Я рассказываю тебе мама, что такое когда избивают
Когда отрываю от дома, разлукой тебя пытают
Тогда холодеют руки и слёзы как кровь с реиницы
Тогда хочется крикнуть: "Больно!", о тебе не крикнешь.

Если ты зовешь как спасенье, а он от тебя отвернется
и забиваясь в угол, сутками дразнит, смеётся
Но всё искрутали минуты, когда я её вспоминаю
Грудь её, губы и руки нежно в сне целовал
(вспоминаю маму.)

Но рассказать не могу мамочка, что такое, когда добивают
Когда в открытую рану тупую иглу вонзают
Когда предаёт так страшно, что мозг и кровь медленней
Ты знаешь, в эти минуты ноги на годы едут.

Мне было так плохо мама, что хуже уже не бывает
Впервые твой совет-покажишник подумал, "А как
умирают?"
Впервые подумал серьёзно, что есть это средство от
боли,
что вырваться можно прямо от написти и из
невны.

Но смущал я злой наверно, что просто так
уходить
Да! Пусть я и злой и гадкий, но огнём колу
отметить!
Отметить тем, что буду счастливым, вернует не
сладчайшим-прямой.
А то что дано мне от бога останется верно
со мной.

Знаю смущал многому цену, сумело но
повелю жить
Знаю, здоровьем, сеном - всё так же о
буду жить.

Всё это пройдёт наверно, и я поемлюсь
над собой

Но почему мне Фа, лоба немоет -
вернувся делью.

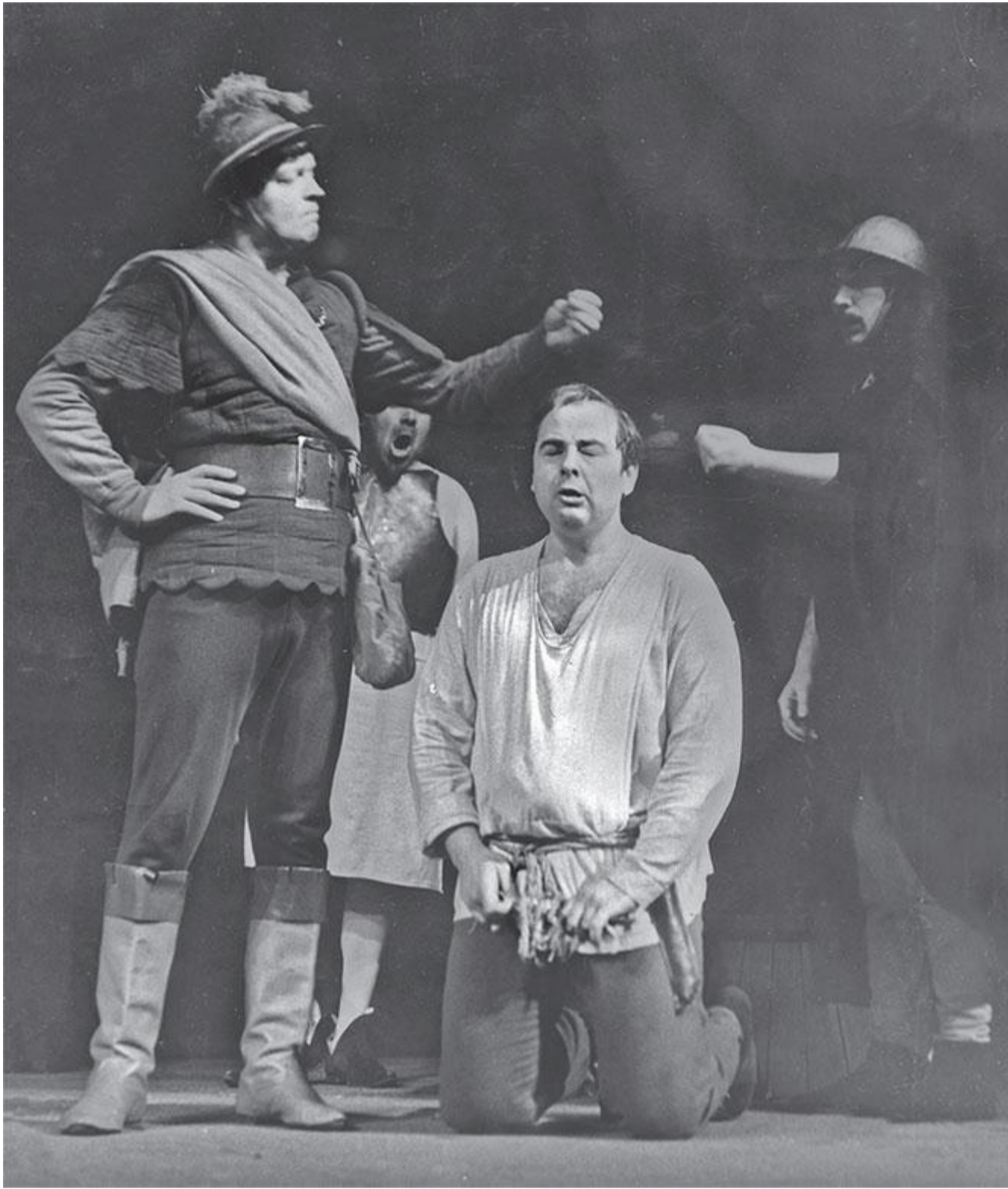
Я стару добрее-не злее, мне хватает фф -
дуневных еш
И только вуровскіи и ушше, такими как
мой папка был!

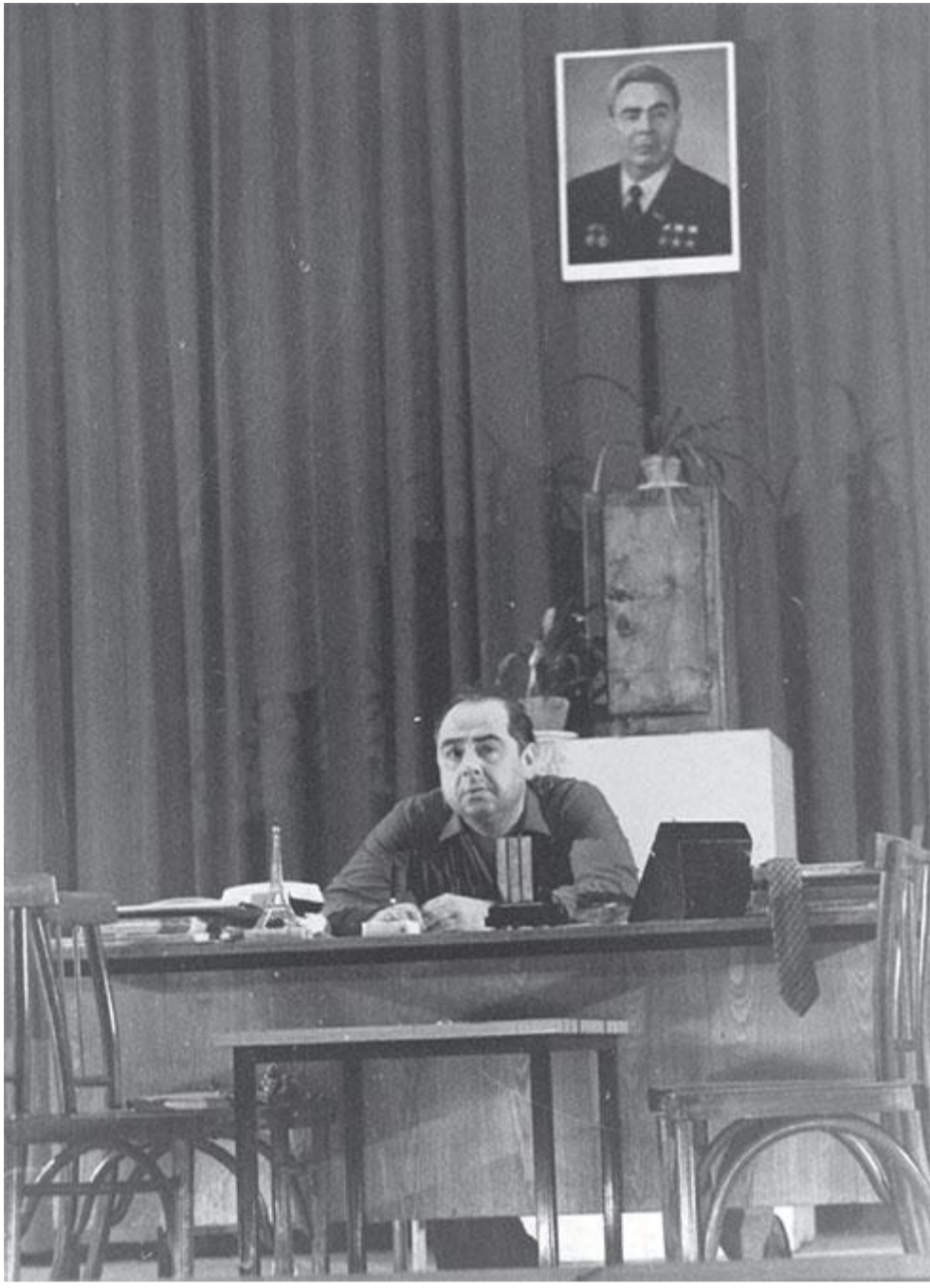

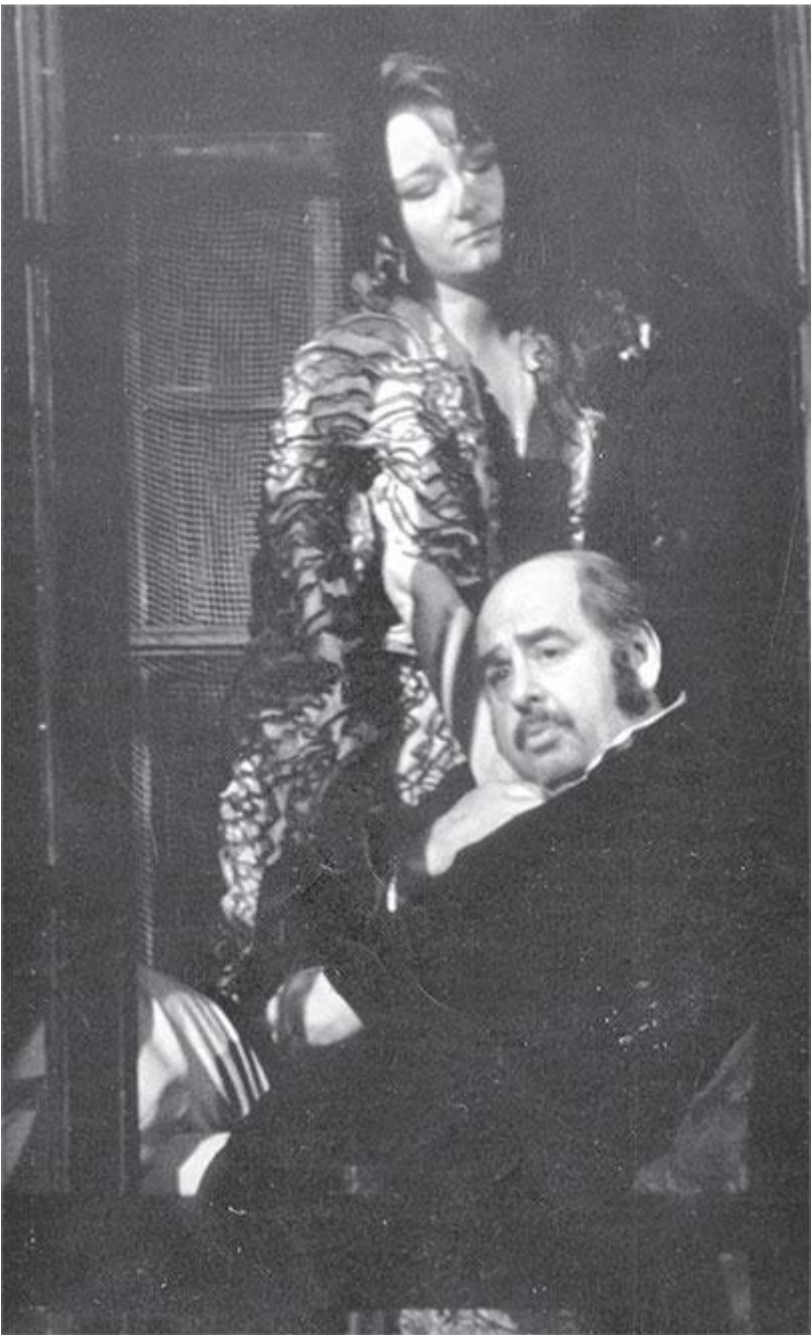

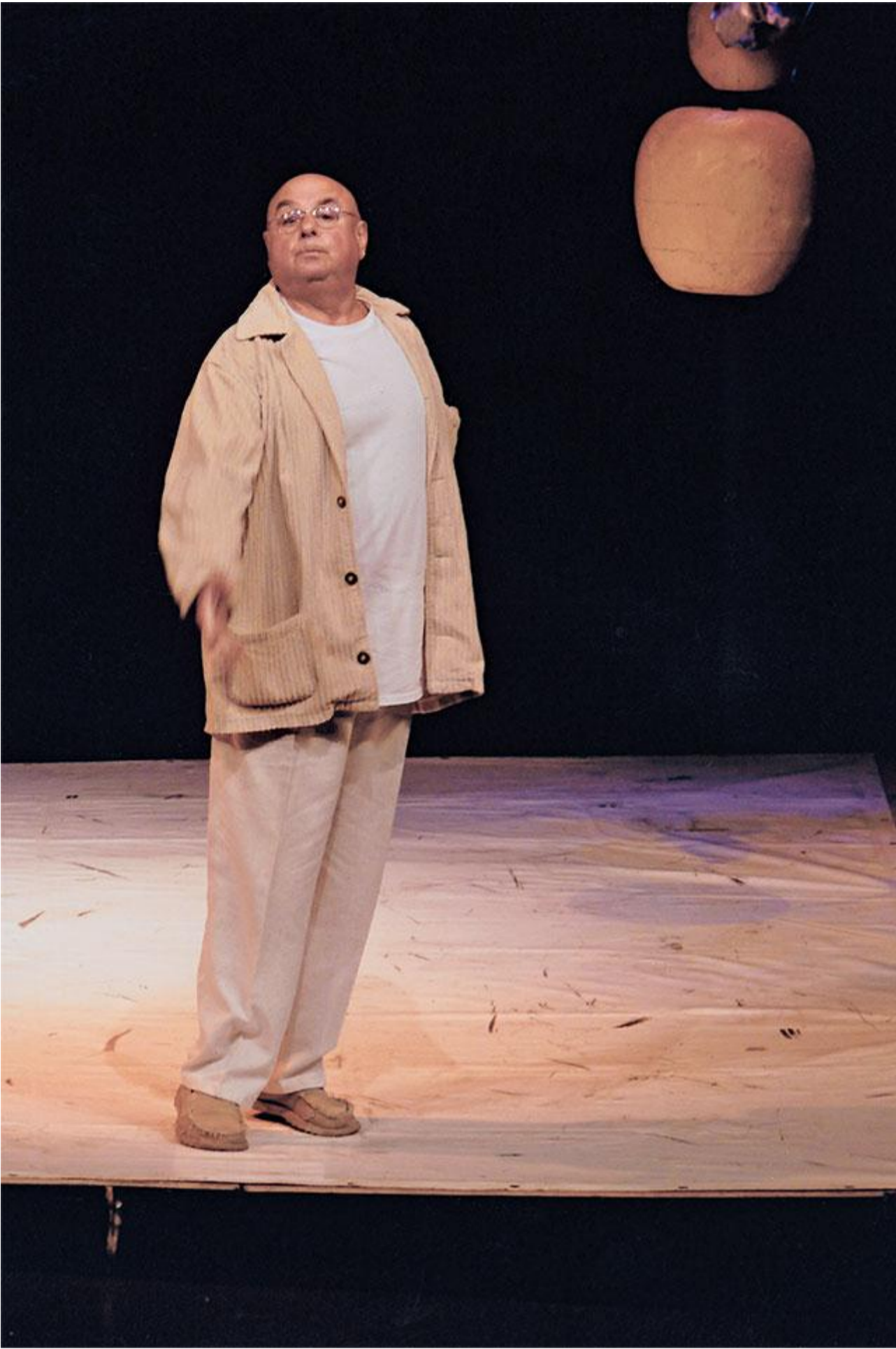

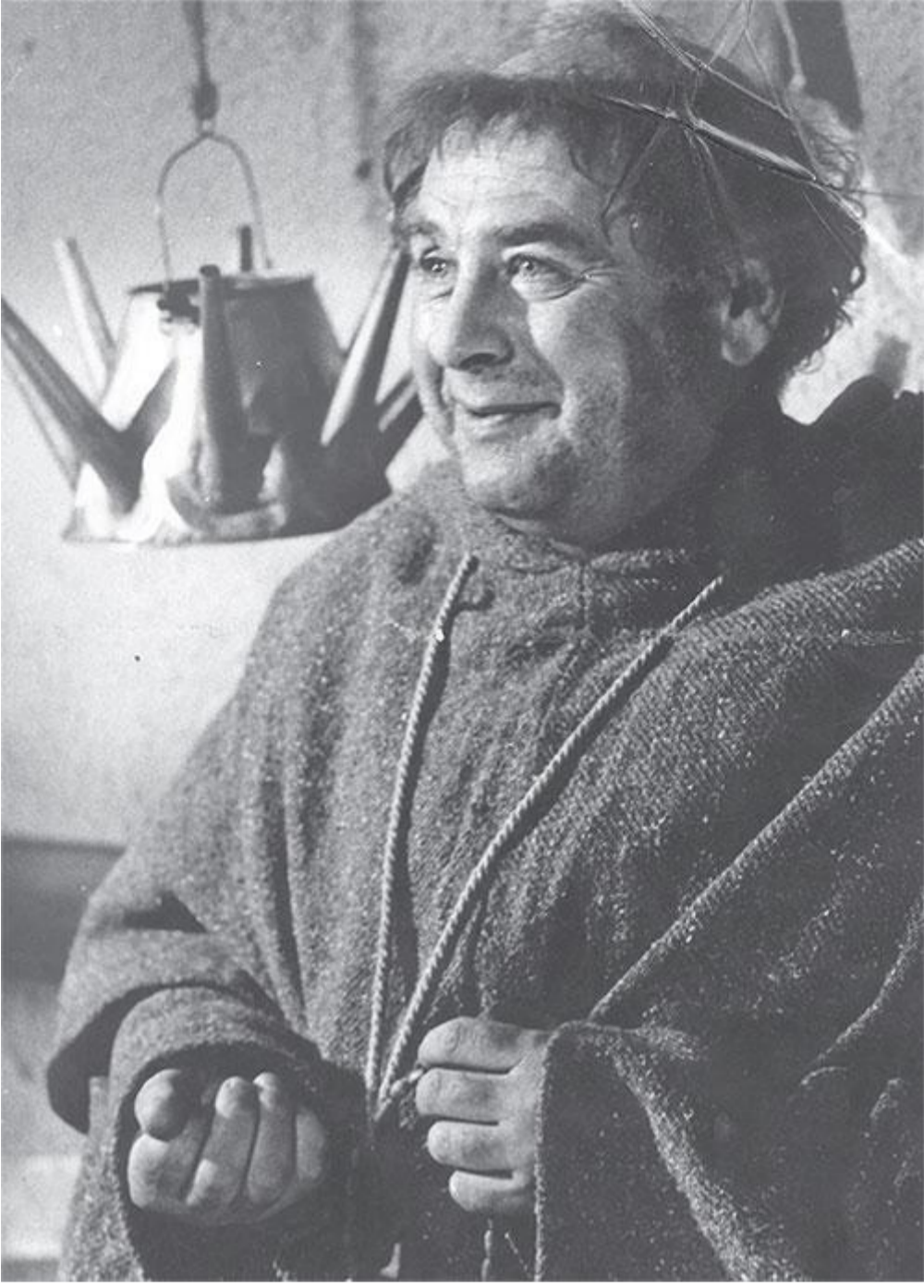

ТЕАТР АНТОНА ЧЕХОВА

Григорий ГОРИН

ШАЛОПАЙ, или КИН IV

{трагикомедия}

художник-постановщик,
художник по костюмам,
художник по свету
Валерий ЛЕВЕНТАЛЬ

композитор
Марк МИНКОВ
в спектакле
использована музыка
Томасо АЛЬБИННИ

режиссер-постановщик
Леонид ТРУШКИН

в ролях:

Валерий ЗОЛОТУХИН
Борис ЩЕРБАКОВ
Владимир ДОЛИНСКИЙ
Вера ГЛАГОЛЕВА
Екатерина ГАЛАХОВА
Ирина ДОМНИНСКАЯ
Саша СОКОЛОВ
Володя ХАН

